

**Сергей Сибирский**

**Путь, которого не было**



Сергей Сибирский  
**Путь, которого не было**

«Автор»

2026

## **Сибирский С. Ю.**

Путь, которого не было / С. Ю. Сибирский — «Автор», 2026

Современный человек попадает в СССР начала 1950х годов. Он знает будущее. Он готов поделиться тем, что знает. Но поверят ли ему в эпоху позднего сталинизма? И если поверят, то смогут ли использовать эти знания, не сломав того, кто их принёс? Все события вымышленные. Совпадения случайны. .

© Сибирский С. Ю., 2026

© Автор, 2026

## Содержание

Авария	5
Прошлое	9
Побег в будущее	13
Неприятности	17
Поворот	21
Допрос	25
О принтерах, полимерах и волшебной воде	29
На квартире	33
Кошмар на улице Лубянка, или киборг за ипотекой	36
Три вопроса	40
О природе страха, власти и фамилий	44
Семейная сага с печатью Совершенно секретно	48
Шутки майора Петровича	52
Научное обоснование распухшего носа	57
Стучите в стенку	61
В поисках невидимого стража	65
Задержан по собственному желанию	69
Кошелёк или свобода?	73
Советский Джеймс Бонд и прочие неприятности	77
Охота на живца	81
Пингвины подождут, а полимеры — нет	85
Цена доклада	89
От Мерседеса с блондинкой до суточных в 176 рублей	93
Не согласовано	97
Игра в поддавки	101
Ты - Сталин	106
Не тот день, чтобы быть главным инженером	110
Конец ознакомительного фрагмента.	114

# Сергей Сибирский

## Путь, которого не было

### Авария

Фура выскочила на встречу неожиданно. Я не знаю, видел ли водитель фуры, что в салоне легковушки, пошедшей на разворот прямо с обочины трассы, мудака, на заднем сидении дети или нет, но он предпринял единственную возможную попытку избежать ДТП, вывернув руль влево. Клаксон надсадно взревел над асфальтом.

Я в это время как раз поднимал глаза от пачки сигарет и машинально рванул руль вправо, уходя от лобового столкновения с большегрузом. В принципе, можно было разъехаться с фурой по обочине, но эта мысль запоздало мелькнула в моей голове — ровно тогда, когда, пробив отбойник, моя машина понеслась в сторону деревьев, подпрыгивая на ухабах и норовя перевернуться.

Я действовал на автомате — выжав до боли в ступне педаль тормоза и, не соображая от страха, смотрел на приближающиеся ко мне стволы сосен. Глухой удар. Вокруг меня сначала вспыхнули звёзды, а потом всё провалилось в кромешную тьму.

Сколько я проторчал без сознания в машине, не знаю. Очнулся от тупого уханья в ушах, как будто вся моя кровь пыталась пробиться через них наружу. Дико болело левое плечо и рёбра. Этот чёртов ремень безопасности чуть не сломал их. Правая нога затекла, и я не мог ей шевельнуть. Медленно открыл глаза, про себя кляня на чём свет стоит мудилу на легковушке, из-за которого весь этот сыр-бор и вышел.

Первое, что увидел, — подушка безопасности не сработала, и на руле было красное, размазанное пятно. Моя **кровь**. Видимо, нехило рожей приложился. Лобовое стекло не вылетело, не раскрошилось — пара трещин и несколько **капель крови**. Опять же моей. Языком провёл по распухшим губам, соображая, почему не чувствую боли на разбитых губах. Видимо, лицо опухло.

Потянулся к замку ремня, преодолевая желание вскрикнуть от боли. Щёлк! Ремень безопасности ослаб, и я вздохнул свободнее. Сделал попытку рукой подтянуть онемевшую ногу, одновременно открывая дверь. Всё было как в тумане, и только одна мысль — «мудень тупоголовый» — стучала в голове.

Наконец я вывалился из-за руля на траву, ободрав об какой-то куст ладони. Всё тело ныло, как будто меня пропустили через мясорубку. «Пять минут, — приказал я себе. — Лежу пять минут и встаю».

Затылком я чувствовал чуть влажную, прохладную траву, смотрел на набегающие серые тучи — предвестники дождя. Постарался расслабиться, чувствую, как потихоньку оживает затекшая нога, и слегка повернул голову, оглядывая свой «Фольц». Мой взор сразу выловил полосы на тёмносинем боку — от заднего крыла до водительской двери. Видимо, я чиркнул по железу пробитого отбойника. Передняя левая часть поцеловалась с сосной: с моего места не было видно, насколько всё плохо, но то, что машина влетела и не обняла ствол целиком, уже радовало.

Какоето странное чувство начало давить на мозг. Я сначала не врубался, от чего мне стало не по себе — хотя по жизни я довольно сообразительный парень, но, видимо, вся моя соображалка испарилась в тот момент, когда мой хохотальник встретился с рулём. Я лежал, тупо смотрел на небо и вдруг понял: я не слышу звуков с трассы. Ни шума проезжающих авто, ни криков дальнотойщика, ни звука леща, отвешанного мудиле за выкрутасы на оживлённом участке дороги.

И на меня напал страх — уж не оглох ли я от удара головой? Честно, в этот момент я почувствовал себя ну максимально некомфортно. Тридцать пять лет, а я уже глух как старый тетерев. Я выдохнул и напряг слух. Да нет Вот шелестят ветви от ветра, вон где-то недалеко дятел стучит по кроне — будто кувалдой бьёт по наковальне. Вот муха настойчиво жужжит, норовит усестся мне на разбитую рожу. Облегчение волной хлынуло на меня: сразу и серые тучи стали казаться уже почти белыми, а настырная муха почти домашним питомцем. Но это было только несколько секунд. С трассы — ни звука.

Я резко приподнялся — пару чёрных кругов крутанулись перед глазами, голова загудела. Обернулся и застыл как истукан. Трасса была пуста. Абсолютно. Ни фуры, ни легковушки мудака. Ни его самого, державшегося за щеку от полученного леща. Ни-ко-го. Я молча тупил, смотрел на дорогу и не верил глазам.

Честно говоря, я не помню, сколько я так простоял. Мозг отключился совсем. Осталась только картинка, подающая сигналы в этот самый мозг: пустая трасса и я один-одинешенек стою между лесом и дорогой. Пришлось как следует тряхнуть головой и провести по лицу рукой, одновременно отгоняя задолбавшую муху. Ничего не поменялось. Всё такая же пустая дорога, всё та же настырная муха жужжит над ухом. Всё так же нет ни фуры, ни получившего леща муденя.

Медленно, шатаясь как зомби, я побрёл к трассе, совершенно забыв о своей машине. Муха двинулась следом, надсадно и настырно жужжа возле уха. Под ногами захрустели сухие ветки. Трассу от меня сейчас отделяла лишь насыпь — и тут я снова впал в ступор. Где этот чёртов отбойник, который я пробил? Им тут и не пахло. Ничего не соображая, я поднялся по насыпи. Колени дрожали, в боку кололо при каждом шаге. Я ступил на дорогу. Именно на дорогу, а не на трассу, ибо то, что открылось моему взору, трассой не назовёшь. Ни грамма асфальта. Обычная грунтовка, местами присыпанная гравием, под ногами чуть проседает, пылит.

Я стоял с открытым ртом, озираясь вокруг. Сама местность мне казалась незнакомой. Вон там должен висеть щит с рекламой мобильного оператора. Должен, да не обязан, ибо ничего похожего я не видел. А ведь я мог поклясться чем угодно, что за секунду до того, как потянулся за сигаретами, и за пару секунд до вылетевшей навстречу фуры я проехал мимо этого щита. Нехорошие мысли полезли мне в голову.

Первая сначала несколько успокоила: «Помоему, Виталя, ты сдох, а это гуляет твоя душа». Но, пораскинув мозгами, я пришёл к неутешительному выводу: душа гуляла бы по асфальту, среди машин, и радовалась бы оплеухе мужику на легковушке. Вторая мысль оказалась мне более убедительной. Я решил, что заснул или отключился за рулём, слетел с дороги, а то, что был асфальт, фура и исполнитель на легковушке, мне или приснилось, или показалось. На самом деле я пёр по грунтовке, и ничего, кроме моего вылета, не произошло. Но тут же понял, что вру сам себе: другой дороги до Великого Новгорода не было. А если и была, то я о ней и слухом не слыхивал.

«Надо вернуться к машине», — решил я. — «Найти смартфон и позвонить комунибудь. Наверное, сначала маме, а потом или в полицию, или в МЧС». Всё ещё недоумевая и отмахиваясь от мухи — которая, зараза, никак не отставала, — я направился к «Фольцу».

Сначала я медленно обошёл тачку кругом. Вся правая сторона цела и выглядела так, будто муха не садилась. Передок меня не порадовал. Бамперу хана. Левая фара вдребезги, ещё и свисала, держась на тоненьком проводке, как на волоске. Капот слегка вздыбился, а левое крыло чуток загнулось внутрь — потрогал: металл ещё тёплый, даже горячий местами.

Я проковылял до водительской дверки, дёрнул рычаг, вернулся назад и открыл капот. Радиатор цел — хвала богам! Потрогал патрубки — не текут, всё сухо. Ещё раз бегло осмотрел повреждения. Всё складывалось не так плохо, как я изначально себе представлял, и я уже

прикидывал, во сколько обойдётся ремонт и за сколько потом можно будет выставить телегу на продажу.

Пока в голове крутились цифры я полез в салон, ища телефон. На глаза попалась пачка «Мальборо», рядом валялась зажигалка. Вдруг вся математика в голове испарилась от появившегося желания покурить. Чиркнул зажигалкой, затанулся — и закашлялся, поморщившись. Кашель отозвался болью в рёбрах слева, будто кто-то ткнул тупым ножом. «Не сломал ли?» — отстранённо подумал я, отыскивая в салоне улетевший куда-то смартфон. Пошарил под сиденьем, за спинкой, на полу — наконец нашёл, нажал кнопку, провёл пальцем по экрану, набрал номер. Быстрые гудки.

Я чертыхнулся от злости и глянул на сеть. Как ни странно, её не было. Хотя какая странность? Я находился хрен знает в какой глубокой... местности, посреди леса. Странно было бы, если бы тут сигнал ловился.

Что ж, решил я, нужно топать до ближайшего населённого пункта, оттуда звонить и звать на помощь. Пришлось снова нырять в салон и забирать документы. Пальцы нащупали в бардачке паспорт, права, страховку — всё на месте. Поставив «Фольц» на сигналку я выбрался обратно на грунтовку. Огляделся: лес стоял тёмный, густой, а дорога уходила вдаль, прямая и пустая. «Ну, Виталя, — сказал я сам себе, — пошли искать людей. Или хотя бы связь».

Не знаю, по какому принципу я решил топать налево, но попёрся именно туда. В голове сидело две вещи: минут за двадцать до аварии я проезжал какую-то то ли деревушку, то ли кемпинг для дальнобоев. Возможно, там что-то и есть. Вторая, что мне собственно ничего другого, как переться отсюда подальше, и не остается.

Я бодро (если так можно назвать моё медленное ковыляние по пыльной грунтовке) шагал минут десять, как вдруг почувствовал, что хочу пить. К тому же разбитые губы начали гореть и требовали смочить их живительной влагой. На них уже запеклась корка, и каждое движение рта отдавалось неприятной стянутостью. Я вспомнил, что на заднем сидении «Фольца» валялась бутылка минералки, и начал по доброму материть себя за растяпство, что не подумал взять её с собой. Борясь с желанием вернуться назад, я ускорил своё шатание в дорожной пыли.

Хорошо хоть муха отвязалась, хотя я уже начал жалеть о её отсутствии. Какой-никакой, а компаньон был. Теперь приходилось вышагивать в одиночку. Тучи совсем заволокли небо, стало темнее, воздух потяжелел, запахло сыростью. Я начал побаиваться, что пойдёт дождь и превратит эту дорогу в полосу препятствий, которую можно и не преодолеть в моём состоянии. Я мысленно вознёсся к небесной канцелярии, истерично требуя повременить с этим делом. Но там, выслушав, похоже, решили плюнуть на меня.

Как только я закончил своё волеизъявление, на землю ударили первые капли. Обматерив небесных чиновников, я пустился почти бегом — ну, где-то километра три в час, ибо на большее меня не хватило. Ноги подкашивались, бок ныл, дышать было тяжело. Снова полезли мысли о странности, в которую я вляпался. Пытаясь найти рациональное объяснение, я погрузился в себя настолько, что чуть не протопал мимо какого-то деревянного указателя. Остановился, вчитался в выцветшую краску: «Бор — 15 километров». Пришлось почесать затылок. От этого указателя поселение Бор находилось в пятнашке в ту сторону, с которой я шёл.

Я минут за двадцать назад видел деревушку (надеюсь, что деревушку). Тошил я по трассе примерно 80 км/ч. Калькулятор в голове отказывался работать. Поэтому пришлось включить смартфон и заниматься вычислением с помощью техники. Выходило, что мне проще, быстрее и дешевле будет возвращаться к месту аварии и идти по направлению к Великому Новгороду.

По чести, я даже обрадовался. Появилась мощная причина вернуться за минералкой в машину. Не дав сомнениям ни секунды возможности, я повернулся и зашагал в обратном направлении. Накрапывающий дождик решил, что нечего со мной больше считаться, и обрушил на меня потоки воды. Ледяные струи по шее, вода за шиворот, джинсы сразу прилипли к

ногам. Враз оказавшись промокшим до нитки, я решил, что лучшим будет пересидеть в тачке, переждать непогоду и опосля продолжить свой путь в неизвестность. К тому же тлел уголёк надежды, что пока я буду прохладаться в салоне «Фольца», по этой забытой всеми богами и людьми дороге проедет какой-нибудь совестливый человек. От этих возвышенных мыслей даже по грязи идти стало легче.

Представляете моё состояние, когда я услышал шум мотора, а потом увидел свет фар идущего мне навстречу автомобиля? Сначала я даже не поверил — показалось, что это галлюцинация от усталости. Но фары приближались, становились ярче. Я забежал по дороге, как заяц, попавший в свет этих фар. Кричал, махал руками, чуть не упал в лужу.

Вот авто уже рядом — какой-то древний грузовик. Ну а чему я, собственно, удивляюсь в этой-то глуши? Машина скрипнула тормозами, остановилась подле меня. Из неё выскочил человек в кепке и деревенской одежде (такую одежду я лишь раз видел на пьяном вусмерть конюхе в деревне под Тулой) и, протянув мне руку, крикнул:

— Здравствуйте, товарищ! Вы что тут делаете под таким дождём? Садитесь быстрее, я вас подвезу!

## Прошлое

Я кое-как вскарабкался в кабину грузовика. Внутри сильно пахло табаком. Тот самый запах, что напоминал детство и

деревню под Тулой: мой дед курил такой же. Водила вскочил за руль, окинул удивлённым взглядом мою разбитую рожу, достал папиросу из пачки внушительного размера, чиркнул спичкой, затянулся и тронул машину с места.

— Ну и вид у тебя, парень, — хрипловато усмехнулся он. — Будто с того света вылез. Егор, — представился он, стряхнув пепел в окошко. Я с любопытством покосился на него: невысокий, крепкий, со шнобелем в пол-лица, уши как два лопуха. Но, судя по всему, парень нормальный. — Виталий, — я протянул ему руку, предварительно вытерев её о край куртки. — Если ты по поводу моей физиономии, то она повстречалась с рулевым управлением. Он на секунду отвлёкся от дороги, брови поползли вверх: — Чего? — Авария была, говорю, — я поёрзал на жёстком сиденье. — С трассы моя машина слетела, и я мордой об руль. — А-а-а, — улыбнулся он. — Далече отсюда? — Ты уже проехал это место. Он извиняюще приподнял плечи: — Не приметил в дождь-то. Да и дорога у нас тут тихая, машин мало

Он кивнул, не отрывая взгляда от дороги. Я огляделся. Древняя приборная панель выглядела непривычно: массивные круглые датчики, рычажки, никаких цифровых индикаторов. «Ну и деревня», — мелькнуло у меня. Колотун от промокшей одежды сходил на нет, я даже немного пригрелся в закрытом пространстве без дождя и ветра и чуть расслабился, позабыв о странностях. Было такое ощущение, мол, сейчас моё шоковое состояние после аварии пройдёт и всё встанет на свои места.

За окном тянулись берёзы, ни одной вывески, ни одного столба с проводами. Только изредка попадались деревянные указатели с полустёртыми буквами.

— Ну и тачка у тебя, — пробубнил я, стараясь поддержать беседу с лопухим. — Где выкопал такое чудо?

Тот слегка обиделся, покосился на меня:

— ЗИС-150, последняя модель. В колхозе на балансе состоит. В прошлом году привезли.

— Да ты что? Такую древноту только в прошлом году притаранили? Ладно-ладно, извини, — поспешил я поправиться. — Просто не видел живую. Красиво сделано.

Он заметно смягчился, похлопал по рулю:

— То-то же. Техника наша — надёжная. А ты на чём ехал-то, когда авария случилась?

— На «Пассате», — ответил я.

Его шнобель дёрнулся: — Чего?

— Ну, немецкая машина. «Фольксваген».

Он посмотрел на меня как-то странно, уточнил: — Трофейная, что ли?

Меня немного удивила его непонятливость, но я решил придерживаться непринуждённого разговора.

— Если бы. Тогда б я «Мерседес» или «Бэу» затрофеил бы, — хмыкнул я, вытягивая ноги. — Купил. В кредит на пять лет.

Водила уронил челюсть вместе с папироской и уставился на меня с таким видом, как будто я был скоромохом, свалившимся в час скорби всем на головы. — Где купил? — он не отрывал взгляд от моего лица. — И как это — купил на пять лет?

— Ты что, в город ни разу не выезжал? — теперь я уже смотрел на него с опаской.

Тот вернул взгляд на дорогу, объехал яму: — Нет, — уныло протянул он. — Был, конечно. В Москве. Три года назад. С женой. — Хрена вы тут отстали от жизни, — пожалел я его. — Некогда ездить, — уши покраснели у него. — Страну поднимать надо. — Вот в этом я с тобой

полностью согласен, — кивнул я, но странное чувство неправильности снова кольнуло меня.  
- Страну поднимать нужно, а не в интернетах сидеть.

Егор оживился:— Чёрт, — весело воскликнул он, — так ты тоже интернатовский?

— Не-не, — я отрицательно покачал головой. — Я обычный.

Я достал смартфон, посмотрел на экран. Батарея на 15 %, сеть не ловит.

Водила мельком глянул на меня, хотел что-то спросить, но дорогу перебежало какое-то животное — то ли лиса, то ли собака. Он резко вывернул руль влево, едва не слетев с трассы. Колёса прошли юзом в считанных сантиметрах от края дороги. Я замер, вцепившись в сиденье, ожидая второй раз за день слететь с полотна, но Егор справился с ЗИСом. Медленно направил грузовик на середину дороги и тут обложил таким отборным матом бедную зверюгу, что даже у меня уши завяли.

— Тьфу ты, нечистая сила! — выдохнул он, вытирая пот со лба. — Опять эти твари норовят под колёса кинуться. Нет на них Сталина, право слово!

Я сунул смартфон в карман и пять минут слушал разглагольствования лопухого о какой-то матери и животном. Наконец он успокоился и, глянув в мою сторону, процедил:— И так оное бывает по несколько раз в день.

Я промолчал, таращась в боковое окно. За стеклом тянулись голые берёзы, редкие избы с соломенными крышами, грязь на дороге блестела от дождя. «Где я?» — мысль кольнула снова.

— А тут где-нибудь сеть берёт? — решил спросить я, вспомнив о желанном звонке.

Водитель на секунду задумался, потом буркнул:— У Петровича можно узнать. Он тут заядлый рыбак, потомственный, можно сказать. У него и сеть, кстати, можно взять. Не бесплатно, конечно.

Я моргнул:— Какую сеть?— Рыболовную, какую ж ещё, — удивился он.

Тут до меня дошло. Это не водитель. Это псих удравший из лечебницы и сперевший где-то допотопный грузовик. Я внутренне подобрался, готовый дать отпор в любую минуту. Но лопухий теперь во все глаза следил за дорогой и на меня внимания не обращал.

Я решил, что молчание затянулось, да и информация мне всё равно нужна. Пусть даже от психа.— Где тут можно позвонить?— А, позвонить, — протянул водитель. — Только из почтового отделения. В посёлке есть, километров через пять. А сам куда направлялся?— В Великий Новгород, — осторожно ответил я.— Дэк, это ж через 10 километров. Давай подвезу, мне не трудно. Я хотел было гордо отказаться, но, взглянув на непрекращающийся дождь и представив, как бреду по грязи, только вымолвил:— Добро. Премного благодарен. Он молча кивнул и прибавил газу. Еще немного и мы въезжали в городок.

Дождь стучал по крыше кабины, дворники скрипели, размазывая воду по лобовому стеклу. Я смотрел на мелькающие за окном деревья, на редкие дома, на людей в странной одежде — и внутри нарастало странное чувство. Что-то было не так. Слишком много мелочей, которые не складывались в привычную картину.

Грузовик замедлился и остановился у небольшого здания с вывеской «Почта».

— Вот, — сказал водитель. — Отсюда ты точно до своих дозвонишься.

Он смотрел на меня и вдруг спросил:

— Слушай, парень, а ты не псих случайно? Или может быть контуженый?

Я усмехнулся, пробегая взглядом вокруг.

— Может и контуженый, — в тон ему ответил я. — Ведь авария же была. Спасибо, Егор.

— Не за что. Советские граждане должны помогать друг другу.

Я открыл дверь, ступил в лужу. Обернулся — хотел поблагодарить ещё раз, но грузовик уже разворачивался.

Я стоял под дождём, глядя вслед удаляющемуся ЗИС150. Серые дома, немногочисленные прохожие в каком-то старье. Ни одной рекламной вывески, ни одного супермаркета или

пивного. А нет - вон ларек какой-то с надписью "пиво". Сходить взять ? Нет, не сейчас. Достал смартфон. Сеть показала мне большой кукиш.

Потом обернулся к зданию почты. Окно с занавеской, дверь с облупившейся краской.

Дверь почты открылась. Женщина в синем платье выглянула наружу:

— Вы заходите, что стоите? Промокнете совсем.

Я шагнул внутрь, чувствуя себя не в своей тарелке. «Что за хрень творится?» — теперь я поставил себе вопрос ребром.

За стойкой сидела почтальонша. Типичная такая почтальонша: дать ей пистолет — она б каждого второго к стенке ставила. Вот к этой самой, на которой висит портрет

Я разинул рот и молча пялился на этот портрет. Сталин.

Помимо моей персоны в помещении было немногочисленно. Женщина, которая меня пригласила, вышла и исчезла в дожде. Мужик в гимнастёрке, старушонка в каком-то драповом пальто, две женщины внушительных размеров. Когда я вошёл, все уставились на меня, как я на портрет Сталина.

Чувствуя на себе взгляды, я сфокусировал внимание на людях. — Здравствуйте, — пробормотал я. — Кто крайний?

Они не ответили, рассматривая меня с ног до головы, как какие-нибудь учёные рассматривают неизвестный доселе микроб. — Чой-то одёжа у вас какая-то странная, — первой заговорила пышная дама, её глаза загорелись любопытством. — Шо за материал?

Я опустил взгляд. Она показывала пальцем на мои джинсы. И вот тут-то, ребята, я немного струхнул. В голове застучали шестерёнки: грунтовка, допотопный грузовик, лопухий, спрашивающий про трофейную машину, кредит и отвечающий про сеть, инфраструктура городка, вопрос о джинсах, одежда всех, кого я видел, портрет вождя, наконец «У меня что, крыша поехала?» — строго спросил я сам себя.

— Вы иностранец? — рявкнула вторая необъятная женщина. — Чего не отвечаете, когда вас спрашивают?

«Притвориться иностранцем? Нет. Надо ж попросить позвонить. Хотя куда и кому?» Мысли подводили меня к тому, что я каким-то образом оказался в прошлом, но рассудок сопротивлялся. «Может, это сон?» — спрашивал я сам себя. Надо что-то ответить. Вон они на меня зырят, как подозрительно

— Это джинсы, — прохрипел я. — Новая ткань такая. — Иде ж её достать? — пышная номер один протянула руку, чтобы потрогать джинсы. Я отступил на шаг, лишая её такой возможности. — В Москве, — проговорил я и сделал два шага к окошку стойки. — Если вы пока не обременяете своими желаниями почтальона, то позвольте мне

Они снова удивлённо уставились на меня. — Здравствуйте, — начал я, глядя на почтальоншу и улыбаясь, пытаюсь создать о себе благоприятное мнение. — Мне нужно позвонить в Москву. Можно от вас? У меня сеть не ловит — тут я прикусил язык.

Взгляд почтальонши не изменился. Она смотрела так, будто я попросил не позвонить, а скажем, слетать на Марс. Голосом, которым можно было скрутить ржавую гайку с колеса грузовика, она ответила: — Это почта. Здесь не звонят. Вам на междугороднюю связь.

И она тут же забыла обо мне, начав что-то заполнять. Я безнадежно обернулся. Так и есть: все стоят и разглядывают меня. — Уважаемые, — начал я, — а где у вас — Вы шпион? — перебила меня одна из мадам. — Какой-то вы подозрительный. — Никак нет, — я вложил в голос всю строгость. — И мне надо — Надо бы его в милицию свезти, — вдруг заговорил мужик в гимнастёрке. — Там пусть бы разбирались.

Я сделал шаг влево, мой взгляд упал на газету, прикрепленную к стеклу стойки с обратной стороны. «Правда», — вычитал я. «7 сентября 1950».

Сердце замерло. В ушах зашумело. Я онемел.

Пока я стоял, не в силах пошевелить абсолютно ничем, мужик в гимнастёрке забаррикадировал собою выход на улицу. Если я правда попал в прошлое, то совсем не горел желанием оказаться в милиции или комитете. Надо искать выход.

— Спокойно, граждане, — начал я властным тоном, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Службой КГБ проводится плановое мероприятие по вычислению шпионов и — я замаялся. Мозг лихорадочно искал слова. — И проверке бдительности граждан нашей страны. Я вас поздравляю. Вы проявили бдительность и почти задержали шпиона.

Тут даже почтальонша отвлеклась и смотрела на меня во все глаза с каким-то пиететом. Дамы и старушка стояли молча, недоверие постепенно исчезало с их лиц. Но мужик

— Покажите ваши документы, — потребовал он.

— Так я играю роль шпиона, — парировал я, понимая, что если его не переубедить, я буду разоблачён как лжец. — И при мне, согласно инструкции, нет никакого документа.

Мужика мои слова не убедили от слова совсем.

— Тогда подождите здесь. Я приглашу милиционера. Мало ли чего вы говорите.

Его речь вернула подозрительность на лица женщин. Я попытался взять нахрапом:

— Да как вы смеете! — рявкнул я, с досадой отмечая, что в голосе не хватает грома. —

Я вас под суд

Дверь с улицы открылась. В поле зрения появился человек в форме. Я не сразу сообразил, что это милицейская форма. Сначала решил, что вошёл почтальон. В реальность же меня вернул голос мужика:

— Товарищ милиционер, мы тут задержали подозрительного человека. Он представился — мужик на ухо проговорил что-то милиционеру, а потом вслух продолжил: — Именем советской власти проверьте у этого человека документы.

Милиционер заинтересованно смотрел на меня, а я тупо смотрел на всех, понимая, в какую задницу сейчас влипну, если не найду выход из этой ситуации. Несмотря на то, что обычно я быстро нахожу решение, сейчас мозг словно заклинило.

Не придумав ничего лучше, я просто рванул к выходу, отпихивая милиционера плечом. Тот от неожиданности чуть не упал, поймав в качестве упора одну из пышных дам. Мужик перехватил меня за рукав, и я от души врезал ему в глаз. Это заставило его ослабить хватку, и я дёрнулся к двери, уже схватился за ручку. Меня дёрнули обратно за плечи. Освобождая руку, я нанёс удар вслепую — промахнулся и получил в ответ по разбитой роже. Боль вспыхнула, заставив меня на секунду зажмуриться.

Теперь я видел приближающегося ко мне милиционера и мужика, схватившего меня за рукав. Я внезапно расслабился — и это стало неожиданностью для мужика. Он потерял равновесие и завалился к моим ногам, отрывая рукав моей ветровки. Не дожидаясь, пока к нему придёт на помощь милиционер, я рванул к двери. Рука выскользнула из рукава, смартфон с мягким стуком упал на пол около мужика. Но останавливаться было нельзя.

Словно испуганный заяц, я распахнул дверь и понёсся под дождём куда глаза глядят, прямо по улице. Сзади засвистел свисток милиционера, и кто-то орал:

— Держи его! Лови шпиона!

Я нырнул в первый же двор, пробежал через него, по пути нечаянно оборвав верёвку с каким-то бельём. Запах сырости ударил в нос. Перемахнул невысокий забор и приземлился по ту сторону на шпалы, едва не сломав себе ногу. Холодный металл ожёг ладонь.

Отдышался, прислушался. На улице — резкие свистки, крики. Меня ищут.

Я выдохнул, вытер пот со лба и задал себе извечный вопрос: кто виноват и что делать?

## Побег в будущее

Я прижался к деревянному заборчику, стараясь слиться с тенью. Свистки милиции всё ещё раздавались где-то поблизости, что абсолютно не радовало такого жизнерадостного человека, как я. Дождь лил как из ведра, окончательно испортив мне настроение.

Это ж надо было такому случиться именно со мной! Из более-менее нормального XXI века взять и в 1950 год залететь. Да ещё не на экскурсию, а прямо в розыск. Скажи кому — не поверят. Но я тут — торчу под дождём, бегаю от милиции и бдительных граждан.

Решив, что просто прохладиться под дождём бессмысленно, я, к своему стыду, с невероятным усилием распрямился. Нужно было где-то переждать этот дождь, этот день а может, и весь этот мир.

Вокруг раскинулся город, который я не узнавал. Узкие улочки, деревянные дома с покосившимися ставнями, редкие вывески с буквами, будто сошедшими со старых фотографий. Прохожие в одежде, которую я видел только в кино про войну: ватники, гимнастёрки, драповые пальто. Ни одной машины новее ЗИСа, ни одной яркой рекламы — только плакаты с лозунгами: «Бдительность — долг каждого!», «Слава труду!».

«Так, — я попытался собраться с мыслями. — Первое: меня ищут. Второе: в моей современной одежде я как голая девушка в приличном обществе. Надо бы сменить наряд. Может, махнуть с кем-нибудь, не глядя?»

Я перебежал через переулок, пригибаясь под бельевыми верёвками. Вдалеке снова засвистел милиционер. Я юркнул в арку и замер, прислушиваясь. Мне совсем не нравилось, как колотится сердце: быстро, натужно, от страха.

«Где спрятаться? Где, чёрт возьми?» — мысли метались, загоняя в тупик мой нордический характер, который всегда полагался на хладнокровие и расчёт. Но сейчас он дал сбой — усталость и страх взяли верх. И это мне тоже не нравилось: ощущать собственную уязвимость, понимать, что выдержка не бесконечна.

Взгляд зацепился за старое строение. Что-то смутное, знакомое, будто из детства. Голубятня. Она стояла в углу двора, почти незаметная за деревьями. Я огляделся: никого. Рванул к ней, откинул хлипкую дверцу и забрался внутрь. Пахнуло птичьим помётом. До такого я ещё не опускался, но, как говорится, жизнь может опустить и ещё ниже. Главное — сухо. И нет бдительного мужика.

Устроившись в углу, я подтянул колени к груди. И тут же мозг дал предательскую команду: «Ты устал. Закрой глаза — и утром ты проснёшься дома, в Москве, в своей постели» Мысли путались: 1950 год, милиция, подозрительные взгляды. Может, это всё же сон? Я ущипнул себя за руку. Больно. Значит, не сон.

Глаза закрывались сами собой. Я сопротивлялся ещё мгновение — пытался зацепиться за какую-то мысль, но она ускользала. И тогда я провалился в сон, как в пропасть, — без сновидений, без времени.

\*\*\*

Проснулся от солнечного луча, бившего прямо в лицо. Я медленно оглянулся. Может, я в своей квартире? Хрен. В чужой. Вон и хозяин сидит на жёрдочке и смотрит на меня удивлёнными бусинками. Дождь кончился, небо было ясным. Я потянулся, разминая затёкшие мышцы, и выглянул наружу.

«Отлично, — подумал я. — День обещает быть весёлым».

Осознавал я теперь чётко: назад пути нет. По крайней мере, пока. Надо выживать. А для этого нужна маскировка. Не как у ниндзя, а обычная, человеческая — из 1950го года. То бишь одежда.

Во дворе напротив на верёвке сушились вещи: штаны, рубаха, плащ и даже шляпа. Идеальный комплект для человека, который хочет слиться с толпой. Я огляделся: никого, кроме карапуза, ковыряющего землю деревяшкой. «Ну, хотя бы к полу не прибито», — мелькнула мысль. Я быстро перемахнул забор, сорвал вещи и метнулся обратно.

Переоделся. Штаны оказались великоваты, рубаха висела мешком, но в целом — сойдёт. Выглядел я, наверное, как бродячий артист, но плащ скрывал эту персону, а шляпа придала вид человека интеллигентного, но попавшего в трудное жизненное обстоятельство — скажем, зависимость от зелёного змия. Или синего. Свои вещи, скрутив в узел, запихал в самый дальний и грязный угол голубятни. Подумал, что делать с документами. «Попадись я с ними — лаборатория и опыты мне обеспечены», — шептал мне на ухо парень по имени страх. Поэтому я сунул доки туда же, куда и вещи.

«Стильный я парень, — усмехнулся я. — Почти местный».

Всё портили кроссовки. Надо искать подходящую обувь. Я показал нос наружу.

Сапоги нашлись в соседнем доме — стояли у крыльца. Я прихватил и их, чувствуя укол совести. Правда, он быстро как-то испарился под напором ярости: сапоги были явно мне маловаты, и пальцы скрутило дугой. Но ничего подходящего более под руку не подвернулось.

Жажда мучила нестерпимо. Я нашёл колонку на улице, напился ледяной воды и спросил у прохожего, где рынок. Тот подозрительно покосился, отметив мою разбитую и только-только начавшую заживать физиономию, но показал:— Прямо, потом налево. У церкви будет.

\*\*\*

Рынок встретил меня гулом голосов, запахами хлеба, лука и рыбы. Терпеть не могу лук, но сейчас от этого запаха у меня свело желудок, и руки сами потянулись к прилавку. Но на полпути изменили направление в обратную сторону.

Это же кража. А я не вор. Но где взять деньги? Или попросить поесть? Может, прикинуться сиротой? Но, поразмыслив, я понял, что за сироту меня могут принять разве что близорукие товарищи. С разбитой физиономией я походил на алкаша в трёхмесячном запое. Тут, пожалуй, не то что подадут — тут бы ещё не добавили. Я медленно брёл по рядам, уныло поглядывая на вкуснотищи. Нет, ну не с голоду же помирать? И я решил.

Я схватил яблоко с лотка, не дожидаясь разрешения, и впился в него зубами. Сладкий сок разливался во рту, даря мгновение счастья. Никто, к счастью, не заметил мой наглый поступок, поэтому моя совесть осталась чиста. Я пошёл дальше.

В одном месте я загляделся на полукопчёный окорок, свисающий из-под кровли прилавка, и налетел на что-то большое, мягкое. Сначала я решил, что на слона. Я поднял глаза и замер с яблоком в зубах. Это стояла вчерашняя мадам с почты. Несколько секунд мы изучали друг друга. Я решил, что не может быть такого, чтобы она тут одна, и, с трудом оторвав от неё взгляд, перевёл его в сторону. Так и есть: вторая стояла у прилавка и ругала продавца за то, что рыбу нужно привозить не с раннего утра, сразу после улова, а к полудню, когда она приходит на рынок.

Я обречённо вернул взгляд на место. Пышная дама стояла с открытым ртом. Ей явно не хватало воздуха, чтобы заорать. Я стал потихоньку пятиться. Она меня явно узнала. Нужен мастерский стратегический отход. Но тут её лицо исказилось от ярости.— Я его узнала! — крик, похожий на хрип лошади, разнёсся над рынком. — Это шпион! Его ищет милиция! Держи шпиона!

Толпа загудела. Кто-то схватил меня за рукав, кто-то толкнул в спину. Я бросил недоёденное яблоко и рванул прочь. Увернулся от грузного торговца, отпихнул в сторону мужика, выбежавшего мне навстречу с расставленными руками. Вот и выход с рынка. Сердце начало успокаивать свой бешеный ритм. И тут же почти остановилось: меня уже ждали. Трое милиционеров и толпа человек из десяти. Сзади тоже напирала. Я проиграл. Из-за желания отведать яблока.

\*\*\*

В участке сильно пахло хлоркой. Что я не замедлил сообщить милиционерам, попутно объясняя им, какой вред их, а главное — моему, здоровью она может нанести. Меня провели по длинному коридору с выцветшими плакатами и усадили перед столом, за которым сидел усатый капитан с усталыми, но хитрыми глазами. Он больше походил на торговца мясом из отдела супермаркета, чем на доблестного служителя милиции.

— Ну, — он постучал карандашом по столу. — Рассказывай.

Я почесал затылок. — Что рассказывать, товарищ капитан? — Я и правда не знал, что мне именно рассказывать. — Ты шпион? — В его глазах читалось явное недоверие к этому предположению, что весьма мне на руку. Иначе — дальше комитет, допросы, стенка. — Да ну какой же я шпион, — я развёл руками. — Где документ? — Капитан изучал на моём лице следы прошедшей аварии. — Кто тебя так отделал?

Я не знал, что отвечать. Голод, отчаяние вдруг пересилили все мои мыслительные способности. «А что, если сказать правду?» — мелькнула отчаянная мысль.

— Я из будущего, — выпалил я. — Из 2024 года. Попал сюда после аварии.

Капитан замер. Чего-чего, а такого ответа он явно не ожидал. Я заметил, как усы у него обвисли от удивления. — Из будущего, значит? — Да.

— Ну и как там в будущем. На Луне города есть?

-Пока еще нет. — я понимал, что выгляжу тупо. — Но скоро Илон Маск

-Кто?

-Ну американец этот. Создаст.

Капитан надул губы и посмотрел на сержанта с усталостью.

-Где одежду взял? Свидетели говорят, что ты был в странной одежде и представлялся сотрудником МГБ.

-Это я так, товарищ капитан. Чтоб отстали. Понимаете, мне позвонить надо было в Москву.

— В Москву? С почты? — утвердительно спросил капитан.

-Ну да. Мой смартфон.

— Смартфон? — Он хмыкнул. — Это что за зверь такой?

— Телефон. С интернетом.

Капитан переглянулся с сержантом. Тот покачал головой. — Ясно, — вздохнул капитан. — Психическое расстройство. Завтра отправим в больницу.

«В психушку? — холодок пробежал по спине. — Оттуда я точно не выберусь».

Они вышли, оставив меня наедине со своим мозгом. — Ну и что ты там плёл? — зло спросил я его. — Реально верил, что они взяли и поверили, что я из будущего?

Мозг тем временем вывел мне неожиданный расклад. Я раньше не сильно интересовался книгами и фильмами о путешествиях во времени, но точно знал одно: такое путешествие требует наличия машины времени. У меня такого крутого атрибута в жизни не было. Или я не знал, что он был? Я стал прикидывать, что могло быть машиной времени. Собственно, сам «Фольксваген». Может, коварные немцы чего-то накрутили в машине? Смартфон. Что ещё? Больше ничего на ум не приходило. Но мысли про телефон и «Пассат» я сразу отбросил: и тем, и другим я уже больше двух лет пользовался, и ни в какие 1950е годы никогда не попадал.

Значит, в момент аварии произошёл разрыв во времени. Так, это интересно. Между временами что-то вроде стенки. И где она тонкая — там можно пройти. Волнение и радость стали наполнять меня. — Ну же, Виталик, думай, — пробормотал я. — Ты сообразительный.

Я переместился в конкретном месте. И несмотря на то, что всё вокруг поменялось, мой «Пассат» переместился вместе со мной. Значит, какой вывод? Я понимал, что вывод только один: тонкая стенка между мирья находится между дорогой и деревом на месте аварии. Нужно попасть туда и пройти по этому пути. Всё просто.

«Рискну», — решил я.

В кабинете никого не было. Я встал, открыл дверь, высунул голову, осмотрелся. Наискосок сидел тип, похожий на меня — ну, в смысле, с разбитой мордой. Только, в отличие от меня, от него разило перегаром за километр. Какой-то мужик в кожаной куртке что-то говорил плачущей женщине, но он стоял ко мне спиной. Я, наступив на страх ногой, смело шагнул в коридор, подавляя дикое желание галопом пронестись между этих стен. Я шёл постепенно, вразвалку, словно я тут не впервой, и прошёл к выходу.

Перед зданием милиции стояло несколько милиционеров и милицейский автомобиль, который гудел на холостых оборотах.

Неожиданная мысль пришла мне по душе. Какого хрена я буду тащиться несколько километров до места аварии пешком, да ещё с вселенской голодухой, когда можно долететь с ветерком? Да и интересно — я ещё ни разу не ездил на подобных тачках.

«Это угон», — кто-то там залепетал внутри меня. «Схватят — будешь торчать в этом мире несколько лет в одном месте». «Не будешь ты торчать, — внушил мне другой голос. — Ты окажешься дома».

Вперёд. Я прошёл к авто, заглянул внутрь. Никого. С невозмутимым видом я уселся за руль, пару минут прикидывал, что и как. Природная сообразительность помогла мне. Машина тронулась. Я услышал удивлённые крики, потом свистки.

Я усмехнулся.

— Пока, ребята, я еду домой.

Дорога сначала петляла, но я вёл машину уверенно. Вот и затяжная прямая. Я вглядывался в линию леса, как вдруг увидел в зеркало заднего вида преследующий меня автомобиль на большой скорости. Чертыхнувшись и мысленно согнув локоть, я вдавил газ.— Нас не догонишь!

Вот и мой «Фольксваген». Я выжал тормоза, пустив машину юзом, — чуть не перевернулся. Выскочил и, словно гепард, понесся к месту аварии, видя, как тормозит машина преследователей, как из неё выпрыгивают трое милиционеров и усатый капитан. Что-то кричат. Но я, не сбавляя хода, бегу именно по той линии, по которой слетел мой «Пассат» с трассы. Зажмуриваюсь — вдруг переход во времени отражается на зрении. Налетаю на полном ходу на свою машину и падаю как подкошенный. Боль.

Я открыл глаза. Всё те же деревья, та же дорога. Ничего не изменилось.

— Руки вверх! — крикнули сзади. — Или стреляем!

Я поднял руки, чувствуя, себя полным идиотом. И тут на дороге показались два чёрных легковых автомобиля. Они остановились, из них вышли люди в строгих костюмах. Один из них посмотрел на меня и кивнул милиционерам. Через две минуты меня под руки, но не сломленного, втащили на дорогу.

Ко мне подошел бугай в штатском и хлопнул меня по плечу своей ручищей. Если бы я ясно не видел, что его ладонь пуста, я решил бы, что он несколько раз приложил мне кирпичом.

— Теперь ты наш. — он нехорошо рассмеялся. — Поехали, шпион

## Неприятности

Я уныло смотрел в окно, сидя на заднем сидении авто чуваков в штатском. Кто это такие я понятия не имел. Как по мне, лучше бы и вообще о них ничего не знать. Но знать придётся. Я это своей шкурой чувствовал, каждый нерв во мне натянулся до предела.

Подъехал грузовик, и из него высыпался отряд солдат . Все с винтовками. От вида винтовок яркие цвета мира для меня почему-то погасли, словно кто-то выкрутил яркость. Буйное воображение уже рисовало стенку, меня возле оной, и эти винтовки, направленные на меня Я тряхнул головой, отгоняя наваждение, и сфокусировался на ребятах в штатском, которые облазили мой «Фольц» вдоль и поперёк. Чего они там искали я понятия не имел, но если найдут что-то подозрительное Хотя что ещё может быть более подозрительным, чем современный немецкий авто в СССР в 1950 году? Плюс пластиковая бутылка минералки с датой на крышке .

Здоровенный тип что-то отрывисто приказал командиру солдат и, махнув рукой двум своим, направился в мою сторону. Я попытался сделать вид проходящего мимо туриста, не сильно интересующегося происходящим вокруг.

Дверь открылась. Меня грубо впахнули поглубже внутрь салона и быстро, как фокусники, набросили на голову мешок. Светло-серый мир стал чёрным. В ушах застучала кровь, а в груди сжался ледяной комок страха, что мне совсем не пришлось по душе.

Я сидел в машине, с мешком на голове, и думал о том, как всё могло бы сложиться, если бы я просто остался дома. Или не попёрся в Великий Новгород по работе. Ведь хотел же написать заявление на увольнение! Ну или хотя бы не взял то чёртово яблоко. Но нет, Виталик, тебе же надо было пожрать! И вот результат: трясешься в каком-то авто, а на голове — мешок, будто я не человек, а мешок картошки. В ушах до сих пор звучал тот крик на рынке, перед тем как меня схватили.

Сквозь ткань проступали тусклый свет солнца и мне казалось, что его я больше не увижу . Я пытался угадать, куда мы едем, но с мешком на тылке и упадническим настроением детективный метод не очень то и работает. Машина то замедлялась, то ускорялась, подбрасывая меня на сиденье. В голове крутились мысли: «Что теперь? Расстрел? Дурка? Или, может, опыты над путешественниками во времени?» . Я громко чихнул, с удовольствием представляя себе, как ребята в штатском вздрогнули.

Полчаса в мешке. Время тянулось, как резина. Дорога казалась бесконечной. Я считал повороты, пытался запомнить ритм движения, чтобы потом сориентироваться на местности. Но машина то петляла из стороны в сторону, то ехала прямо, то тормозила у каких-то постов — я сбился со счёта уже на пятом повороте. В животе урчало от голода, и я живо представил себе тот самый запретный плод, от которого оказался тут. В машине, я имею ввиду.

В какой-то момент я услышал знакомый звук — скрежет металла, лязг ворот, будто открывали тяжёлые, ржавые створки. Машина замедлилась, остановилась с лёгким толчком. Дверца открылась, меня грубо схватили за локоть, дёрнули.

— На выход! — прозвучало резко, без эмоций, словно команда собаке.

Мешок с головы сдёрнули так резко, что я чуть не потерял равновесие — и не от толчка, а от культурного шока. Моргая от яркого света, который резанул по сетчатке, будто кто-то включил прожектор прямо мне в лицо, я огляделся.

Мы стояли во дворе какого-то здания : серого, массивного, с решётками на окнах, будто в тюрьме. Или в санатории для особо бдительных граждан. Над входом висел потускневший герб. Выглядел он таким древним, что, казалось, был повешан ещё при царе горохе. А рядом выцветший плакат с лозунгом: «Бдительность — залог безопасности!». «Ну да, — подумал я, — особенно когда бдишь за кем-то, кто просто хотел яблочка». По периметру ходили солдаты, чеканя шаг, винтовки покачивались в такт их движениям. У входа стояли двое в штатском из

машины и о чём-то переговаривались, время от времени поглядывая в мою сторону. Может быть обсуждали получение медали за поимку голодного путешественника во времени.

Меня повели внутрь. Коридоры были узкими, стены выкрашены в унылый серо-зелёный цвет, местами краска облупилась. Пахло хлоркой, точно так же как в милиции.

По пути я пытался запомнить дорогу: три поворота направо, один налево, лестница с облупившимися перилами, ещё один коридор с портретами вождей на стенах. Каждый портрет смотрел на меня со стены тяжёлым, всевидящим взглядом. «Привет, ребята, — мысленно поздоровался я с ними. — Да, я тот самый шпион, который украл яблоко. Ужасный преступник, знаю». Но до меня таки дошло, что запоминать все эти повороты, свороты бестолковое дело. На каждом шагу торчит караульный. Ладно, нужно хотя бы поинтересоваться где у них тут туалет.

Наконец, мы остановились у тяжёлой двери из тёмного дерева, с потускневшей латунной ручкой. Наверное, за ней не кабинет, а портал в параллельную вселенную. Или хотя бы буфет. Один из сопровождающих постучал — три коротких удара, — дождался глухого «Войдите» изнутри и толкнул её. Меня втокнули внутрь с таким усилием, что я едва устоял на ногах.

— Спасибо, — буркнул я, — очень гостеприимно. Прямо как дома — и вжал голову в плечи, ожидая подзатыльника.

Сопровождающий глянул на меня сбоку так, словно я был гуманоидом из далекой галактики, но ничего не ответил. Вместо этого он отчеканил:

— Арестованный доставлен, товарищ полковник!

Комната была небольшой, но мрачной — прямо как моё настроение после кражи яблока. Стол у окна, два стула, сейф в углу, на стене портрет Сталина. Взгляд вождя, казалось, следил за мной с неодобрением: «Ну вот, опять какой-то чужак из будущего».

За столом сидел мужчина лет пятидесяти, в военной форме с начищенными пуговицами. Он с явным удовольствием разглядывал моё разбитое лицо и усмехался так, будто перед ним сидел не человек, а забавная зверушка, которая только что попыталась залезть в банку с вареньем и получила по лапам. — Садись, — кивнул он на стул напротив, и его усмешка стала ещё шире.

Я сел, стараясь выглядеть как можно более безобидно — почти как кот, который только что не просто опрокинул вазу, а ещё и съел все цветы в горшках. Руки невольно потянулись к карманам, но карманов в этой одежде не было. Вместо них какие-то странные складки, в которых ничего не спрячешь.

«Вот ведь незадача, — мелькнуло в голове. — Раньше я в джинсах с шестью карманами ходил, а теперь даже записную книжку некуда положить. Да и записной книжки, собственно, тоже нет. И джинсов. И вообще, кажется, у меня теперь нет ничего, кроме проблем и странного чувства, что на моём фейсе к концу дня появится еще пара синяков».

— Ну что, — мужчина сложил пальцы домиком, откинулся на спинку стула и с явным наслаждением окинул меня взглядом сверху вниз. — Расскажешь нам, кто ты такой?

Я помолчал, взвешивая варианты. Врать? Но если они уже нашли смартфон, то любая ложь вскроется за пять минут и тогда меня точно отправят не в будущее, а куда-нибудь в Сибирь. Признаться? Но кто поверит в путешествие во времени? «Может, сказать, что я инопланетянин? — мелькнула шальная мысль. — Нет, это ещё менее правдоподобно. Да и не умею я щупальцами управлять».

«Ладно, — решил я. — Будь что будет. Лучше выглядеть сумасшедшим, чем шпионом. Сумасшедших хотя бы кормят».

— Я из будущего, — выдохнул я. — Из 2024 года. Я инженер-технолог по переработке полимерных материалов. Работал на заводе по производству полипропиленовых труб, пластиковых окон ПВХ, фитингов и прочей полезной ерунды. Попал сюда после аварии. Моя телега...

— Что твоя? — не понял товарищ полковник

— мой «Фольксваген Пассат» слетел с дороги, и как-то так получилось.

Мужчина поднял бровь так высоко, что она почти скрылась под чёлкой. Второй, стоявший у окна, хмыкнул — похоже, он уже мысленно записывал меня в список «странных типов недели».

— Из будущего, значит, — протянул первый, и его усмешка на мгновение дрогнула, будто он пытался сдержать улыбку. — И что, там, в будущем, коммунизм уже построили?

— Э-э ну, не совсем, — я замялся, пытаюсь придумать дипломатичный ответ. — Там в общем, всё сложно. Зато технологии продвинулись. Мы теперь экструдировать трубы с точностью до микрона, линии автоматизированы на 90 %, используем умные датчики контроля качества. Смартфоны, интернет, электромобили— Электромобили? — переспросил второй. — Это что, машины без бензина?— Да, именно. И ещё есть беспилотные автомобили, дроны, искусственный интеллект Мы на заводе даже внедрили систему ИИ для прогнозирования износа оборудования — экономит кучу времени. «Сейчас он спросит про летающие машины, — подумал я, — и я скажу да, чтобы не расстраивать. Или он решит, что я над ним издеваюсь, и добавит пару синяков к моей коллекции. С его-то удовольствием разглядывать моё лицо — шансы высоки. А может, он просто попросит меня спроектировать им линию по производству труб из чугуна?»

Первый мужчина постучал пальцами по столу — так размеренно, будто отсчитывал оставшиеся секунды моей свободы.— Звучит как научная фантастика. Но продолжим. Как вы оказались здесь?— Случайно. Я ехал по трассе, вдруг вспышка — и вот я уже в 1950м.

В этот момент дверь открылась, и вошёл третий мужчина. Он положил на стол мой смартфон. Экран был выключен, но корпус блестел — видно, его протирали. И не раз. «Интересно, — мелькнуло в голове, — они его святой водой окропили или просто тряпочкой с мылом? Хотя какая святая вода?»— Это принесли с почты, — сказал первый. — После той драки, где вы его вырвали. Мы поняли, что он включается от боковой кнопки. Но на экране написано: «Проведите пальцем». Что это значит?

Я вздохнул. Ну вот и настал момент истины. «Сейчас либо поверят, либо отправят в дурдом, — подумал я. — Хотя, судя по всему, я уже там».— Это смартфон, — я постарался говорить спокойно. — Телефон с доступом в интернет. Чтобы разблокировать, нужно провести пальцем вот так

Я взял устройство, (они напряглись, но никто не сделал движения меня остановить) провёл пальцем по экрану. Телефон ожил, высветив заставку с горным пейзажем — зелёные склоны, голубое небо, облака.

Оба мужчины подались вперёд. Второй даже приоткрыл рот так, будто увидел, как кролик вылезает из шляпы фокусника.— И что, он может звонить? — спросил первый.— Да, и не только. Можно писать сообщения, искать информацию, фотографировать

Я показал им камеру, сделал снимок стены. Экран тут же отобразил изображение. «Ну что, — усмехнулся я про себя, — теперь вы знаете, как выглядит ваша стена в HDкачестве. Впечатляет, да?»— Вот это да, — прошептал второй, осторожно коснувшись экрана пальцем, будто боялся, что картинка исчезнет.— А что ещё он умеет? — заинтересовался первый.— Много чего. Можно смотреть видео, слушать музыку, играть в игры, использовать карты— Карты? — насторожился первый. — Какие карты?

«О нет, — пронеслось в голове, — только не это. Сейчас он решит, что я предлагаю сыграть на деньги или, ещё хуже, что это карты для шпионских операций».— Географические. Он может показать, где мы находимся, проложить маршрут

Мужчины переглянулись коротко, многозначительно, с таким видом, будто я только что сам признался в диверсии. Первый слегка приподнял бровь, второй едва заметно кивнул, и по их лицам скользнуло одинаковое выражение: «Ага, попался!» В глазах первого читалось: «Фотографирует, имеются карты — явно шпион. Наверняка уже снял все стратегические объ-

екты в радиусе десяти километров». Второй, словно прочитав его мысли, чуть заметно сжал губы и выпрямился, готовый действовать.

«Ну всё, — похолодело у меня внутри, — сейчас они достанут наручники и обвинят меня в попытке раскрыть военную тайну какой-нибудь стены». — Интересно, — протянул первый. — Очень интересно.

Но радость длилась недолго. Первый мужчина вдруг нахмурился так глубоко, будто пытался вспомнить, не забыл ли он выключить утюг. Хотя, судя по его виду, в его мире утюги ещё не изобрели.

— Так, — он постучал пальцами по столу. — Допустим, это правда. Но почему вы оказались здесь именно сейчас? Почему именно в этом месте? Может, вы специально выбрали его для диверсии? — Какая диверсия? — я почти закричал. — Я же просто — Не надо лгать, — перебил он. — Марка вашего автомобиля, марка этого устройства — всё это оттуда. Вы явно готовились. Признавайтесь: вас завербовали на Западе?

«На Западе? — пронеслось в голове. — Да я в жизни дальше Подмосковья не выезжал! И машину купил в кредит, потому что старая разваливалась, а не по заданию ЦРУ».

Я открыл рот, чтобы возразить, но второй мужчина уже встал и сделал шаг ко мне. Его ботинки громко стукнули о пол — так, будто это был не шаг, а финальный аккорд в моей короткой истории невиновности. — Отведём его в подвал, — посоветовал второй. — Там разберёмся подробнее.

Первый кивнул, сел за стол, что-то написал. — Фамилия, имя, отчество, — он поднял на меня суровый взгляд, от которого, наверное, даже тараканы в этой комнате замерли в страхе.

Я вдруг понял, что влип по самое не балуй. Наверное проще и безболезненнее было косить под психа или сразу признаться, что я, допустим Джон Кеннеди какой-нибудь, шпион...

Я смотрел на портрет вождя и мысленно просил у него помощи с таким отчаянием, с каким кот просит прощения после того, как испортил обувь хозяина.

Ведь по-настоящему меня зовут Виталий Алексеевич Сталин.

## Поворот

Вождь, строго смотрящий с портрета на меня, так и не помог мне в этой патовой ситуации. Зато помогли другие.

Дверь с резким лязгом распахнулась. Вошли двое в штатских костюмах не первой свежести. Один из них достал бумагу, развернул её перед первым мужчиной с таким видом, словно клал карту туза на стол в решающий момент партии. Я не удивился бы если они реально бы начали партейку в покер.

— Этот арестованный передаётся под нашу юрисдикцию, — произнёс он холодно. — Приказ из Москвы.

Полковник даже не посмотрел на бумагу.

— А плевать я хотел на эту бумагу, подписанную вашим руководством. У меня, знаете ли, своё руководство имеется. И пока оно

— Наше руководство предвидело такой ответ, — перебил тип в штатском. — Посмотрите на подпись, — холодно добавил он.

Я молча глазел, как вокруг моей персоны начинает складываться вражда двух ведомств, и не знал наверняка, радоваться мне или грустить. Мысль, что призом в этом соревновании окажусь в любом случае я, знаете ли не приподняла мне настроения.

Полковник протянул руку, рывком вырвал бумагу из руки штатского. Он пробежал глазами по строкам, и лицо его побледнело, словно кто-то выкрутил яркость, как тогда с винтовками солдат. — Как? — он чуть не подавился, пытаясь не дать кашлю вырваться наружу. — Сам?

— Арестованный едет с нами, — не счёл нужным отвечать штатский.

Он повернулся ко мне и впервые разглядел мой синевато-багровый фейс. Уголок его рта едва заметно дёрнулся будто он пытался сдержать улыбку. Я прямо почувствовал, как он расхохотался внутри, но тип в штатском быстро вспомнил, что он серьёзный человек при исполнении. Его глаза его смотрели сурово.

— Вставайте, — приказал он мне и, забрав у меня из рук смартфон, снова повернулся к полковнику: — Подпишите бумагу. Мы уезжаем.

Я встал, стараясь не показать, как дрожат колени. «МГБ или они уже КГБ, — попытался вспомнить я столь важный для меня сейчас исторический нюанс. — Ну конечно. Кто ещё может так запросто забрать арестованного у местных? Видимо, мой смартфон оказался ценнее, чем я думал. Или они просто коллекционируют странных личностей с разбитыми лицами?»

Меня провели почетным караулом, как папу Римского, по коридорам, не особо понравившегося мне заведения. У входа все тот же почетный караул, все те же сверкающие на солнце винтовки. Эх вот бы заселфить сей момент.

Машина выехала с территории и я уставился в окно, прикидывая что будет дальше. Мне поплохело, ибо в голове крутились панические мысли о подвалах Лубянки и допросах с пристрастием.

Но вместо того, чтобы вырлиться на трассу, машина сделала небольшой крюк, развернулась и въехала обратно в Великий Новгород. Я крепко, насколько это могло быть в моей ситуации, задумался. Может ребята решили устроить мне экскурсию по местным достопримечательностям перед отправкой куда-нибудь на север порты строить? Может, ещё и сувенирную матрёшку подарят на прощание? Я взглянул на своих сопровождающих. На лице товарища за рулем застыло такое выражение, будто у таксиста взявшего попутчика, который отказывается платить в конце поездки.

Мы петляли по узким улочкам, пока наконец не остановились возле знакомого дома. Вроде здесь была голубятня, в которой я ночевал и где оставил свою современную одежду и мои доки. Мысленно молясь чтобы это было не так я перестал даже дышать, боясь сглазить.

Из двора появился невысокий мужичок в потрёпанной кепке и ватнике. Он подошёл к машине, открыл дверцу и передал одному из сопровождающих какой-то свёрток.— Он? — строго спросил штатский, сидящий рядом со мной.

Мужичок наклонился к стеклу, взгляделся в моё лицо и, криво ухмыльнувшись, кивнул:— Он, он, паскуда шпионская.— Свободны, товарищ, — грубо бросил ему один из сопровождающих, и машина устремилась прочь из городка.

Я сидел, вцепившись в сиденье, и пытался осмыслить происходящее. В свертке вне сомнений мои джинсы, футболка и куртка. Еще кроссовки. Если, конечно, этот бдительный гражданин себе что-нибудь не оставил на сувениры, скажем. Но похолодел я не от этого, а от того, что они сейчас развернут этот свёрток и найдут мои документы. А там уже конкретно с меня спрашивать начнут.

Я стал следить за своими сопровождающими и в груди горел слабый огонек надежды, что в этом свертке шмат сала, бутылка самогона и пучок лука. Местный гостинец гостям из Москвы. Один из них уже разворачивал свёрток, разглядывал одежду.

— Так-так, — пробормотал он, выживая из кучи тряпья мой паспорт. — Виталий Алексеевич Хм. Он передал документ второму, тот бегло пролистал страницы, хмыкнул, как будто прочитал посредственный анекдот. Оба уставились на меня с каким-то странным выражением. Меня смутил их взгляд, хотя смутить меня редко кому удается. Я им об этом намекнул.

— Внук? Правнук? — спросил первый, приподняв бровь и пристально глядя мне в глаза.

Я опешил. В голове пронеслось: «Вот оно. Они и правда сопоставили факты. Фамилия, возраст, странное поведение И теперь гадают, какое я имею отношение к... К нему самому»

— Не родственник, — ответил я как можно спокойнее, стараясь не выдать волнения. — Просто однофамилец. Сопровождающие переглянулись, и в их взглядах мелькнуло что-то вроде уважения. Но я не понял их. Просто я не смог прочитать в их глазах поверили мне или нет? Может они решают, что со мной делать: расстрелять как самозванца или посадить в кабинет с видом на Кремль и заставить править страной. Хотя второе вряд ли. Во-первых я со своими шестью подчиненными то справиться не могу - то забухают, то просто не хотят работать. А во-вторых там есть кто этим делом занимается именно сейчас. И я ему в подметки не гожусь. В машине установилась гнетущая тишина, как первые пять минут на поминках.

Через пару часов машина свернула к небольшой заправке со столовой. Один из штатских повернулся ко мне:— Перекусим? Ты, поди, голоден. Я хотел отрицательно чего-то там буркнуть, но живот предательски заурчал, издав звук, достойный симфонического оркестра.— Да, спасибо, — выдавил я, краснея.— Ничего, ничего, — усмехнулся второй. — В нашем деле голодный агент — плохой агент. Даже если он пока ещё не совсем наш.

Мы зашли внутрь. Простенькое помещение. Можно сказать жилая изба с печкой в углу. Мне во всяком случае понравилось. Только деревянный стул угрожающе скрипнул, когда я приземлил свою пятую точку на него и все-время норовил сложиться за время трапезы. Я заказал щи, котлету с картошкой и стакан компота. Сопровождающие переглянулись и взяли то же самое.

Оказалось, что за заказом нужно переться самому. Я с трудом дотащил его на место. Щами можно было накормить медведя после зимней спячки. Я оторопело смотрел на этот океан в огромной тарелке и боялся, что не смогу все это в себя запихать, обидев повара. Котлета своими размерами походила на бифштекс, а порцию картошки можно было поделить на три части - завтрак, обед и ужин - и целый день ходить сытым. И лишь стакан компота ничем не отличался от такого же стакана из 2024 года. Ну может только тем, что был натуральным.

Странно, а в интернете писали, что все ходили впроголодь и варили кору из дуба. Или я чего-то напутал.

Судя по всему я был голоднее того самого медведя и тарелка со щами опустела минуты за три. Ребята ухмыльнулись и я уже готовился парировать их колкость, но они промолчали.

— Хочу у начальства отпуск на недельку попросить. — вдруг проговорил один из них. — На малую родину, в деревню, к матери съездить. На рыбалку сходить. А то ведь с начала войны на рыбалке не был.

— Да, — подтвердил второй. — Я тоже подустал. В прошлый выходной ходил на футбол. Интересная игра, оказывается.

Они оживленно начали говорить о футбольном матче, а я забыв о котлете с картошкой, разинув рот, слушал их и задавал себе вопрос а что, собственно, поменялось за семьдесят с гаком лет? Такие же мужики. Торчат в забегаловке.

Трындят о рыбалке и футболе. Пива им только пожалуй не хватает. И спора о том кто лучше : Месси или Криштиану Роналду.

— Страна станет лучшей в мире по футболу? — я вдруг понял, что этот вопрос адресован вашему покорному слуге.

Я поднял на них глаза. Сидят, смотрят прямо на меня. Ждут ответа - четкого, ясного. Я замялся. Я не любитель игры в которой двадцать два миллионера гоняют один мяч по траве и корчатся от небольших контактов между собой. Хоккей - другое дело. Но , конечно, знал в какой... области наш футбол. Как им помягче сказать? И вдруг до меня дошло - эти двое ребят ВЕРЯТ, что я из будущего. Меня немного сотрясло от этого открытия. Я думал, что мне светит одно из двух : обвинение в шпионаже или врачебный диагноз. Но они своим вопросом пустили мои мысли в другое русло.

— Ну — замямлил я, призывая на помощь всю свою память. — Первый чемпионат Европы мы выиграем.

- Вот! — обрадовался тот, который ходил на футбол. - Советы всегда будут лучше буржуев.

— Если не дать им уничтожить, что мы делаем, — с напором проговорил второй и у меня закралось сомнение о том, что они уже все давным-давно знают о грядущих событиях.

Я медленно ковырял вилкой картошку ввязавшись с сопровождающими в пустую беседу о всякой чепухе. Изредка задавал вопросы, чтобы показаться им умнее , чем я являюсь на самом деле. Они задавали вопросы мне : есть ли у меня девушка, люблю ли я рыбалку. Я отвечал искренне, надеясь завоевать их расположение. А это было главным сейчас.

Они кивали, будто это были самые важные сведения на свете. Я же всё больше недоумевал: «Это что, проверка? Или они действительно решили поболтать о пустяках? Может, пытаются усыпить мою бдительность? Или им и правда любопытно?»

Вдруг меня посетила другая мысль. А кто будет оплачивать весь этот банкет? Что касаето меня - увы и ах - сейчас я самый бедный человек в СССР. Ни копейки. Вряд ли у них найдется терминал для оплаты картой. Да и карта моя у этих двух. Вспомнив о карте я заволновался - завтра последний день оплаты кредита. Если банк не получит платеж... Черт, а я тут торчу и получается нахалюву набиваю желудок. Интересно банкиры достанут меня здесь? Они везде могут.

После обеда мы снова тронулись в путь. Я смотрел в окно и пытался понять, что будет дальше. «Если они и правда верят в моё путешествие во времени, то захотят узнать больше. Но как много я могу им рассказать? И не изменю ли я историю, если раскрою какие-то секреты будущего?»

Эта мысль не давала мне покоя. Что я своими действиями могу изменить в будущем? Потом я начал думать, а что я хочу изменить в будущем. Мысли рисовали радужные картины

светлого будущего, как вдруг машину тряхнуло на колдобине и эта будущее рассыпалось враз. Снова остались банки и долги.

Ближе к вечеру вдали показались очертания большого города. В— Москва, — коротко бросил один из сопровождающих. Сердце ёкнуло. Я выпрямился, вглядываясь в приближающиеся улицы. «Ну вот и всё, — подумал я. — Теперь начинается самое интересное. Или самое страшное. Интересно, они уже решили, что со мной делать? То ли представят меня какому-нибудь высокому чину, то ли спрячут в секретной лаборатории, чтобы я научил их делать смартфоны Или просто отправят в лагерь, чтобы я не путался под ногами со своими рассказами о будущем? Главное, чтобы не заставили выступить на партсобрании с докладом Как будет выглядеть коммунизм в 2024 году — я ж ни в зуб ногой!»

Машина въехала в город, и огни столицы замелькали по сторонам, словно приветствуя (или предупреждая) меня. Я глубоко вздохнул и приготовился к тому, что ждёт меня дальше. В голове крутилась одна мысль: «Главное — не сболтнуть лишнего. И не дать им понять, насколько я на самом деле напуган. А ещё — не забыть, что я просто однофамилец. И что я понятия не имею, как управлять страной, даже если очень попросят».

## Допрос

Мы въехали в Москву, и огни столицы замелькали по сторонам. Я глубоко вздохнул. «Ну вот и Лубянка, — подумал я. — Интересно, какой сценарий они выбрали для меня: добрый следователь — злой следователь или сразу классика жанра — лампочка, стол, стул?»

Меня провели по длинным коридорам и завели в кабинет. За столом сидел мужчина лет пятидесяти, весьма бодрый и розовощекий, мордатый. пепельница перед ним была полна окурков, а он уже раскуривал новую папироску. Ему бы чуть побольше волос, чуть поменьше рожу и трубку - был бы похож на Шерлока Холмса.

На стене висел портрет вождя, того самого, который смотрел на меня с неодобрением в начале этой истории. Рядом еще один мужик в рамке. Кто это был я, честно скажу, не помнил, хотя фамилия и была на слуху.

— Присаживайтесь, Виталий Алексеевич, — указал он на стул напротив. — Давайте побеседуем.

Я уселся, немного удивленный такому любезному приему.. «Только бы не начать заикаться, — хмыкнул я про себя. — И не ляпнуть что-нибудь вроде я не виноват, это всё смартфон!»

— Начнём с простого, — начал следователь, закуривая папиросу. — Расскажите, какие технологии будут в будущем? Что изменит мир? Курите? - он внезапно подтолкнул ко мне пачку и увидев мое отрицательное движение пострадавшим в аварии лицом, добавил - Ну нет, так нет. Водички?

Я рискнул предположить, что вода специальная, развязывающая языки. Мужик крайне удивился, артистично приподняв брови и на серьезных щах заявил, что знает только одну такую воду, способную где угодно и когда угодно развязать язык. Он с явным сожалением добавил, что этой воды в кабинете нет, а бежать за ней в магазин далеко. Потом сказал, что если мы подружмся, то как-нибудь в следующий раз, он обязательно достанет эту волшебную воду. Он мне понравился своим чувством юмора, но я все же держался настороже, понимая, что это следователь серьезной конторы. Чтобы немного расслабиться я спросил как к нему обращаться. Он уныло посмотрел на свои плечи, увидел, что на них обычный костюм, а не форма и предложил называть его товарищем майором. Потом, поколебавшись, разрешил обращаться на Якова Петровича.

— Ну, в будущем люди будут пользоваться смартфонами, — осторожно начал я. — Это такие маленькие устройства, которые помещаются в кармане, но могут звонить, фотографировать, показывать карты, проигрывать музыку

— Знаем, что ещё? — перебил следователь, даже не подняв глаз.

Я опешил. «Знают? И что, просто так вот взяли и знают? Может, у них тут тайная лаборатория, где изучают будущее по сериалам?»

— Ещё будут беспилотные автомобили, — продолжил я. — Дома с автоматическими системами управления, умные часы, виртуальная реальность

— Знаем, что ещё? — снова перебил он.

«Да что ж такое! — возмутился я про себя. — Может, они сами из будущего? Или у них там справочник Будущее для чайников?»

— Дроны, 3Dпринтеры, искусственный интеллект — я начал перечислять наугад.

— Знаем, что ещё?

Я вздохнул. Мне показалось, что я тут самый неинформированный о будущем человек в комнате.

— В общем, много всего, — подытожил я. — Но главное — не технологии, а люди. Умные, подготовленные, знающие и умеющие эти знания применить на практике.

Следователь хмыкнул и посмотрел на меня так, будто я странствующий клоун низкого пошиба:— А в военном деле? Какие технологии дадут преимущество?

Я подумал о бластерах, энергетических пушках, но не озвучивать же ему писателей-фантастов.

— В военном деле, — медленно произнёс я, — важны не только технологии, но и стратегия, тактика, выучка солдат. А гаджеты Они, конечно, помогают, но без грамотных специалистов — просто железки.

Следователь сделал пометку в блокноте и неодобрительно покачал головой так, что я поспешил добавить о нескольких видах вооружений. Яков Петрович записывал за мной тщательно, как ученик пишущий диктант.— Какие страны станут самыми сильными в экономическом плане? — спросил он.

Я почесал репу. Назвал Китай, Штаты.

Тут уже майор принялся чесать свою весьма скудную шевелюру. Явно от недоумения.

- Как это Китай? - недоверчиво спросил он, поставив меня в тупик.

- Ну, - начал я, мучительно вспоминая, - вроде как китайцы взяли золотую середину...

Товарищ майор не перебивал, глядя на меня немигающим взглядом, как удав смотрит на кролика.

- Китайцы, видимо взяли все самое лучшее от Советского Союза и Америки. Соединили и получилась золотая середина, позволившая им взлететь на фоне... - я запутался и не знал как продолжить.

Но следователь ничего мне не сказал, лишь молча заскрипел прибором по бумаге, выводя буквы.

Потом резко приподнял бровь:— А почему распался СССР? Кто виноват?

«О нет, — похолодел я. — Если я сейчас начну перечислять фамилии, тут же начнётся такая зачистка, что 1937 год покажется невинной шалостью».

— Понимаете, — осторожно начал я, — я не особо силён в истории. Когда это случилось, я был ещё маленьким. Помню только, что в садике нам перестали давать манную кашу на завтрак, и все решили, что это знак перемен.

Следователь усмехнулся:— Остроумно. А ваша машина? Тот «Фольксваген», на котором вы приехали. Где вы его взяли?

«Ага, — обрадовался я, — наконецто вопрос, на который я могу ответить честно!»

— Купил в салоне, — сказал я. — В 2024 году. Она, кстати, в отличном состоянии. Надеюсь, с ней всё в порядке?

— Машина находится в технической лаборатории, — ответил следователь. — Наши специалисты изучают её. Очень любопытная конструкция.

«Ну конечно, — хмыкнул я про себя. — Теперь они будут разбирать её по винтикам, пытаясь понять, как собрать такой же. Надеюсь, они не решат, что это секретное оружие будущего».

— А ваша профессия? — продолжил майор. — Что вы можете дать нашей стране сейчас? Чем поможете выиграть конкуренцию на внешнем рынке?

«Вот тут можно блеснуть, — подумал я. — Хоть какая-то польза от моего диплома».

— Я технолог по переработке полимерных материалов, — гордо заявил я. — Знаю весь процесс от и до. Могу помочь сконструировать простейшие станки для производства этой продукции, ибо как я понимаю современными станками у вас не пахнет. Да и вообще подобных нет. В будущем полимеры — это огромный рынок. Из них делают всё: от упаковки до деталей машин.

Товарищ Яков оживился. Даже потушил папиросу и подался вперёд.

— Интересно, — произнёс он. — Очень интересно. Вы можете показать какие-то схемы, чертежи?

Может поторговаться с ним? Выбить должность посolidнее? Но взглянув на Петровича я решил не шутить. А то могло так случиться, что над моими шутками хохотали бы где-нибудь в Сибири.

— У меня есть техническая документация на смартфоне, — сказал я. — Если вы позволите, я покажу.

— Устройство сейчас на зарядке, — спокойно ответил следователь. — Разрядилось, пока мы ехали.

Я удивлённо поднял брови. «Они уже знают, что он разрядился? Да откуда они вообще столько знают о будущем?»

— Откуда вы всё это знаете? — прямо спросил я. — Про смартфон, про машину Вы будто уже сталкивались с кем-то вроде меня.

Он откинулся на спинку стула довольный моим глупым выражением на лице и улыбнулся:— Вы не первый, кто к нам сюда попал из 2024 года. За последний месяцы вы — третий.

Я замер. В голове закрутились мысли: «Третий? То есть я не уникальный случай? Кто были те двое? Что они рассказали? И почему я до сих пор жив, если они уже получили столько информации?»

— И что с ними стало? — осторожно спросил я.

Майор слегка поморщился, отложил ручку и откинулся на спинку стула. На его лице появилось выражение, которое я бы назвал «усталой досадой».

— Ну — протянул он, потирая переносицу, — скажем так, их вклад в развитие Родины пока ограничен.

Я удивлённо приподнял брови:— То есть как? Они отказались сотрудничать?

Следователь хмыкнул и покачал головой:— Отказались? Да они сами не поняли, куда попали! Оба — подростки лет шестнадцати. Один всё твердил, что это розыгрыш и где-то тут спрятана камера. Второй пытался разблокировать свой телефон, чтобы позвонить маме.

В голове у меня тут же сложилась картина: два перепуганных пацана в этом самом кабинете, один трясёт смартфоном, будто от этого он вдруг заработает без сети, а второй озирается по сторонам в поисках скрытой камеры. Я невольно усмехнулся.

— И что, они тоже из 2024го? — уточнил я.

— Да, — кивнул следователь. — Причём попали сюда почти так же нелепо, как и вы. Первый во время поездки на устройстве, которое он назвал самокатом, второй якобы «случайно нажал не ту кнопку в приложении», когда поспорил с друзьями, что за пять часов дойдет из Москвы до Великого Новгорода. Мы тогда думали вот оно, настоящее знание будущего! А оказалось

Он вздохнул и открыл ящик стола, достал папку с бумагами и пролистал её:— Вот, послушайте, что первый наговорил: «В будущем все будут ездить на летающих машинах, у каждого будет свой робот-дворецкий, а деньги отменят, потому что всё будет бесплатно». Второй добавил: «А ещё изобретут таблетку от всех болезней и сделают бессмертие, но это пока секрет».

Я не выдержал и расхохотался. Петрович тоже позволил себе улыбку.

— Так что, Виталий Алексеевич, — продолжил он уже серьёзнее, — вы у нас пока самый «содержательный» гость из будущего. Эти подростки только и смогли рассказать, что в 2024м популярны какие-то «тик-токи» и «мемы», но объяснить, что это такое, не сумели. Один пытался нам показать «танец краба», но споткнулся и чуть не разбил лампу.

«Ну надо же, — подумал я, — выходит, я тут не просто арестованный, а чуть ли не академик среди путешественников во времени. Подростки с их фантазиями про бесплатные летающие машины и бессмертие это, конечно, серьёзно подорвали доверие к гостям из будущего».

— А куда их потом? — спросил я. — Отпустили?

— Куда там, — махнул рукой следователь. — У нас инструкция: всех прибывших из будущего — под наблюдение. Сейчас они в специальном интернате под Москвой. Учат историю

партии, основы марксизма-ленинизма В общем, воспитываем из них сознательных граждан. Может, когда повзрослеют, что-то дельное расскажут. А пока — он развёл руками, — пока они больше мешают, чем помогают. Один всё норовит сбежать, чтобы «записать видос для подписчиков», второй пытается собрать какой-то «гаджет» из скрепок и проводов.

Я представил эту картину и невольно посочувствовал бедным подросткам. С другой стороны, мне стало немного легче: раз уж эти ребята остались живы и даже не в камере, может, и мне светит что-то получше подвала Лубянки.

— Итак, Виталий Алексеевич, — следователь снова стал серьёзным и подвинул ко мне чистый лист бумаги, — давайте вернёмся к полимерам. Вы говорили, что можете помочь с организацией производства. Начните с самого начала: какие станки нужны, какие материалы, сколько человек потребуется для запуска линии И постарайтесь не упоминать летающих роботов — у нас и так от них голова болит.

Я невольно улыбнулся и взялся за ручку. «Ну что ж, — подумал я, — похоже, моя миссия в этом времени — быть трезвым голосом разума среди фантазий про бесплатное бессмертие. Главное, чтобы мои знания про полимеры не обернулись каким-нибудь неожиданным образом. А то вдруг через двадцать лет все будут ходить в пластиковых пальто и ругать меня за это»

Я вздохнул и начал рассказывать. В конце концов, может, это и не так плохо — использовать свои знания, чтобы помочь стране. Главное не натворить глупостей и не изменить историю так, что потом сам не разберёшься, где оказался.

— Для начала, — начал я, — нужно закупить базовое оборудование. Я могу составить список. Потом обучить персонал

— Отлично, — кивнул следователь. — А какие материалы понадобятся?

— Полиэтилен, полипропилен, ПВХ — я начал перечислять. — Их можно производить из нефти, а у нас с нефтью проблем нет.

— Хорошо, — записал он. — А сроки? Сколько времени нужно, чтобы запустить производство?

— Если всё пойдёт гладко, — прикинул я, — месяцев шесть. Но это если не будет бюрократических проволочек.

Следователь усмехнулся:— С этим мы вам поможем. А теперь расскажите подробнее про эти 3Dпринтеры. Что они могут делать?

«Ну вот, — подумал я, — началось. Теперь я буду лектором по технологиям будущего. Интересно, положен ли мне за это оклад? Или довольствие в виде дополнительных порций щей в столовой Лубянки?»

— 3Dпринтеры могут создавать объекты любой формы из пластика, металла, даже бетона, — начал я объяснять. — Представьте: вы загружаете в компьютер модель детали, нажимаете кнопку — и через несколько часов получаете готовую вещь.

— Впечатляет, — кивнул следователь. — А можно ли использовать это в военном деле?

Началось. Опять это военное дело. Торговать ребята нужно. И тогда весь мир покорится. Но вслух ответил:

— Конечно. Например, можно быстро печатать запасные части для техники прямо на фронте. Или создавать макеты местности для тренировок.

Следователь сделал очередную пометку.— Очень интересно, Виталий Алексеевич. Мы подумаем над этим. А теперь расскажите ещё раз про искусственный интеллект. Как он работает?

«Ну всё, — понял я. — Понеслось. Теперь я буду ходить по кабинетам и просвещать товарищей чекистов о чудесах XXI века. Главное — чтобы они не решили, будто я сам этот интеллект и есть».

## О принтерах, полимерах и волшебной воде

Я вздохнул и потёр виски. Голова уже гудела от всех этих объяснений про 3Dпринтеры, искусственный интеллект и прочие чудеса XXI века. Яков Петрович, напротив, выглядел бодрым и заинтересованным, словно не он последние два часа строчил в блокноте, а я.

— Ещё раз, — терпеливо повторил он, постукивая карандашом по столу. — Этот ваш принтер Он, значит, может напечатать что угодно? Хоть танк?

Я подавился воздухом.

— Ну в теории — да. Но на практике это займёт слишком много времени, да и материалов потребуется В общем, проще собрать танк по старинке. А вот запасные детали для него — это пожалуйста. Или, скажем, макеты местности для учений.

Майор задумчиво кивнул, записал что-то и поднял на меня глаза:

— А оружие? Можно напечатать пистолет?

«О нет, — подумал я, — только не это. Сейчас он решит, что я предлагаю наладить конвейер по производству нелегального оружия прямо в подвале Лубянки. А потом выяснится, что все чекисты ходят с пластиковыми пистолетами, которые ломаются при первом выстреле. И начнётся паника: Враг проник в систему! Оружие — подделка!»

— Теоретически — да, — осторожно ответил я. — Но пластик для этого нужен специальный, прочный. Да и вообще, пистолет проще купить на чёрном рынке. Или э-э получить по распределению, — поспешно добавил я, заметив, как брови майора поползли вверх.

Он усмехнулся:

— Остроумно. Ладно, с принтером разобрались. Теперь расскажите про этот ваш интернет. Что это такое? Мы в общих чертах понимаем, но как он работает?

Я застонал про себя. Объяснить концепцию интернета человеку из прошлого — это всё равно что пытаться рассказать пещерному человеку про квантовую физику.

— Представьте себе огромную сеть, — начал я, — которая соединяет все компьютеры мира. Через специальные устройства, аппаратуру. Сервера. Через неё можно передавать сообщения, смотреть фильмы, покупать товары

— Покупать? — насторожился Яков Петрович. — То есть это что-то вроде каталога «Посылторга»?

— Не совсем. Это скорее гигантский базар, где можно найти всё что угодно. И продавцы, и покупатели — они могут быть где угодно: в Москве, в Нью-Йорке, на Камчатке

Майор нахмурился:

— И как же они расплачиваются? Через сберкассу?

— Нет, — я попытался вспомнить, как объяснить криптовалюты без того, чтобы меня сочли сумасшедшим. — Есть электронные деньги. Они существуют только в сети.

Следователь откинулся на спинку стула и посмотрел на меня с подозрением:

— Электронные деньги Звучит подозрительно. Как бы наши спекулянты не начали их печатать.

— Да их нельзя просто так напечатать! — возмутился я. — Там сложная система шифрования

— Шифрования, значит, — Яков Петрович сделал пометку. — Понятно. Значит, это что-то вроде нашей агентурной связи?

— В каком-то смысле, — согласился я, решив не вдаваться в подробности. — Но там нет агентов. Просто люди общаются, делятся информацией

— Делятся, значит, — майор прищурился. — А если кто-то захочет поделиться информацией, которую делиться не должна? Например, военными секретами?

«Ну вот, — подумал я, — началось. Сейчас он решит, что интернет — это заговор капиталистов по подрыву социалистического строя. И введут запрет на компьютеры. А я буду виноват, что рассказал про эту штуку».

— Есть способы защиты, — поспешил я успокоить его. — Шифрование, пароли

— Пароли, — повторил Яков Петрович с видом человека, который только что открыл для себя новую вселенную. — Как у нас, значит. Только в этой вашей сети?

Я кивнул, чувствуя, что разговор уходит куда-то не туда.

— А социальные сети? — вдруг спросил следователь, заглядывая в свои записи. — Что это за «тик-токи» и «мемы», о которых упоминали подростки?

Я едва не рассмеялся.

— Это способ общения молодёжи. Короткие видео, шутки, танцы

— Танцы? — майор поднял бровь. — И это важно для будущего?

— Для них — да, — я пожал плечами. — Это как ну, как частушки, только в видеоформате.

Яков Петрович задумчиво постучал карандашом по блокноту.

— Частушки в видеоформате Интересно. А если через эти «тик-токи» передавать секретные сообщения? Зашифровывать их в танцах?

— Теоретически возможно, — осторожно ответил я, — но на практике это слишком сложно. Да и никто так не делает.

— Пока не делает, — поправил меня майор. — Но мы должны быть готовы ко всему.

Он сделал ещё одну пометку, отложил карандаш и посмотрел на меня с усталой улыбкой:

— Виталий Алексеевич, вы меня поражаете. Столько всего нового У меня уже голова кругом. Может, всё-таки водички?

Я покосился на графин. «Волшебная вода, развязывающая языки», — вспомнились его слова.

— Спасибо, не стоит, — вежливо отказался я. — Лучше давайте вернёмся к полимерам. Это как-то надёжнее.

Яков Петрович рассмеялся:

— Соглашусь. Полимеры — это серьёзно. А то я уже начал думать, что будущее — это танцы, частушки и летающие машины.

— Будущее — это труд, — назидательно произнёс я. — И немного технологий.

— Мудрые слова, — кивнул майор. — Так что там с полимерами? Какие станки нам нужны для начала?

Я выдохнул с облегчением. Наконец-то мы вернулись к чему-то осязаемому.

— Для старта подойдёт простейшая линия по экструзии, — начал я. — Берём гранулы полиэтилена, плавим их, выдавливаем через форму — получаем плёнку или трубу. Ничего сложного, оборудование можно собрать даже здесь, у вас. Главное — подобрать правильные температурные режимы и давление

Яков Петрович внимательно слушал, записывал, задавал уточняющие вопросы. Постепенно его лицо становилось всё более довольным.

— То есть вы утверждаете, — попыток он, — что мы можем наладить производство полиэтиленовых пакетов уже через полгода?

— Именно так, — подтвердил я. — А потом можно расширяться: упаковочные материалы, трубы, изоляция для проводов Полимеры — это огромный рынок.

Майор откинулся на спинку стула и довольно потёр руки:

— Виталий Алексеевич, вы даже не представляете, насколько это важно. У нас тут как раз проблема с упаковкой: то бумага кончается, то картон. А тут — целый новый материал!

— Вот именно, — обрадовался я. — И это только начало. Представьте: пластиковые бутылки, контейнеры, мебель

— Мебель из пластика? — Яков Петрович скептически поднял бровь. — Это же непрактично.

— Зато дёшево и удобно, — возразил я. — Да и дизайн можно сделать любой.

Майор задумался, потом вдруг хлопнул ладонью по столу:

— А знаете что, Виталий Алексеевич? Это гениально! Одноразовая посуда — это же революция в общественном питании! Представьте: столовые без мойки, пионерлагеря без гор грязной посуды, поезда дальнего следования без необходимости возить с собой стопки тарелок. Экономия времени, сил, воды — колоссальная!

Я невольно улыбнулся его энтузиазму. Видно было, что идея действительно зацепила майора — он уже мысленно просчитывал масштабы внедрения.

— Только нужно будет предусмотреть утилизацию, — осторожно добавил я. — Чтобы использованная посуда не валялась где попало, а шла на переработку.

Яков Петрович нахмурился:

— Переработку, значит Логично. У нас и так с мусором проблемы. Но это решаемо. Главное — запустить производство.

Он быстро набросал несколько строк в блокноте, отложил карандаш и посмотрел на меня с новым интересом:— Скажите, а эти ваши полимеры Они могут быть цветными? Или с рисунком?

— Конечно, — кивнул я. — Красители можно добавлять на этапе производства. Можно даже логотип нанести или какую-то надпись.

— Вот именно! — майор оживился ещё больше. — Представьте: стаканчики с гербом СССР, тарелки с портретом товарища Сталина, ложки с надписью «Слава советскому народу!». Это же не просто посуда — это пропаганда!

«О боже, — пронеслось у меня в голове, — только этого не хватало. Пластиковые ложки с портретом вождя »

Меня передернуло.

— Да, так будет даже лучше, — вслух произнёс я. — И дизайн можно сделать красивый, праздничный. Для особых случаев — с орнаментом.

— Вот это подход! — Яков Петрович решительно встал изза стола. — Значит, так. Завтра же передам ваше дело по инстанции выше. Предложу организовать совещание с инженерами и технологами. Вас, Виталий Алексеевич, предложу в качестве главного консультанта.

Я опешил:

— То есть я больше не под арестом?

Майор усмехнулся:— А вы разве чувствовали себя арестованным последние два часа? Нет, Виталий Алексеевич. Вы ценный специалист. И мы будем делать всё, чтобы вы чувствовали себя комфортно и могли полностью посвятить себя работе на благо Родины. Но- это "но" прозвучало не совсем тепло, а я уже надеялся на искреннюю дружбу и уважуху.

Тут мне в голову влетела мысль, которая заставила меня поежиться. Я как-то упустил это из виду, пока трепался с Петровичем. Дом..

- Я, извиняюсь, - протарахтел я. - А как насчет меня? Как мне вернуться домой, в свое время? У меня, знаете ли, ипотека...

Пришлось рассказывать майору, что такое ипотека. Он не поверил и сказал, что я шутник. Вот бы его с собой забрать, чтоб он у нас с банкирами поговорил.

- Что касается вашего возвращения. - он на секунду замялся и в его глазах промелькнула какая-то арктическая холодность. - это невозможно. У нас нет машины времени Уэллса. Да и никто не станет отпускать такого ценного специалиста как вы. Вас проще...

Он не договорил, ибо в этот момент дверь кабинета приоткрылась, и в щель просунулась голова молоденького лейтенанта:

— Товарищ майор, там это опять эти подростки из будущего. Один утверждает, что ему срочно нужно записать «видос для подписчиков», а второй просит выдать ему какую-то термопасту. Говорит, что это очень важно для национальной безопасности.

Яков Петрович тяжело вздохнул:

— Передайте ему, что национальная безопасность не терпит самодеятельности. И пусть вернёт скрепки — они казённые. А вы, Виталий Алексеевич, — он повернулся ко мне, — отдохайте пока. И — он подмигнул, — может, всё-таки отведаете той самой «волшебной воды»?

Я не смог сдержать улыбку, несмотря на свое отвратительное состояние:

— В разумных пределах, товарищ майор.

— Договорились, — рассмеялся Яков Петрович. — В разумных пределах.

Мы обменялись рукопожатием, и я вышел из кабинета, чувствуя странное облегчение и одновременно тревогу. Будущее, которое я так боялся изменить, начинало меняться прямо на глазах. И я, технолог из 2024го, оказался в самом эпицентре этих перемен.

## На квартире

Яков Петрович поднялся из-за стола и протянул мне руку:— Ну что ж, Виталий Алексеевич, на этом пока закончим. Думаю, мы друг друга поняли.

Я встал и осторожно пожал его ладонь. Рука у майора была твёрдая, мозолистая — не то что у офисных работников из 2024го. «Наверное, в молодости много работал физически, — мелькнуло у меня в голове, — или просто служба такая: то дверь выломать, то за преступником по крышам бегать». — Да, товарищ майор, — ответил я, стараясь говорить уверенно. — Всё предельно ясно. — Вас отвезут на квартиру, — продолжил Яков Петрович, поправляя галстук. — Не шикарную, но вполне приличную. Будете там жить, пока там не определятся..«Не шикарную, но приличную, — мысленно повторил я. — Звучит как диагноз: Живы, но состояние тяжёлое. Хотя, может, и правда всё не так плохо?» — А когда я узнаю о решении? — осторожно спросил я. Майор усмехнулся:— Терпение, Виталий Алексеевич. Всему своё время. Сначала освоитесь, оглядитесь. А там и ..Он подошёл к окну, посмотрел на улицу и вдруг обернулся:— Знаете, что меня в вас поразило? Вы не пытаетесь продать нам какуюто фантастику. Не рассказываете про летающие тарелки и бессмертие. Вы говорите о вещах, которые можно потрогать: станки, материалы, технологии. Это ценно. Очень ценно. Я почувствовал, как внутри разливается тепло. Не от похвалы даже, а от того, что меня наконец-то услышали. По-настоящему услышали, а не просто записали в блокнотик очередные «сведения из будущего». — Спасибо, Яков Петрович, — искренне сказал я. — Я просто стараюсь быть полезным. — И это правильно, — кивнул майор. — А теперь идите. Вас ждут внизу. И Виталий Алексеевич? Я замер у двери: — Да? — Постарайтесь не влипнуть в неприятности хотя бы первую неделю, — с улыбкой произнёс он. — А то у нас и так забот хватает. Я не смог сдержать улыбки:— Постараюсь, товарищ майор. Обещаю не пытаться записать «видос для подписчиков» и не собирать гаджеты из скрепок. Яков Петрович рассмеялся:— Вот и славно. До связи, Виталий Алексеевич. — До связи, — повторил я и вышел из кабинета. За дверью меня уже ждали двое сопровождающих: лейтенант, который докладывал о подростках, и молчаливый сотрудник — тот самый.

Они посмотрели на мою разбитую рожу, усмехнулись про себя. — Готовы, Виталий Алексеевич? — бодро спросил лейтенант. — Более чем, — ответил я, ещё раз оглядываясь на дверь кабинета. Мы спустились вниз, вышли на улицу, где нас ждала тёмно-синяя «Победа». Лейтенант галантно открыл заднюю дверь:— Прошу. Я сел в машину, и мы тронулись. Город 1950х годов раскинулся передо мной во всей своей монументальной красоте. Рядом со мной на заднем сиденье сидел лейтенант тот самый, что докладывал о проделках подростков путешественников. Спереди водитель в форме и ещё один сотрудник, который всю дорогу молчал, будто проглотил устав. — Виталий Алексеевич, — обернулся ко мне лейтенант, — вам повезло. Квартира в самом центре, рядом с Арбатом. Я кивнул, стараясь не выдать своего волнения. «В центре, значит. Интересно, что они считают хорошим жильём в 1950м? Надеюсь, там хотя бы есть горячая вода. И унитаз. И чтобы не на улице». Машина плавно катилась по широким проспектам. Я жадно разглядывал город: строгие сталинские дома, вывески с витиеватыми буквами, редкие автомобили, трамваи, толпы людей в одежде, которая казалась мне одновременно знакомой и чужой. — Красиво тут у вас, — осторожно заметил я. Молчаливый сотрудник спереди хмыкнул:— А где у нас не красиво? Москва столица нашей Родины. «О, заговорил, — отметил я про себя. — Видимо, патриотизм — его слабое место. Надо запомнить на случай, если придётся выторговывать дополнительные льготы». — Да-да, конечно, — поспешно согласился я. — Просто непривычно. После 2024го всё кажется таким монументальным. Лейтенант обернулся, с любопытством глядя на меня:— И как там, в 2024м? Небоскрёбы до облаков, летающие машины? Я вздохнул:— Ну, небоскрёбов немного, а летающих машин нет. Зато доставка еды на дом. Водитель громко фыркнул:— Доставка еды? У нас тоже есть доставка. Называется «схо-

дить в магазин». Все трое засмеялись, и я невольно присоединился. «Ну хоть чувство юмора у них есть, — подумал я. — Уже легче». Мы свернули на тихую улицу, усаженную деревьями. Машина остановилась у пятиэтажного дома с лепниной над окнами. — Приехали, — объявил лейтенант. — Третий этаж, квартира 12. Ключи у дворничихи, она вас проведёт. Мы поднялись по широкой лестнице с коваными перилами. На площадке второго этажа нас встретила полная женщина в фартуке. — Это и есть наш гость? — строго спросила она у сопровождающих. — Он самый, — кивнул лейтенант. — Виталий Алексеевич, специалист по полимерам. Обращайтесь к Анне Степановне по любым вопросам. Дворничиха окинула меня оценивающим взглядом: — Полимеры, значит. Ну, проходите, Виталий Алексеевич. Покажу ваше жилище. Квартира оказалась небольшой, но уютной: две комнаты, кухня, ванная. Мебель простая, но добротная — шкаф, кровать, стол, пара стульев. На стенах — голые участки, где раньше висели фотографии (их явно сняли перед моим заселением), на подоконниках горшки с цветами. — Тут всё есть для жизни, — сказала Анна Степановна. — Газ, вода, отопление. В холодильнике продукты на первое время: молоко в бутылке, хлеб, колбаса, сыр. Если что нужно, то говорите. Я замер, не веря своим ушам: — В холодильнике продукты? Дворничиха улыбнулась: — Конечно. Вы же наш гость. И специалист ценный. Так что живите спокойно, работайте. А если кто будет беспокоить, то сразу ко мне. Я тут всех знаю. «Вот это сервис, — мелькнуло у меня в голове. — В 2024м за такие условия пришлось бы платить половину зарплаты, да ещё и ипотеку брать. А тут — просто за то, что я знаю, как сделать пластиковый стаканчик. Мир действительно полон сюрпризов». — Спасибо, — искренне сказал я. — Очень очень приятно. Анна Степановна кивнула и вышла, оставив меня одного. Лейтенант и его товарищи тоже попрощались и отправились обратно. Я подошёл к окну. Отсюда открывался вид на улицу: люди шли по тротуарам, дети играли в мяч, старушка продавала цветы. Всё такое настоящее. Не музей, не кино, а живая жизнь. Но мне стало тоскливо. Это не моё время. Но как я понял меня живым не выпустят отсюда. Значит что? А значит нужно пока втереться в доверие. Продумать план. Потом бежать. Да этих оболтусов малолетних с собой прихватить. Пока же я могу запустить производство полимеров, помочь стране, может, даже изменить ход истории. Хотя последнее это очень опасная штука. Вдруг поменяю - смоюсь назад, а там меня нет. Дилемма.

И надо быть осторожным. Одно неверное слово — и вместо лаборатории окажешься в той самой камере на Лубянке».

Я отошёл от окна и оглядел комнату. На столе лежал блокнот и ручка. Видимо, для записей. А может они хотят чтобы я стал писателем?

Рядом аккуратно лежала пачка папирос и спички. Я недоверчиво поглядел на пачку. В мыслях закрутились подслушивающие устройства. Но потом решил, что ребятам достаточно и другого устройства. Анны Степановны. Поэтому я забыл об этом и взял пачку в руки.

«Папиросы, — усмехнулся я. — В 2024м их уже никто не курит. А тут, глядишь, научусь. Или нет. Лучше уж чай. Кстати, о чае»

Я открыл холодильник. Действительно, продукты: молоко в бутылке с широким горлышком, хлеб в бумаге, колбаса в пергаменте, сыр. И банка с надписью «Кофе натуральный».

«Кофе, значит, есть, — подумал я с облегчением. — И, вероятно, хороший, а не пыль из какао. Уже хорошо».

Я поставил чайник на плиту (газовую, с массивными конфорками) и огляделся в поисках чашки. На полке нашлась керамическая, с рисунком. Синий цветок на белом фоне. Почти гжель.

Пока вода закипала, я подошёл к книжному шкафу. Несколько томов классиков, журналы «Наука и жизнь», справочник инженера. Всё аккуратно, чисто, ухоженно.

«Кто же тут жил раньше? — задумался я. — Учёный? Инженер? Или просто какой-то чиновник, которого переселили ради меня? В любом случае спасибо ему. И спасибо Якову

Петровичу. Хотя, может, это не его заслуга, а системы: Надо использовать ценные кадры, даже если они из будущего».

Чайник засвистел. Я заварил чай, отхлебнул и подошёл к окну снова. Солнце клонилось к закату. Где-то вдалеке загудел трамвай.

«Интересно, как там подростки? — мелькнуло у меня в голове. — Может, удастся их навестить? Но нет, лучше пока не светиться. Сначала надо освоиться, понять правила игры. И не забывать: я не гость, а ценный ресурс. А ресурсы берегут но и контролируют».

В этот момент раздался осторожный стук в дверь. Я вздрогнул.

— Виталий Алексеевич? — послышался голос Анны Степановны. Ну а кого еще? — Я тут принесла ещё кое-что. Может пригодиться.

Я открыл дверь. Дворничиха держала в руках стопку аккуратно сложенных вещей.

— Вот, — сказала она, передавая мне свёрток. — Рубашки, брюки, носки. Всё новое, с фабрики. Сказали, вам нужно обжиться.

Я опешил:

— Но откуда?

— Не спрашивайте, — улыбнулась она. — Просто принимайте. И запомните: если что-то понадобится — сразу ко мне. Я здесь уже двадцать лет, всех знаю.

— Спасибо, — искренне произнёс я. — Вы очень добры.

— Доброта тут ни при чём, — серьёзно ответила Анна Степановна. — Просто я знаю, что такое работать на благо Родины. И вижу, что вы тоже готовы. Так что давайте, осваивайтесь. И завтра вам привезут документы. Без оных пока на улицу не ходите.

Моё сердце ёкнуло.

— Какие документы? Мои? Завтра?

— Именно, — кивнула она. — Так что отдыхайте пока. И — она понизила голос, — не переживайте слишком. Всё будет хорошо. Я в людей умею смотреть. Вы — хороший человек.

Она мягко улыбнулась и закрыла дверь.

Я остался стоять посреди комнаты, сжимая в руках свёрток с одеждой. "Значит, чтобы не говорил майор, я пленник. Этого и следовало ожидать"

Я положил свёрток на кровать, подошёл к окну и посмотрел на улицу. Люди спешили по домам, дети всё ещё играли в мяч, старушка с цветами уже ушла.

«Ну что ж, — мысленно подытожил я, — кажется, начинается новая глава. Полимеры, производство, планы. И, может быть, однажды я смогу вернуться домой. Или а вдруг я останусь здесь? Вдруг это и есть моё будущее? В конце концов, не так уж тут и плохо. По крайней мере, пока».

Я допил остывший чай, поставил чашку на подоконник и улыбнулся. Впервые за долгое время я почувствовал что-то похожее на надежду. Но в глубине души понимал: настоящая работа только начинается. И расслабляться нельзя ни на секунду.

## Кошмар на улице Лубянка, или киборг за ипотекой

Но мне пришлось проторчать невылазно несколько дней. Никто не собирался торопиться и везти мне документы. Бюрократия, она, похоже, вне времени и пространства: хоть в России, хоть в СССР, хоть в Африке. Вечное «ждите», отпечатанное на бланках с тремя печатями и подписью «утверждено».

Я маялся целыми днями, меряя комнаты шагами из угла в угол. Пытался что-то читать, но чтение, я вам скажу, не мой конёк. Мысли все время уносились куда-то к станкам для полимеров и подросткам из будущего.

На третий день мне начало казаться, что обо мне попросту забыли. Как будто стёрли из всех списков, вычеркнули из реальности. Но Анна Степановна пунктуально приносила продукты. Аромат свежего хлеба каждый раз дразнил меня, напоминая, что жизнь где-то идёт.

Но на мои сначала осторожные, а потом отчаянные вопросы, неизменно отвечала:— Ждите. Чего вам на улице с вашим лицом делать? Глядишь, за алкаша примут и в милицию заберут. Пусть лицо заживает.

По ночам мне снились кошмары. И не какие-нибудь там банальные ужасы, а самые настоящие. Мне снилось, что банкиры отправили в прошлое киборга с целью выбить из меня просроченный платеж за ипотеку. Этот железный монстр в костюме и с портфелем гнался за мной по проспектам и орал голосом бота из телефона: «Срок платежа истёк! Подпишите акт приёма-передачи будущего!» А я убегал, спотыкаясь о брусчатку, и кричал: «У меня тут полимеры, производство, история меняется — какая ипотека?!» Просыпался в поту, с мыслью: «Ну и бред. Хотя, с нашей банковской системой — вполне реально».

Днём я всё чаще начинал думать, как вернуться назад в будущее, и почему моя прошлая попытка не сработала. Из множества перебранных мною вариантов я остановился на двух.

Первый : нужно слететь с дороги в том месте именно с той скоростью, с какой я вылетел в 2024 году. Это значит, что мне надо найти местный гоночный болид, развивающий скорость примерно до 90 км/ч, и раз за разом вылетать с дороги, ища именно ту скорость. Я потрогал своё почти зажившее лицо. Перспектива, прямо скажем, на уровне «прыгнуть с крыши, надеясь отрастить крылья в полёте». Но, видимо, другого выхода не было. Значит, можно пожертвовать своим фейсом.

А вторая гипотеза : стенка времени перемещается. Тогда — адьо. Хрен я отсюда выберусь. И буду жить здесь и жить как ответственный советский гражданин. От такой мысли желудок скрутило в узел, будто я уже три дня питаюсь одними нервами. В голове тут же всплыла картина: я в кепке и с портфелем, каждое утро топаю на завод, получаю грамоту «За ударный труд», а в свободное время выращиваю на балконе помидоры. «Виталий Алексеевич, — говорит мне бригадир, — вот вам путёвка в санаторий!» А я киваю: «Спасибо, товарищ, за заботу о трудящихся»

Окончательное моё решение всё же было таким : каким-то образом выкрасть двух зумеров, гоночный автомобиль и провести свой эксперимент. Представил, как объясняю им план: — Так, пацаны, сейчас мы угоняем болид и будем раз за разом вылетать с дороги — это научный эксперимент, ясно? А они смотрят на меня как на сумасшедшего и спрашивают: «Дядь, а вай-фай там будет?»

Я слегка успокоился. Время — вот мой главный союзник. Или враг? Кстати, а когда я вернусь, то вернусь в тот же день, из которого прилетел сюда? Или нет? Если да, то успею внести платёж. Успею купить пиццу на ужин. А если нет Представил, как менеджер банка смотрит на мой просроченный счёт и говорит: «По какой причине просрочили платёж?»

И мне придётся объяснять банку, что я застрял в прошлом. Интересно было бы на рожу менеджера в этот момент посмотреть.

Ладно, хватит теоретизировать. Пора переходить к разведке. Сначала нужно найти машину. Завтра же спрошу у Анны Степановны, где тут у них автоспорт культивируют. А если не знает, то придётся идти на Лубянку и просить у майора личный транспорт. Может, у него там запасной «ЗИС» завалился? Или хотя бы телега с мотором

Только к концу шестого дня моего то ли заточения, то ли курорта по местным меркам, ко мне приехали две двухметровые детины из ведомства. Точнее сказать, не ко мне, а за мной. И это были не те добродушные, которые мне понравились, а совсем противоположные. У них прям на лицах можно было прочесть «ты, парень, влип по самое не хочу». Их ботинки грохотали по паркету так, будто маршировала рота солдат.

— Собирайтесь, — без приветствия и представления произнёс человек с лицом, отчаянно напоминавшим кирпич, такого же цвета и формы. — Вы едете с нами.

Я хотел показаться им своим пацаном, знакомым с самим Петровичем, поэтому улыбнулся (хотя от вида этих товарищей у меня что-то поджилки немного затряслись) и нарочито вольно спросил:— Здравствуйте. Вы от Якова Петровича?

Его ответ пришёлся мне не по душе, ибо он взял мою рубашку за воротник, подтянул содержимое этой рубашки к себе и голосом, способным сотрясти все своды оперных театров, зарычал:— Мне повторить свой приказ?

Я хотел что-то ответить, но когда ты болтаешься на весу в рубашке, слова как-то не сильно лезут из горла. В голове пронеслось: «Ну вот, Виталий, дошутился. Хотел быть ценным специалистом — стал ценным арестантом». Я только прохрипел. Товарищ поставил меня обратно. Не скажу что бережно, но хоть так.

Я прочистил горло, чувствуя, как там всё ещё дрожит после встряски, и проямлил:— Сию минуту, господин.

Это уже не понравилось ему. Он, видимо, хотел рявкнуть на меня. Я на секунду представил его голос на повышенных тонах и мысленно увидел, как мои барабанные перепонки в ужасе пытаются спрятаться куда-нибудь подальше. Но, к счастью, его перебил второй.

— Не дурачьтесь, — сухо, как будто ему был неприятен сам факт разговора со мной, сказал он. — Быстро одевайтесь и идите за нами.

Ничего не оставалось, как последовать его мудрому совету. Ситуация меня сильно напрягала, и я только надеялся, что эти два клоуна — это такая добрая шутка от моего приятеля майора с Лубянки. «Как в плохом шпионском фильме, — мелькнуло в голове. — Сейчас скажут У вас пять минут, агент, а я побегу прятать секретные документы которых у меня нет». Мне не хотелось даже думать, что эти громилы не от него.

Я накинул пальто ( оно почему-то вдруг показалось слишком лёгким и бесполезным против этих двух глыб), засунул ноги в ботинки и послушно потопал вслед за этими детинами.

Спускаясь по лестнице, я мельком увидел дворничиху. Она торчала у подъезда, как гриб после дождя, и зыркала на нас исподлобья. По выразительному выражению её постного лица я скумекал: как только за нами захлопнется подъездная дверь, она тут же позвонит куда надо. Это немного водоошвило меня, ибо честно говоря я находился на грани паники.

Я даже соизволил донести до сведения громил, что они топают, как стадо слонов, что, вне всякого сомнения, приносит дискомфорт для проживающих тут людей.

Один из них только хмыкнул. Второй и вовсе ухом не повел. Вместо вразумительного ответа меня затолкнули в чёрную машину, как нашкодившего щенка, и сели по обе стороны, сжав так, что на мгновение показалось, будто я попал под пресс для чеканки монет — ещё чуть-чуть, и из меня выйдет новый рубль.

Я попытался плечами отпихнуть немного не в меру наглых товарищей, чтоб хотя бы чуть-чуть освободить место. Но тот, кто сидел слева, легонько двинул мне локтем под рёбра. Я

решил, что он ударил меня молотом. Рёбра заныли, я закашлялся, а машина в этот момент резко рванула с места. Она уносила меня в неизвестность.

Восстановив дыхание (насколько это было возможным в столь стисненных обстоятельствах), я начал озираться. За рулём сидел третий тип. В темноте салона он немного смахивал на Кинг-Конга: руль полностью скрывался под его ладонями, а плечи занимали полмашины. Те двое, что сидели рядом со мной, казались обычными гориллами по сравнению с ним. Я подумал, что мне повезло, что это не он сидит рядом. Иначе мне бы места не хватило от слова совсем.

Машина неслась по улице, подпрыгивая на неровностях, и я удивлялся, как с такими габаритами можно столь уверенно вести автомобиль. «Куда меня везут?» — мысль не давала мне покоя, как та назойливая муха на трассе после аварии. Я вглядывался в мелькающие за окном огни, пытаюсь сориентироваться.

Но всё разрешилось быстро. В свете фонаря мелькнули знакомые очертания здания. Вот машина тормозит у знакомой двери. Вот один из детей вытаскивает меня, как плюшевую игрушку, за шиворот из салона. Лубянка.

Я вздохнул спокойнее. «Ну конечно, — мелькнуло в голове. — Это Петрович. Точно он. Напугать решил, шутник чёртов». Надо сказать, я эту шутку совсем не оценил и уже мысленно подбирал слова, чтобы высказать ему всё нелитературным языком.

К моему глубокому сожалению, Кинг-Конг не соизволил показаться из-за руля и не предоставил мне удовольствия сравнить его с моими конвоирами. Я-то хотел, чтобы и они немного почувствовали себя слегка хилыми — как я себя ощущал рядом с ними.

— Вперёд! — протрубило что-то рядом с моим ухом, подталкивая меня в спину.

Караульный у дверей услужливо распахнул тяжёлые створки.

«Ну, Петрович, ну майор, — бушевал я внутри себя. — Сейчас я тебе всё выскажу. И про кинг-конга за рулём, и про твоих горилл»

И вот тут меня ожидал шок. Кабинет, где мы мило вели беседу с Петровичем, находился на втором этаже, а меня, протащив по коридору, поволокли вниз.

«Подвалы Лубянки!» — затравленно простонал мой мозг и, видимо, решил спрятаться, ибо несколько минут я ничего не соображал от страха. Ноги подкосились. Громила, тащивший меня, слегка встряхнул за плечо. Ему явно не пришлось по душе тащить на себе обмякшее тело. Хотя мой вес для него, вероятно, был не более чем вес кошки для меня.

На полусогнутых ногах я ступил в узкий коридор. Примерно через каждые двадцать шагов встречались массивные железные двери. Около одной из них меня остановили, открыли дверь и пихнули вглубь помещения. Конвоиры вошли следом.

Дверь с жутким лязгом, от которого занемели кончики пальцев, захлопнулась. Я невольно обвёл глазами помещение: стол, два стула и ещё один с той стороны стола. Голые стены. На одной из стен какое-то засохшее пятно коричневого цвета. Я долго таращился на него, соображая, от чего оно могло тут появиться.

Потом перевёл глаза на стол. Лампа, стопки бумаг и тип за столом. От вида которого мне совсем не похорошело. Узкое, крысиное лицо с редкими усами, волосы на его тылке торчали ключьями. Он был настолько мелким по сравнению со мной — каким мелким был я рядом со своими конвоирами.

Он угрожающе взглянул на меня, прищурившись, будто прицеливаясь, и неожиданно резко хлопнул кулачком по столу:— Сидеть! — взвизгнул он как собака, которой нечаянно наступили на хвост.

Надо сказать, что его приказ пришёлся мне как нельзя кстати. Я плюхнулся на стул пятой точкой, отметив про себя, что он явно жёсток для дружеских бесед. Но так как я только-только стал чувствовать свои ноги, даже такое седалище было впору.

Я молчал. Молчал и тип с крысиной мордой. Молчали и два великана за моей спиной. Тип взял со стола какой-то документ и молча просматривал его. Я вдруг увидел, что это мой паспорт.

И я почему-то, не обдумав последствий, первым нарушил тишину:— Это мой настоящий паспорт, — я старался, чтобы мой голос был ровным и убедительным. — Можно поинтересоваться, по какой причине я тут и где Яков Петрович?

Тип поднялся со своего стула с видом инквизитора, у которого на допросе колдун и подошёл ко мне вплотную. Я поморщился. От него несло луком вперемежку с табаком и ещё хрен пойми чему.

Его пытливые глазки-бусинки со злобой впились в моё лицо. Если бы они жили отдельно от его рожи, уверяю, они бы давно набросились на меня.— Молчать! — опять этот визг. — Здесь я задаю вопросы.

Он дышал своим смрадом мне прямо в лицо и я вдруг ощутил, что мне почему то совсем не хочется есть.

## Три вопроса

— Меня зовут, — начал этот тип с таким чувством собственного достоинства, словно хотел сказать, что его зовут Пётр I или Бонапарт Наполеон, или товарищ А нет, товарищ Сталин — это я, — Гавриил Петрович.

Я чуть не прыснул: «Гаврила! Интересно, у них тут все Петровичи?» — и пару раз кашлянул, пытаясь скрыть смешок. Гавриле это не понравилось. Он вдруг резко раскрыл мой паспорт (страница с фамилией была чуть помята) и начал тыкать мне прямо в харю.

— Это что такое? — заорал тип. — Я тебя, падлюку, спрашиваю: это что такое?

Я попытался убрать своё достойное лицо от постоянной встречи с бумажным документом, но Гаврила наращивал темп.

— Это мой паспорт, — прошипел я, ибо он меня уже начал доставать.

— Я не про паспорт спрашиваю, падлюка! — зашёлся тот в крике. — Кто посмел тебе, падлюке, осквернять имя товарища Сталина и брать его фамилию ?

Более дурацкого вопроса я, по-моему, в жизни не слышал. Ведь не я брал эту фамилию. Её мне дал мой отец. Ему — дед. Ему — прадед. Ну и так далее, вероятно. Это ж и дураку должно быть понятно. Я осторожно поделился этими мыслями с Гаврилой.

Казалось, его сейчас схватит удар. Он наливался кровью, рот открылся в беззвучном визге, а глаза вылезли наружу. Сейчас он походил не просто на крысу, а на крысу с выпученными глазами. Жуткое зрелище, скажу я вам.

Не найдя воздуха для своих связей, Гаврила несколько раз хлестнул меня паспортом по моему только зажившему фейсу. Я почувствовал как из разбитого или порезанного носа потекла кровь. У меня застлало в глазах, кулак сжался, желая погладить физиономию этому недорослю, но тут пробудился мой внутренний голос. Откуда-то из пяток он заорал: «Не смей! Иначе это конец!»

Пришлось, скрепя сердце, соглашаться с ним. К тому же сзади стояли две глыбы. Я затылком чувствовал, что они ждут, с двойным удовольствием. моего удара по крысиной физиономии. Во-первых : что я врежу их начальнику и хоть маленько порадую их этим зрелищем. И во-вторых : порадую еще больше, когда они уже врежут мне.

— Ты мне сейчас дошутишься, падлюка, — воздух наконец дошёл до лёгких Гаврилы. — Я тебя

Он неожиданно ударил меня паспортом по макушке, вернулся за стол и сел, достав откуда-то платок и начав вытирать руку. Я увидел, что его пальцы в крови. Моей, естественно.

Гаврило вытер руку, потом высморкался в этот же платок. Хлюпающий звук заставил меня поморщиться. Я тарачился на него и не мог понять: это ж каким нужно быть обмороком, чтоб сморкаться в кровавой носовой платок? Теперь моя кровь отпечаталась на его узком, удлинённом носу. Но он этого не замечал. Он сидел, пыхтел и со злобой смотрел на меня. Устал, видимо, махать паспортом.

Я медленно, осторожно приподнял правую руку стараясь не делать резких движений, чтобы не вызвать раздражения у этой троицы, и демонстративно утёр разбитый нос рукавом пальто. Так же медленно опустил руку, стараясь выглядеть как можно более спокойным.

Гаврило отдышался, крикнул:— Я повторяю свой вопрос, падлюка — он откинулся на спинку стула с видом императора как минимум вселенной, — кто тебе дал право носить такую фамилию? Или ответишь, паскудник, по-хорошему, или за тебя примутся они, — он кивнул на ребят позади меня.

Я представил себе их ухмылки и моё сердце проскакало галопом.— Я же вам говорю, я не брал себе этой достойной фамилии. Вы, наверное, ещё не в курсе, что я из будущего. Я попал к вам случайно. Я же не хотел — я замолк, не зная, что говорить дальше.

Весь этот разговор про фамилию был сущим абсурдом, и я это понимал. К моему сожалению, этого не понимал этот тип, Гаврила.

— А мне насрать, что ты из будущего! — прошипел он. — Я это знаю и мне насрать, понял ты, паскуда такая? ! Мне из тебя нужно выбить три ответа, и я их выбью. Понял? Знаешь, как меня тут зовут? Раскальватель. Вот я тебя сегодня и буду раскальвать. Никто ещё не ушёл от меня без ответа. Ясно тебе, паскудник?

Он обнажил свои мелкие острые зубки в чём-то, напоминающем улыбку. Хотя она больше была похожа на оскал. Крысиный.

В этот момент я окончательно убедился, что это не шутка моего доброго друга майора. Он или был двуличной скотиной, или вообще не в курсе, что здесь происходит. Это огорчило меня, хотя внутри теплилась надежда, что если это второй вариант, то Анна Степановна уже дозвонилась до Якова Петровича и он уже отдаёт приказ танкам выйти на передовую в надежде отбить меня от этих неприятных мне товарищей. Других мыслей, типа почему я вообще здесь, мне в голову как-то не приходило.

Тип с крысиной физиономией наконец отдышался, снова поднялся из-за стола и подошёл ко мне. Хорошо хоть без паспорта. Ещё раз получать документом по лицу мне не шибко хотелось. Я как-то не подумал, что он может зарядить мне своим кулачком. А он это сделал.

Правда, его удар я мог сравнить с попаданием по щеке воздушным шариком, но всё равно внутри меня всё закипело.

Гаврило отошёл на шаг, удивлённо посмотрел на свой, как ему казалось, могучий кулак, потом — на моё безразличное выражение лица. И, видимо, для проверки, снова приложился по моей харе своим воздушным шариком.

«Хорошо, он паспорт не взял», — подумал я. — «Иначе б больно было».

Гаврило наклонился ко мне, и я задержал дыхание, чтобы не чувствовать ароматы из его рта. Видимо этот тип совсем не знал, что такое зубная щётка. Он снова сказал мне, что я «падлюка» и что он будет бить мне морду. Я уже устал от его великого самомнения и просто послал его к чёрту. Правда, тихо, без агрессии.

Это его добило. Он ещё пару раз приложился к моему лицу, причём последний раз всё-таки неловко зацепил моё ухо и рванул его. Боль пронзила острой вспышкой, но я не дал ему получить удовольствия и сдержал вскрик. Гаврило отошёл к столу и пискнул двум своим великанам:

— Спросите эту падлюку за фамилию.

Я вам серьёзно говорю — несмотря на то, что я примерно к этому был готов, у меня чёрные круги поплыли перед глазами ещё до того, как я получил подзатыльник от одного из горилл. «Всё, Виталик, — стукнула мысль, — курорт окончился».

Но тут в железную дверь кто-то требовательно постучал. Успев отвешать мне только раз, двое с явным разочарованием отошли от меня по команде Гаврилы, который махнул им рукой.

— Войдите, — протявкали он.

Дверь отворилась со скрипом. Вошёл хмурый чел в очках. Высокий, сутулый, в выглаженном сером костюме. Его лицо было бесстрастным, а пальцы в чёрных чернилах аккуратно положили бумагу перед крысенышем. Он козырнул, бросил короткий настороженный взгляд в мою сторону, какой бросают прохожие на появившегося на тротуаре самокатчика, и так же молча вышел, закрыв за собой дверь.

Гаврило схватил лист, пробежал глазами по строкам. Его лицо побагровело, он потёр руки, будто пытаясь согреться, и плюхнулся на стул.

— Вопросы меняются, — промямлил он. — Но их так же три. И я так же выбью их из тебя. — Он мерзко расхохотался, откинувшись на спинку стула.

Если ад есть — то черти там смеются именно так.

— У меня на тебя два часа времени, — начал Гаврило таким недовольным тоном, как будто я пришёл к нему за бесплатной консультацией. — И за эти два часа ты мне всё выложишь как на духу.

«Два часа» — страх медленно начал садиться мне на шею, сдавливая горло. Я представил, как будет выглядеть мой фейс после двух часов «дружеской беседы», и картина эта мне решительно не понравилась.

— А можно без мордобоя и прочих неприятных штучек? — хрипло выдавил я из себя.

Крысеныш удивился. Ещё больше удивились громилы: они разинули рты у стены, и в их глазах промелькнуло что-то вроде малюсенького уважения к товарищу, сидевшему посреди комнаты на стуле с разбитым носом и не воющему о пощаде. Один из них даже слегка кивнул, будто одобряя мою дерзость. Громилы переглянулись между собой и уставились на Гаврилу.

Тот тарачился на меня, и я прямо читал его мысли: «Псих? Или просто дурак?» Он даже хмыкнул, как будто я рассказал смешной политический анекдот, над которым в открытую смеяться нельзя. Минуту или две посидел в молчании, постукивая пальцами по столу. Вероятно, он думал, как построить разговор с сумасшедшим, чтобы добиться максимума ответов.

— Три вопроса, — продолжил он, наклонившись вперёд. — Первый: кто ответственен за развал Советского Союза?

Я аж застонал. Опять одно и то же. И повторил всё то же самое, что озвучивал всем ранее: — Я маленький был. Не знаю. Политикой не интересовался никогда.

Гавриле этот ответ не понравился. Он резко кивнул громилам, и один из них шагнул ко мне.

— Пойдите! — успел крикнуть я. — А два других вопроса-то?

Мне врезали прямо в нос.

Я пришёл в себя. Первое, что ощутил, — бетонный пол холодил затылок, а в висках пульсировала тупая боль. Сразу сообразил, что не усидел на стуле после тычка. Надо мной стоял громила и с интересом учёного рассматривал меня, чуть склонив голову набок. Его тень накрыла меня целиком, закрывая тусклый свет единственной лампочки под потолком.

— В порядке, товарищ майор, — прогудел он, словно ветер завыл в трубе. — Очухался. Слабенький какой-то. Я лишь слегка.

Мои глаза сфокусировались, и я увидел протянутую мне руку. Попробовал подняться сам, но тело запротестовало. Пришлось прибегнуть к помощи. Громила усадил меня обратно на стул с бережностью, с какой кавалер открывает дверь авто перед своей дамой. И это чтобы чуть позже вмазать мне ещё раз

Я обрёл равновесие, машинально ошупывая нос рукой. Что-то визжал, задавая очередной вопрос, Гаврило, но я не слушал его. Нос порядочно увеличился в размерах, и я покосился на кулачище своего обидчика. Он говорил «слегка». Хрена себе слегка!

— Вам бы в бокс, — восхитился я. — Уверен, все трофеи в тяжёлом весе соберёте. По моему, все эти Тайсоны и прочие рядом с вами не стояли бы.

Громила вытянул лицо в недоумении, обрабатывая выданную ему информацию. Но про бокс он явно где-то слышал, ибо через мгновение он покраснел от удовольствия до ушей, а на губах появилась робкая улыбка. Блин, что там визжит этот крысеныш?

— ...паскудник. Я тебя к стенке, — я наконец обратил свой слух на Гаврилу. — Где машина времени?

— Продал на рынке, — ответил я, глядя ему прямо в глаза. — Мужик какой-то прицепился, продай, мол, да продай. За сотню и забрал у меня. Уже, наверное, в будущее умотал.

Злобный писк. Ещё один удар — на этот раз в скулу. Голова мотнулась в сторону, в глазах вспыхнули искры.

Но на этот раз я не ушёл в отключку. Может, привык к ударам, а скорее всего, детина чуть более правильно рассчитал силу удара. Может, пожалел меня. Не каждый день ему, поди, говорят, что он величайший боксёр в мире.

Когда последняя звезда погасла перед глазами, мои уши подверглись атаке ультразвуком. Это вопил крысеныш. Я встряхнул головой, настроил барабанные перепонки на нужную волну.

— Допляшешься, падлюка! — услышал я. — Повторяю свой вопрос: где машина времени? Кто развалил Союз? С какой целью тебя сюда забросили? Устранить товарища Сталина?

Я увидел занесённый кулак и мне вдруг резко надоела вся эта канитель.

— Хватит визжать! — пытаюсь вложить в голос твёрдость, рявкнул я. — Хочешь ответы — получай. СССР развалил я, когда родился, и получил силу от джедаев. Машина времени это мой «Фольксваген». На нём я сюда и попал. Никто меня сюда не забрасывал. По своей инициативе. Потому что я — император галактики. Выкусил?

Если бы я попал в общественную женскую баню, то произвёл бы меньший переполох, чем устроил его здесь. Всё смешалось — визги, крики, топот ног. По-моему, их слышала вся Лубянка. Иначе дверь бы не открылась так резко, и на пороге не появился ещё один тип — усатый, с седыми волосами и глазами холодными, как два айсберга.

— Молчать! — рявкнул он с порога. — Гавриил Петрович, этого в камеру пока. Приказано отложить до утра.

Я похолодел. «Что отложить?» — пронеслось в голове. Уж не в самом ли деле стойку у стены?

Крысеныш молча козырнул, бросил на меня уничижительный взгляд.

— В камеру паскудника! — приказал он. Потом усмехнулся и добавил, уже глядя на меня: — Проведи последние часы с пользой.

Меня грубо схватили и потащили по длинному коридору. Пинок — я влетаю в комнату, и тут же раздаётся резкий лязг засова.

Темнота. Абсолютная. Я сделал шаг вперёд, вытянул руки перед собой и упёрся в шершавую стену. Дыхание участилось, в висках застучало. «Приехали, Виталий», — прошептал я в пустоту.

## О природе страха, власти и фамилий

Темнота была не просто темнотой. Она была официально темнотой. С печатью и подписью. Я лежал на каком-то тряпье и размышлял о вечном: почему, когда тебя бьют, время тянется, как жвачка? Кто придумал называть допросы «беседами»? И главное — где тут кнопка «отмена»?

«Приехали, Виталий», — мысленно повторил я свою вчерашнюю фразу. Теперь она звучала не как констатация факта, а как девиз дня. Или, может, недели.

Я попытался сесть. Получилось со второй попытки, ибо первая закончилась тихим «ой» и мыслью: «Надо меньше думать о боли, больше — о высоком». Например, о том, что завтра, возможно, мне подарят торт. С надписью: «Поздравляем с выживанием!»

Где-то вдали раздались шаги. Я замер. Шаги прошли мимо.

— Ну и ладно, — буркнул я в пустоту. — Не очень-то и хотелось, чтобы меня заметили.

Сколько времени прошло? Час? Три? Я начал считать вдохи, но на двадцатом сбился и решил считать кирпичи на стене. Нашёл один. Потом ещё один. Потом понял, что не вижу кирпичей. — Отлично, — вздохнул я. — План провалился.

Воспоминания нахлынули, как незваные гости на день рождения: Гаврило с паспортом — будто это не документ, а оружие массового поражения. Громила, который смотрел на меня с видом: «Ну ты и кадр.

Я выпрямился и хлопнул в ладоши. — Так, Виталий, — сказал я себе. — Давай думать. Что у нас есть? Я жив. Пока. У меня есть фамилия, из-за которой все сходят с ума. У меня нет машины времени, но все уверены, что есть. Гаврило — тот ещё фрукт. Громилы не так уж плохи. Один даже помог мне встать. Видимо, у него где-то дома есть кот, которого он тоже иногда гладит.

А потом мысли свернули в другое русло.

По-моему, Яков Петрович просто играл со мной. Прикинулся этаким другом. А сам всё эти шесть дней состряпывал на меня дело. Аккуратно так, по крупичкам: тут слушок, там донос, здесь факт. И всё это складывал в папку с надписью «Сталин, он же Виталий, он же шпион из будущего».

И вот теперь папка готова. Толстенькая такая, пухленькая, с фотографиями моего побитого лица, схемами и, наверное, даже с моими поддельными ответами. Яков Петрович её полистал, улыбнулся своей самой дружелюбной улыбкой и передал другому. Кому-то вроде Гаврилы. Или усатого.

«Спасибо, коллега, — говорит. — Тут всё собрано, осталось только выбить признание. А я пока пойду пить чай с пирожками. И думать, кого следующего ловить».

А я-то, дурак, верил. Думал, вот он, мой спаситель! А он просто ждал, пока я сам себе яму вырою. И я ведь помог — своими прямыми ответами. Прямо как кролик, который сам прыгает в кастрюлю к лисе и ещё благодарит за гостеприимство.

Я начал прикидывать, что говорить на допросе. Если он, конечно, состоится. А то ведь непонятно, что значило "отложим на завтра".

План созрел мгновенно, как заканчивается бутылка пива: надо косить под психа.

Утром буду говорить загадками. «Ответ есть в вопросе, а вопрос — в ответе». Если Гаврило разозлится, скажу: «Вы так красивы в гневе!» — может, смутится и забудет, зачем меня бил. Громилам намекну, что у них талант к балету. Вдруг проникнутся? А если совсем прижмут — заявлю, что я тайный агент галактической разведки. И что завтра прилетит мой корабль.

В этот момент дверь скрипнула. Я вздрогнул. — Уже утро? — спросил я у пустоты. — Ну вот, только разогнался фантазировать

Дверь открылась. В проёме возник силуэт.— Выходи, — прозвучало строго. — Гавриил Петрович ждёт.

Я встал, отряхнулся и сделал шаг вперёд.— Иду! — бодро ответил я. — Кстати, а у вас тут завтрак положен? Или только допросы?Силуэт замер. Видимо, такой вопрос не входил в протокол.— Э-э завтрак потом, — пробурчали в ответ.— Жаль, — вздохнул я. — А я уже настроился на омлет.

И пошёл за стражем, мысленно репетируя первую фразу для Гаврилы: «Знаете, я тут подумал Может, мы просто не поняли друг друга?»

Я шёл за стражем по длинному коридору, стараясь не спотыкаться о собственные мысли. В голове крутились варианты первой фразы для Гаврилы — от глубоко философской («Всё есть иллюзия, включая этот допрос») до предельно практической («Можно сначала в туалет?»).

Впереди, у массивной двери с табличкой «Кабинет 17 », стоял Яков Петрович. Он был занят разговором с усатым типом, который заходил на нашу дружескую вечеринку вчера вечером. Увидев меня, он то ли усмехнулся, то ли улыбнулся. Я не знаю, почему мы, люди, всегда сначала ищем что-то плохое в себе подобных. И находим даже там, где этого нет. Во всяком случае, я заподозрил ухмылку и решил - да, майор просто играл свою роль.

Внутри всё вскипело. Терпение, которое я так старательно копил в камере, лопнуло, как передутый шарик.

— Сволочь! — выкрикнул я, забыв про все планы и стратегии. — А я думал, мы подружились!

Яков Петрович удивлённо поднял брови — так высоко, что они чуть не скрылись под чёлкой. Он посмотрел на меня с видом человека, которому только что сообщили, что Земля плоская, а он всю жизнь верил в шар.

Мой конвоир остановился у двери, которая вызвала во мне неприятные ассоциации. Постучал. Оттуда что-то пискнуло, типа: «Войдите». Я глубоко вздохнул, а мои барабанные перепонки начали перенастраиваться на диапазон, способный безболезненно улавливать порядком надоевший мне звук почти родного голоса Гаврилы. Дверь распахнулась, конвоир жестом пригласил меня проследовать через порог. Я снова оказался в совсем не-полюбившемся мне месте.

Крысеныш сидел за столом, что-то читая. В свете лампы я увидел, что его руки подрагивают — будто он не документ держит, а пытается удержать на ладони взлетающий вертолёт. «С похмелья?» — чуть вслух не спросил я, но сдержался. Осторожно глянул по сторонам. Моих друзей горилл в комнате не было, что несказанно меня обрадовало. Шнобель в пол-лица ещё не забыл о их товарищеских кулаках и явно не горел желанием обновлять воспоминания.

Дверь за мной тихонечко скрипнула, и я, как дундук, стоял посреди комнаты, не желая нарушить священнодействия Гаврилы. Начинать разговор лучше не с психованным человеком — это я усвоил ещё в детстве, когда пытался спорить с мамой насчёт уборки комнаты в разгар её плохого настроения.

Тот наконец дочитал писанину и поднял на меня глаза. Его взгляд был настолько безумный, что я едва не бросился колотить дверь с криком «Вызывайте психушку!», поскольку мне совсем не хотелось находиться тет-а-тет в одном пространстве с буйно помешанным.

Гаврило отложил рукопись и стал медленно подниматься со стула. Надо сказать, это было какое-то кошмарное зрелище — будто в замедленной съёмке вставал не человек, а древний вулкан перед извержением. Я чувствовал себя кроликом перед удавом, наблюдая сие действие. Каждая секунда его подъёма тянулась, как жвачка, со скамейки, на которую ты нечаянно уселся.

Гаврило выпрямился, глядя прямо на меня. От этого взгляда я прям почувствовал, как ледяная рука смерти хватает меня сзади, а заодно и за ухо — на всякий случай. Гаврило вытя-

нулся в струнку, будто его проглотили и тут же выплюнули по линейке. Мы молча тарасились друг на друга.

В давящей на меня тишине я отчётливо услышал, как мимо протопал таракан. Мысли начинали понемногу возвращаться в мой застывший мозг. Честное слово, при этом непонятном виде и поведении Гаврилы вчерашний допрос в его проведении казался мне сейчас небольшой весёлой пирушкой — почти как чаепитие с плюшками, только без плюшек и чая.

Было ощущение, что он сейчас меня проглотит, не пережёвывая. Тот стоял, и выражение его безумных глаз начало чуть-чуть сменяться диким ужасом как будто он увидел не меня, а привидение в полосатой пижаме, которое пришло требовать долг за прошлогодний Хэллоуин.

Я даже заволновался. Может, перемещение во времени действует на гены, и я начал мутировать? Превращаться в страшилище или в кучу бесформенной слизи? Я машинально пробежал руками по телу и лицу. На всякий случай ощупал уши (не выросли ли?), проверил, не липнут ли пальцы друг к другу. Нет, всё нормально. Даже носюра начал принимать свою обычную форму. Не то чтобы идеальную, но хотя бы узнаваемую.

«Успокойся, слизняк», — приказал я сам себе. — «Просто крысеныш встал не с той ноги. Или это новая тактика допроса — психологическое давление. Запугивание. Отрабатывает на мне новую методику допросов».

Тишина явно затягивалась — она уже не просто давила, а навалилась всей своей многотонной массой, как диван, который решили передвинуть и случайно уронили на ногу. Я решил, что была не была, а надо первым хоть что-то сказать. Но что? Про погоду вряд ли проканает — не похоже, что Гаврило интересуется циклонами над Сахарой. Сказать, что он хорошо выглядит? Я посмотрел на его рожу. Смешно. Я уже открыл было рот, собираясь выдать что-то вроде «Доброе утро, солнце светит, птички поют», как он запищал.

— Здравствуйте, товарищ Сталин!

Я осёкся, будто на полном ходу врезался в кирпичную стену. Его слова начисто перебили все мои мысли, оставив в голове звенящую пустоту.

— Здравствуйте, товарищ — невпопад ответил я, чувствуя, как уши предательски краснеют. — Простите, не знаю вашей фамилии.

Натужено пуча глаза, тот взвизгнул, словно его прищемили дверью:

— Грызунков.

Я отпал. Верите или нет, но я просто закатился в диком хохоте — так, что слёзы брызнули из глаз, а живот свело судорогой. Я хватал ртом воздух, икал, вытирал слёзы рукавом — знал, что могут быть самые неблагоприятные для моего и без того пострадавшего лица последствия, но сдержаться не смог. Гаврила с крысиной физиономией оказался Грызунковым. Да. Природа явно пошутила над этим типом. Причём с таким размахом, будто целый отдел юмористов неделю сочинял эту фамилию.

Гаврила продолжал стоять по стойке смирно, и его обуял ужас — такой всеобъемлющий, что, казалось, он вот-вот проступит испариной на его сером лице. Этого я уже никак понять не мог, и мой смех застрял у меня в горле. Что тут происходит? Мозг крутился, как белка в колесе, но ответа не находил. Вчера этот тип портил мне мою морду с явным удовольствием, а сейчас стоит и боится даже шумно дышать, будто не он тут начальник, а я.

Может, принял меня за товарища Сталина? Не за меня самого, естественно, а за того самого? Ну бред же. У меня отродясь усов не было. Или он реально сошёл с ума, постоянно торча в этом затхлом помещении? Может, воздух на него так воздействовал? Я решил аккуратно у него это уточнить.

Он ещё больше выпучил глаза — я не понимал, откуда они у него так лезут и сколько ещё их можно выпучить, будто внутри у него был какой-то невидимый насос. И мышинным голоском, дрожащим, как лист на ветру, промямлил:

— Товарищ Сталин, произошла чудовищная ошибка. Прошу простить меня.

— Погодите, Грызунков, — уже серьёзно спросил я. — Вы меня что, принимаете за вождя? С вами всё в порядке?

Его лицо из серого разом стало пурпурным. Лоб покрылся бисеринками пота, а глаза забегали, как мыши в клетке, где только что открыли дверцу.

— Никак нет, товарищ Сталин, — пролепетал он. — Но тут документ — Он замялся, глазами указывая на лежащую на столе бумагу. Ту самую, которую он читал.

Меня пробрала дрожь неизвестности, холодная и липкая, словно кто-то провёл по спине мокрым пальцем. Что в этом документе? Я сделал шаг к столу, чувствуя, как подошвы прилипают к полу, и замер. Неужели это всё подстроено? Сейчас я признаюсь, что я Сталин, скажу это вслух и меня тут же обвинят в покушении на вождя народов Я замялся.

Гаврило следил за мной, как будто я был по меньшей мере древним богом, сошедшим в разгар жреческого ритуала. Его поза не изменилась, но теперь в ней читалась не выправка, а отчаянный страх.

«Рискнуть или нет? — думал я, глядя на злосчастный лист бумаги, который теперь казался мне порталом в ад. — Что в нём написано?» А что, если повернуться и попытаться выйти через дверь? Нарушить их планы? А это идея.

Я быстро развернулся, сделал два стремительных шага к двери, потянул за ручку. Никто меня не останавливал, никто не орал «Лови шпиона!». Я приоткрыл дверь, выглянул в коридор.

Оттуда, где начиналась лестница, в мою сторону шёл Яков Петрович в сопровождении усатого типа и двух вчерашних бугаев. Яков Петрович что-то говорил усатому, тот кивал, а бугаи шли следом, как две горы мускулов.

Я моментально захлопнул дверь и повернулся к Грызункову. Гаврило стоял не шелохнувшись. Это был какой-то сюр, смысл которого я никак не мог понять.

## Семейная сага с печатью Совершенно секретно

Дверь раскрылась бесшумно, несмотря на несмазанные петли. Петрович и усатый зашли разом, не толкнув друг друга, будто это были механизмы одной машины. Я был удивлён: эти ребята из комитета даже сквозь скрипучую дверь умудрялись пройти тихо. Я стоял как истукан посреди комнаты, чувствуя, как по спине пробежал холодок — не от страха, а от какого-то странного восхищения их отточенной синхронностью.

Усатый прошёл мимо меня прямо к столу и положил перед Грызунковым две бумаги.

— Подпишите, майор, — сказал он таким скрипучим голосом, будто весь шум от несмазанных петель двери действительно перенесся в его голосовые связки и теперь царапал воздух.

Гаврило опустил взгляд на документы.

— Что это? — с какой-то обречённостью спросил он.

— Подписка о неразглашении, — прогудел Яков Петрович. — И ваш перевод на новое место службы.

Грызунков побледнел буквально на глазах, будто краска сбегала с его лица. Непослушными пальцами он взялся за ручку, и я заметил, как вздулись вены на его запястье.

— Куда? — я еле услышал, что он пропищал, и этот звук резанул по нервам сильнее любого крика.

— В Забайкальский край, — отрезал Петрович жёстко, без тени сочувствия. — Будете там ловить чёрных лесорубов. И смотрите, чтобы это были действительно чёрные лесорубы, а не деревенские мужики, валящие лес для обогрева изб.

Нетвёрдой рукой Гаврило начал выводить подписи. Его плечи опустились, а сам он стал похож на клиента банка, подписывающегося под договором на кредит под кабальные проценты, когда уже понимаешь, что попал, но обратного пути нет. Мне даже стало его немного жаль.

— И скажите спасибо, — встрял усатый, и в его тоне прозвучала холодная насмешка. — Что вас не разжаловали и не завели на вас дело, товарищ майор. Подписали? Всё, идите. На сбор у вас три часа. И смотрите мне, Грызунков. Теперь за вами наблюдают.

Усатый взял бумаги со стола и в сопровождении Гаврилы покинул помещение, успев мне козырнуть — коротко, почти незаметно, но с каким-то странным подтекстом.

— Здравствуйте, товарищ Сталин! — бросил он с этими словами, и дух его пропал за дверью так же бесшумно, как и появился.

Мы остались одни с Яковом Петровичем. Я ни хрена не мог понять, что происходит, и просто уставился на него. Тот прошёл к столу, взял лист бумаги, которую читал Гаврило, потом повернулся ко мне. В лучах тусклой лампы его лицо казалось высеченным из камня — жёсткие линии, тени под глазами. Он впервые рассмотрел мой опухший нос, и его губы скривила ухмылка удовольствия от зрелища.

— Продолжаете развлекаться, Виталий Алексеевич? — уточнил он, кивая на моё лицо, и в его голосе прозвучала едкая насмешка, будто он наслаждался моим положением.

Я что-то промямлил в ответ, с трудом подбирая слова. Нет, поистине этот тип, Петрович, — сложный персонаж. Ещё полчаса назад я считал его нехорошим человеком и мысленно ругал последними словами, а теперь он убирает «крысеныша» и внутренне смеётся с моего фейса.

— Что здесь происходит, чёрт возьми? — наконец смог я чётко сформулировать свою мысль. Не сказал бы, что она была глубокой, но на большее в данном случае моей фантазии не хватило.

Петрович провёл пальцем по подбородку, разглядывая меня, как сантехник разглядывает трубы, пытаясь выяснить, откуда едва сочится вода. Его взгляд скользил по моему лицу — от опухшего носа к глазам, потом к рукам, будто искал какую-то деталь, ключ к разгадке.

— Пройдёте ко мне, Виталий Алексеевич, — произнёс он, и в этой фразе прозвучала какая-то нарочитая, слишком подчеркнутая вежливость. — Нам есть о чём с вами поговорить. «Может, у них тут коллективное помешательство?» — подумал я.

— Разговор будет приятный или как-то вот так? — спросил я, показывая на свой шнобель.

Он улыбнулся, неожиданно взял меня под локоть и крепко, почти до боли, поволок за собой в коридор. Хватка у него была железная, словно тиски сомкнулись на руке.

— Я думаю, будет нормальный разговор, — он мне подмигнул, и от этого жеста я вообще впал в ступор.

В коридоре никого не было. Как будто вместе с Гаврилой отсюда ушла вся жизнь.

Пришлось тащиться за Петровичем на второй этаж. Уже знакомый мне кабинет. Майор расположился на своём законном месте, предварительно подтащив для меня мягкий стул вместо того деревянного, что стоял тут ранее.

Буркнув «премного благодарен», я ухнулся на стул, чувствуя, как ткань чуть пружинит под весом. Положил руки на край стола и посмотрел на Петровича. Тот пристально тарасился на меня, изучая каждую черту моего лица: его взгляд скользил от опухшего носа к глазам, задерживался на ссадинах, возвращался обратно. Я не красна девица, и мне стало немного неловко от его взгляда — словно меня разложили под микроскопом и рассматривают каждую клеточку.

— Да что-то есть, — задумчиво пробурчал он сам для себя, постукивая пальцами по столешнице в каком-то своём ритме.

Меня уже напрягала эта ситуация.

— Послушайте, Яков Петрович, — взмолился я, стараясь говорить ровно, хотя внутри всё кипело от раздражения. — Что здесь у вас происходит? Я не мисс Вселенная, чтобы меня разглядывать через увеличительное стекло.

Он, видимо, понял про этих мисс, поскольку на мгновение в его глазах мелькнуло что-то вроде усмешки, тут же погасшей.

— Всё шутите, Виталий Алексеевич? — улыбнулся он, но тут же стал серьёзным, и его голос прозвучал жёстче. — А вы готовы принять небольшой удар?

Я наигранно поморщился.

— Даже большой готов принять, — ответил я, намекая на побитое лицо и невольно дотрагиваясь до распухшего носа.

Майор рассмеялся — коротко, отрывисто, без веселья.

— Про эти удары мы как-нибудь в другой раз поговорим. Я про то — он сделал паузу, словно взвешивая слова, — готовы ли вы о себе кое-что узнать, так скажем, выходящее за рамки понимания?

Я уставился на него как голодный на кусок рыбы.

— Я каким-то чудом попал в прошлое, где сначала бегал от милиции, потом мне расквасили рожу на Лубянке, а теперь я сижу за одним столом с одним из офицеров этой самой Лубянки. Что ещё должно произойти, что выходит за рамки моего понимания?

На сей раз Петрович не улыбнулся. Он продолжал сверлить меня колючим взглядом.

— Вы всегда такой — он замялся, подбирая слово, — легкомысленный? — наконец нашёл он. — Я говорю вам сейчас о серьёзных вещах.

— Куда уж серьёзнее путешествия во времени, — недовольно буркнул я, и мой голос прозвучал чуть громче, чем я планировал.

Он ещё пару минут молча смотрел на меня. Потом резко подтолкнул лист бумаги через стол ко мне. Тот самый, что читал небезызвестный тип Гаврила.

— Ну и что это? — хмыкнул я. — Нашли способ вернуть меня домой?

— Читайте, — уже строго, с нажимом сказал майор, и в его голосе прозвучала сталь, не допускающая возражений.

Я чего-то там пробухтел и подвинул лист ближе. Документ. Справа сверху гриф. «Совершенно секретно». Буквы отпечатались чётко, чёрными чернилами на желтоватой бумаге. Я сначала с любопытством, а потом с нарастающим ужасом осваивал информацию из этого документа — каждая строчка будто ударяла по нервам, а мир вокруг начинал медленно раскачиваться, теряя чёткие очертания.

Я осторожно положил документ на стол.— Это невозможно, — прохрипел я, ибо мой голос вдруг решил сбежать куда глаза глядят. — Это ваши лубяньские шутки?

Петрович, продолжая барабанить пальцами (что однозначно действовало мне на нервы), с минуту молчал. Потом придвинулся ближе, почти развалившись на столе.— Почему вы решили, что это невозможно? — с нажимом спросил он.

Я глазел на него и реально не понимал — играет он, шутит или проверка такая?

— Просто невозможно, — ответил я, ибо ничего вразумительного мне в голову не приходило. Но внутренний голос шептал: «Там же всё написано. Это правда».

Рожа майора скривилась. Видимо, он не мог догнать, почему я так туп в этот момент. — Виталий Алексеевич, — он указал на меня пальцем с таким выражением лица, будто хотел спросить, не я ли последний в очереди. — когда родился ваш дедушка?

Ребята, хоть убейте, но, к моему стыду, я не помнил год рождения своего дедули. Мозг, обычно быстрый и сообразительный, сейчас напоминал старый компьютер, который завис на загрузке. Я зажмурил глаза, пытаюсь хоть за что-то мысленно ухватиться, за любую деталь, которая могла бы подсказать год, но всё насмарку. Пустота.— Не помню, — пробормотал я, чувствуя, как краснеют уши.

Петрович сильно удивился. Сейчас он напоминал мне учителя, спросившего ученика, сколько будет дважды два, а тот, отучившись год, не знает ответа.

— Дату. Дату помните? День, месяц?

Что-то колыхнуло в моей памяти. Я ещё совсем мелкий. Ещё живы родители. Мы в гостях у деда. Праздник. 23 февраля. Вот батя мой смеётся: «Повезло отцу — два праздника в один день!»

— В феврале, — выдал я. — Двадцать третьего.

Петрович кивнул головой, и на его лице промелькнуло что-то похожее на удовлетворение — будто он только что собрал последний кусочек пазла.

— Именно. 23 февраля 1948 года. Родился ваш дедушка. Как его звали? Я провёл рукой по своему носу.

— Анатолий.

Майор улыбнулся.

— Анатолий Васильевич. Всё так?

Я ответил, что так.

— Ну вот. Всё же сходится, — довольно сказал майор.

— Что сходится? — я уставился на Петровича, чувствуя, как в груди что-то неприятно ёкнуло. — В документе написано, что 23 февраля родился Анатолий Васильевич Маминов. У моего деда была другая фамилия

Петрович смотрел на меня и улыбался. Сейчас он был похож на стоматолога-хирурга, который говорит пациенту в кресле: «Обезболивающего нет, поэтому будем рвать живую». Мне стало плохо.

— У вашего дедушки была сестра, так? — мне как будто вырвали первый зуб. Я поморщился.

— Да, была. И что?

Петрович собрался выдирать второй.

— Как её фамилия?

И тут, походу, я запаниковал. Потому что минут пять я не помнил ничего. Вокруг почему-то потемнело, в голове зазвенело, а в ушах застучало так, будто там запустили метроном на полную мощность. Я знал фамилию сестры дедушки. Мамина. Я помнил её всегда, но сейчас она будто растворилась в тумане, а потом, внезапно, всплыла — резко, как всплывает утопленник в реке.

Когда в глазах рассвело, я увидел, что мой друг с Лубянки кивает головой. Его улыбка стала шире.

— Вспомнили, Виталий Алексеевич? Мамина, так же?

Я лишь кивнул, но тут же ответил, прочищая горло и пытаясь вернуть голосу твёрдость:

— Это ещё ничего не доказывает. Это может быть однофамильцы просто.

— Родилась 7 июля 1950 года, — продолжал Петрович, и в его голосе прозвучала та самая уверенность, от которой у меня по спине пробежал холодок.

Я застонал и невольно сжал кулаки, чувствуя, как ногти впиваются в ладони.

— И вы считаете

— Мы не считаем. Мы уверены. Вы праправнук, — отрезал он, и это прозвучало как приговор.

Я кое-как взял себя в руки и пустился в последнюю обречённую атаку.

— Но всё же в документе, повторюсь, стоит фамилия Мамина. Каким образом у дедушки потом появилась другая фамилия?

Майор лишь махнул рукой, будто отмахивался от назойливой мухи.

— Ну, здесь мы можем только предположить, — он подергал себя за ухо, взгляд его стал отстранённым, словно он вспоминал давнюю историю. — Ваша прабабушка — Мамина, мать вашего дедушки. Она дала ему (по вполне понятным причинам) свою фамилию. А однажды рассказала ему правду о его настоящем отце. Ваш дедушка решил восстановить, скажем так, историческую и родовую справедливость и поменял фамилию на фамилию отца. Вот и всё.

— Санта-Барбара какая-то, — пробурчал я.

Майор не понял и переспросил, что я имею в виду. Я лишь пожал плечами.

— Но а кто отец моего деда? — у меня опять всё смешалось в голове, мысли путались, будто кто-то встряхнул коробку с пазлом.

— А какое у него отчество? — уже спокойным, тихим голосом спросил Петрович, и в его голосе прозвучала та самая интонация, с которой учитель подсказывает ученику ответ.

— Васильевич, — ответил я. — Но ведь не — я вдруг догадался, и моё сердце пропустило удар.

Майор это понял по моему лицу — оно, наверное, вытянулось так, что могло бы соперничать с физиономией клоуна из цирка.

— Именно, — сказал он. — Отец вашего дедушки — Василий Иосифович. Ваш прадед. Ну и, соответственно, вы его правнук.

— А-а-а... Прапрадед, — я таранился то на документ, то на моего собеседника, чувствуя, как земля уходит из-под ног.

— А ваш прапрадед — товарищ Сталин, — произнёс Петрович ровным, бесстрастным голосом, будто сообщал прогноз погоды.

## Шутки майора Петровича

Мы молча сидели, каждый погружённый в свои мысли. Не знаю, как себя чувствовал мой друг с Лубянки, а я, наверное, был похож на таксу, которой сообщили, что она дог. В голове крутилось: «Правнук Сталина Правнук Сталина» — будто кто-то завёл пластинку и забыл выключить.

— И что теперь? — промямлил я.

Петрович оторвался от своих парящих мыслей и посмотрел на меня так, как будто я просунул голову в его кабинет со словами «я только спросить».

— Да в каком-то смысле ничего не поменялось, — медленно, взвешивая каждое слово, ответил он. — Нет, конечно, поменялось, но не столь критично, как могло быть. То, что вы родственник товарища Сталина, знает восемь человек. Но все они — как стало быть и я — под строжайшей подпиской. Ну, кроме двух. Для всех остальных вы — или ценный специалист, или шут гороховый. Никто даже не знает, что вы из будущего. Это засекречено.

— В каком это смысле — шут гороховый? — насутился я, чувствуя, как внутри закипает раздражение.

Петрович ухмыльнулся, откинулся на спинку стула и сцепил пальцы в замок. Его глаза блеснули — то ли от удовольствия, то ли от предвкушения.

— Когда мы собирали о вас сведения — с того времени, как вы засветились в нашем времени, — то пришли к выводу, что вы легкомысленный человек с избыточным чувством юмора. Вам даже псевдоним дали.

Я недоверчиво посмотрел на него, ожидая подвоха. В груди зашевелилось неприятное ощущение: будто меня разложили на части и изучают под микроскопом.

— Интересно. И какой же?

Он осмотрел мою физиономию, задержал взгляд на распухшем носу, потом на ссадинах на скуле. И показал свои зубы в улыбке.

— Скоморох, — ответил он.

Мне не совсем понравился мой псевдоним. В ушах зазвучали детские дразнилки: «Скоморох, скоморох, на тебе висит горох»

— Очень смешно, — пробубнил я, обидевшись. — Обхохочешься прямо.

Майор в знак примирения поднял руки, но не выдержал и расхохотался.

— Смейтесь, смейтесь, товарищ майор, — подразнил я его. — Но помните — хорошо смеётся тот, кто смеётся последним.

— Вы надеетесь на смех в последнем ряду? — парировал тот и показал ряд своих зубов в широкой улыбке.

— Ладно, — пробурчал я. — Допустим, я праправнук Сталина

— Никаких «допустим», — поправил мой друг, резко выпрямившись и подавшись вперёд.

Я набрал воздуха, чувствуя, как в груди нарастает раздражение от его самодовольной рожи.

— Я родственник вождя, — продолжил я, внимательно наблюдая за физиономией собеседника. — Что вы теперь намерены делать в отношении столь значимой фигуры?

«Выкусил», — с удовольствием подумал я, ожидая, как поменяется выражение на его морде. Но разочаровался. Оно не то чтобы изменилось, оно ещё более стало хитрее и насмешливее.

— Что я вам могу сказать, товарищ Сталин, — пафосно, явно чтобы задеть меня, заговорил он, встав из-за стола и медленно обойдя его кругом. — Вы теперь под круглосуточным

колпаком. Вас будут охранять неустанно, и жить вы будете здесь. Как вам понравилась комната последней ночёвки? Сойдёт вам для постоянного места пребывания?

— Яков Петрович, — я чуть не взвыл. Мне отчего-то не нравилось, что он меня переигрывает на моём поле — поле подколов. — Давайте серьёзно.

Он аж потёр руки от удовольствия, что достал меня.

— Ну давайте серьёзно, Виталий Алексеевич, — его тон сменился на официальный, а поза стала строгой: он снова сел за стол, выпрямился и сложил руки перед собой. — Как я обмолвился ранее, никто не будет знать, что вы — Сталин. Это исключено. Мне и так пришлось рискнуть всем, чтобы иметь удовольствие вас сейчас лицезреть здесь, — он сделал акцент на последних словах, и я напрягся от этого признания, машинально отметив его в памяти.

— Поэтому сейчас там, — он поднял палец вверх, — решается, в какой роли вы можете своей родине. Мы изложили, снова рискуя всем, своё предложение на бумаге и отправили по инстанции. Ответ, скорее всего, будет положительный. Но это не точно.

— Какие соображения? — я напрягся, невольно подавшись вперёд.

Нет, правда, с этим человеком нельзя разговаривать серьёзно. Он то говорит официальные вещи, то несёт что-то, что голову сломишь. И ты сидишь и не понимаешь, где правда, а где он тебя просто разыгрывает.

— Да всё те же, о которых мы с вами беседовали раньше, — ответил он. — Полимеры, станки, производство. Меня прямо зацепила эта тема.

Я выдохнул, чувствуя, как воздух с хрипом выходит из лёгких.

— Вы сказали, что рискнули всем. Что это значит?

Петрович впервые посмотрел на меня не то чтобы серьёзно, а как обычный человек смотрит на обычного человека — без привычной маски холодности, почти по-дружески. В его глазах мелькнуло что-то, чего я раньше не видел: усталость или, может, даже уязвимость.

— Понимаете, Виталий Алексеевич, — сказал он, — когда вы впервые появились в нашем поле зрения, с такой фамилией, я счёл своим долгом всё о вас узнать

— Всё обо мне? — я усмехнулся. — Вы, стало быть, позабыли, что я из будущего?

Его лицо не изменилось. Оно было таким же строгим и профессиональным.

— Но ведь следы отсюда ведут в будущее. Если есть зацепка и оперативные наработки, то можно многое раскопать. В общем, я сверился с тем, что наработали наши сотрудники, поднял некоторые документы, сопоставил два плюс два и пришёл к однозначному выводу. Пока я работал в этом направлении, мой подробный рапорт с предложениями ушёл по двум инстанциям. К моему самому высокому начальству и ещё выше.

Он достал папироску, разжег, затянулся.

— Так получилось, что с моим рапортом сначала ознакомились первые. Вернули с чётким приказом — у меня забрали ваше дело, вклеили выговор. Ну а вы познакомились с майором Грызунковым. Кстати, какое он на вас произвёл впечатление? — и он снова усмехнулся.

— Мы положительно подружились, — ответил я, демонстративно трогая свой опухший нос. — Его дружба была яркой, сильной. Я буду по нему тосковать.

Петрович сделал вид, что удивился, и пообещал перенаправлять мои слезливые письма в Забайкалье.

— Ситуация вышла из-под моего контроля, — наконец продолжил он. — Если бы там узнали, что здесь, в этих стенах, сгинул — от этого слова я покрылся гусиной кожей — родственник, то всем бы пришлось плохо. В первую очередь моему начальству, Грызункову и мне. Я оказался между молотом и наковальней.

Он помолчал, видимо вспоминая свою непростую судьбинку в тот момент. Его аж передёрнуло, и на секунду маска профессионала дала трещину — я увидел перед собой просто уставшего человека, загнанного в угол.

— И нашёл только один выход, — произнёс он каким-то трагическим тоном. Наверное таким актер со сцены вещает "И ты, Брут?"

Он сделал такую длинную паузу, что я подумал, не уснул ли он с открытыми глазами под своё монотонное тарактенье.

— Я позвонил товарищу Сталину! — добил он меня.

Я прямо не знал, что сказать. Сидел как гротескная статуя и просто тарасился на майора, чувствуя, как мир вокруг медленно теряет чёткость. В голове крутилась одна мысль: «Он позвонил Сталину. Он. Позвонил. Сталину».

— Он знает? — наконец я обрёл способность говорить.

— А, сам он? Уже знает, конечно, — майор улыбнулся, но улыбка вышла какой-то отстранённой, будто он уже был мыслями где-то далеко. — Интересно, если бы ко мне завтра пришли и сказали: «Мол, так и так, Яков Петрович, к вам тут внук в пятом поколении из будущего», — что бы я почувствовал? — он мечтательно задумался.

— Давайте о ваших внуках позже, — мне было дико интересно, что там дальше. — Тут пока чужой внук сидит с разбитой рожой.

— В общем, я позвонил Василию Иосифовичу и доложил ему, что его родственнику угрожает опасность. Меня пригласили. Через десять минут я был у него, через полчаса он начал действовать. Но наша машина иногда работает с пробуксовками. Приказ пришёл только утром. До этого времени вам посчастливилось тут переночевать.

— То есть Василий Сталин в курсе, что я его правнук?

Майор лишь кивнул головой.

Я сидел и молча переваривал эту информацию. Не каждый день ты узнаёшь, что родня Сталиных, и что они об этом осведомлены. В висках стучало, а ладони стали влажными. Я пытался осознать масштаб происходящего.

— И как он отреагировал? И вообще, вы что, вот так просто к нему пришли и сказали: «Мол, так и так»? — у меня вдруг закралось подозрение. — Погодите-ка. А почему Василий Сталин не дал моему деду свою фамилию?

— Вы это хотите знать? — А то, — я закрутился на стуле, чувствуя, как внутри закипает смесь любопытства и раздражения. — Это ж мои родственнички, не ваши.

Петрович закатил глаза и ответил: — Ну как это бывает. Встретились молодые люди и

— Я знаю, как это бывает, — перебил я. — Я имею в виду, почему мой пра-какой-то там дед не дал свою фамилию моей пра-какой-то там бабке. И всё. И почему мой дед ничего об этом не говорил, а?

— Ну, наверное, потому что это была мимолётная связь, так сказать. Василий Иосифович состоит в официальном браке и

Я вылупился на майора. — Вы хотите сказать, что мой дед незаконнорождённый?

— Ну почему? Он родился в роддоме, получил фамилию. Какой же он незаконнорождённый?

— Не-не. Я имел в виду другое, — я лихорадочно подбирал слова, чувствуя, как жар приливает к лицу. — То есть мой дед родился, а Василий не признал его за своего сына?

Я сидел красный от гнева, пытаюсь разобраться в амурных делишках своих древних родственничков.

— Он не знал, — коротко ответил майор. — А ваша прабабушка ему об этом не сообщала. Пока не сообщала.

Я опешил. Ну и нравы у них тут в 50е

— Так, — протянул я, думая, что ухватил собеседника за горло. — Давайте разберёмся. Василий не знал, что у него родился сын на стороне, моя прабабка не стала ему об этом сообщать — уж непонятно по каким причинам. Но не ясно другое — выто как узнали? Свечку держали?

Яков Петрович посмотрел на меня взглядом, с каким человек смотрит на надоевшую муху.

— Нам положено знать, — отчеканил он.

И тут я присел. В смысле, я и сидел. Я имею в виду — мысленно.

— Вы вы что, следите за?.. — я не договорил.

Майор лишь пожал плечами.— Работа у нас такая, — сухо сказал он.

— Ну у вас и конторка, — только и нашёл что высказать я ему.

Яков Петрович снова посмотрел на меня строго.

— Оставим дела конторы в стороне, — немного обидчивым тоном произнёс он. — Чего вы тут раздухарились?

Я начал успокаиваться. Действительно, чего я тут переполошился. Какое мне, собственно, дело до отношений предков?

— Извините, — я постарался, чтобы тон вышел как можно более миролюбивым. — Вы правы, Яков Петрович. Это не моё дело. Есть прадед, есть прабабка. Пусть сами разбираются. Два вопроса только.

Майор вопросительно смотрел на меня, слегка прищурившись.

— Первый — теперь-то получается, мой прадед знает? — Майор утвердительно кивнул. — Второй — что мне-то сейчас делать?

Петрович положил руки на стол и с видом профессора, читающего для студентов лекцию, начал:

— Через неделю состоится комиссия по моим предложениям по проекту производства полимеров. Я, кстати, рад, что этот проект заинтересовал высшее руководство страны. Ну а вы эту неделю свободны. Поедете на уже знакомую вам квартиру, будете отдыхать, наслаждаться жизнью

— Ага, — буркнул я. — В четырёх стенах без права вылазки, ибо без документов.

Майор усмехнулся, полез в стол. Достал оттуда документ. "СССР" мелькнуло на обложке. «Паспорт», — догадался я.

— Ну почему же, — с какой-то таинственностью, которая мне не пришлась по душе, произнёс он. — Ваш документ готов и

В дверь постучали, потом сразу же вошли. Я обернулся. Усагий. Он, увидев меня, чуть подтянулся, расправил плечи и провёл рукой по усам, будто приводя себя в порядок.

— Яков Петрович, зайдите ко мне. Срочно, — и вышел.

Петрович поднялся из-за стола, держа паспорт в руках.

— Это мой новый документ? — уточнил я. — А где мой настоящий паспорт?

— В надёжном месте, — ответил тот, обходя стол. — Вот это сейчас ваш настоящий паспорт.

Я уже протянул руку, чтобы взять его, но Петрович слегка отвёл свою.

— Главное, помните, о чём я вам говорил — никто не должен знать, что вы Сталин.

Я закивал, лишь бы быстрее отвязаться от него.

— В этом паспорте другая фамилия, — он ухмыльнулся. — Она вам должна понравиться.

Я с подозрением посмотрел на его морду. Что-то он задумал.

— Интересно, какая, — пробурчал я, чувствуя, что он может что-нибудь отчебучить. — Полимерчук? Или просто Попаданец?

Он ещё шире оскалился, отдавая мне паспорт, и зашагал к двери. Мне совсем не нравилась эта его широкая улыбка — слишком уж она была самодовольной.

Чувствуя подвох, я поспешил раскрыть паспорт.

— Это что такое?! — заорал я, не веря своим глазам. — Что за шутки такие дурацкие?!

Он уже закрывал за собой дверь, но засунул голову обратно.

— Не вы один тут великий шутник, Виталий Алексеевич, — сказал он и, расхохотавшись, закрыл за собой дверь.

Я в бешенстве смотрел на закрытую дверь и пытался придумать как мне отомстить этому приколисту майору.

Паспорт был выдан на имя: Виталий Алексеевич Скоморох.

## Научное обоснование распухшего носа

Петрович заявился примерно через полчаса. Возник он триумфально, прошёл через кабинет словно Юлий Цезарь по улицам Рима, чуть ли не с лавровым венком на голове. Плюхнулся на своё место со счастливой рожей на лице, даже напевал что-то под нос.

Я недовольно покосился на него, сегодня, видимо, все получают какие-то плюшки и только я непонятки и подколы. Но, вспомнив крысеныша Гаврилу, я немного воспрял духом. В конце концов, не я один сегодня в пролёте. Не я один сегодня вне милости у судьбы.

— Что, квартальную премию выписали и путёвку в Сибирь? — попытался я сбить спесь с морды Петровича.

— Нет, — ответил тот и покосился на меня, подмигнув. — разрешение на отстрел скорморохов.

— Пуль не хватит, — пробубнил я.

— А мне много и не надо, — он нарочито важно положил на стол какую-то бумажку, на мгновение задержав её в пальцах, словно предлагая мне броситься разглядывать, — для душевного равновесия хватит и одного за неделю.

Я хмыкнул. С Петровичем реально не соскучишься.

— Ну и что же, товарищ майор, — начал я и осёкся, увидев его поднятый перст в потолок. Сейчас Петрович походил на священника, обирающего за свою липовую проповедь деньги с прихожан и уверяющего, что он делает это только ради бога.

— Не майор, — торжественно произнёс он. — Подполковник!

— Хрена себе, — удивился я. — И за какие такие заслуги? Родину спасли или в майорах второй десяток лет?

— Да нет, — Петрович откинулся на спинку стула и театрально вздохнул, — спас от хулиганов одного бездомного типа. Кстати, вы, Виталий Алексеевич, так и не извинились передо мной.

Я непонимающе уставился на него, лихорадочно вспоминая, где и когда успел его задеть.

— Очень любопытно узнать, это за что же? За мой нос?

Он ухмыльнулся с радостью, ещё раз внимательно осмотрел мою распухшую носяру и цокнул языком:

— За неподобающие слова утром в коридоре, — пояснил он.

— А это — меня кольнуло чувство вины. — Я тогда, понимаете ли, был в состоянии когнитивного диссонанса... - я увидел как вытянулось его лицо и продолжил. - Это состояние наступаем тогда, когда лучи солнца не поступают в дифференциальном объеме во внутреннюю ауру, а фотоны вселенной смешиваются с протонами человека, увеличиваются в квадратном корне от ультразвука и внезапно опухающего носа, отчего в организме вырабатывается гормон под названием озлобин.

Петрович сидел с раскрытым ртом и смотрел на меня обеспокоенным взглядом. Он даже слегка подался вперед, будто пытаясь уловить признаки помешательства.

Я выдержал паузу и хитро подмигнул. Петрович всё понял, облегчённо выдохнул и провёл рукой по лбу:

— Всё шутите? Ну-ну. При этом так убедительно, что я почти поверил. Ещё пара таких лекций — и я начну записывать.

— Но так или иначе, — я демонстративно уронил голову на грудь, — прошу простить меня и не казнить.

Он поморщился от недовольства, но промолчал.

— Теперь, когда все претензии, нравоучения и прочие бытовые детали высказаны друг другу, я могу покинуть ваше гостеприимное заведение? — я с надеждой протянул руки к выходу.

Петрович кашлянул, неторопливо встал, расправил плечи — будто примеряя новое звание — и подошёл ко мне.

— Безусловно, — ответил он с улыбкой. — Более того, скажу прямо: если задержитесь тут более чем когда мои глаза устанут от вас, посажу на сутки в самую худшую камеру. Там только одна достопримечательность —дохлая крыса.

Я вздрогнул от ужаса, ибо с детства ненавидел и боялся крыс. Я ему об этом поведал и попросил, если дела пойдут скверно и его глаза не смогут выдержать обаяния моего лица, то пусть выберет мне камеру без крысы. И пауков.

Он едва сдержал улыбку, покачал головой:

— Обещать не буду, но подберу вариант получше.

Он протянул мне блокнот.

— Здесь мой номер телефона. Так, на всякий случай.

— Итак, я свободен? — уточнил я, вставая и забирая блокнот. — Могу идти куда хочу?

— Свободны, — Петрович сделал паузу, внимательно глядя на меня, и нахмурился. —

Но куда хотите не сможете.

Я замер предчувствуя недоброе.

— Я сейчас отдам распоряжение — вас отвезут на квартиру. Анна Степановна уже поставлена в курс дела. И вот ещё что, Виталий Алексеевич. С вами всегда будет конвоир. Один из наших людей.

— Погодите, — запротестовал я. — Вы ещё хотите сказать, что он будет жить со мной в одной квартире и сопровождать в туалет?

— Помилуйте, — лицо Петровича выразило весь ужас от этой картины, и он даже вздрогнул представив этот кошмар. — Я боюсь за душевное равновесие нашего человека. Нет. Он будет находиться снаружи и сопровождать вас только по городу. Если вы, конечно, решите прогуляться по столице.

— А это необходимо? — Что-то я начал волноваться с таких предосторожностей.

— Знаете ли, — ответил мой друг, выпрямившись и глядя мне прямо в глаза. — Я только что получил подполковника и не хочу его терять из-за пропажи родственника товарища Сталина. Поэтому — он не договорил, взял меня под локоть и повёл к выходу.

Мы вышли из кабинета рука об руку. Со стороны мы, видимо, смотрелись как два закадычных друга, держащие путь из бара, изрядно приняв на грудь.

Когда спустились на первый этаж, Петровича отвлекли от моей персоны. Он начал что-то объяснять с напором ширококорожему персонажу в давно просившемся постираться мундире. Тот кивал, поправлял фуражку и поглядывал на меня с нескрываемым любопытством.

Я огляделся. Стены были выкрашены в тускло-зелёный цвет, на них висели плакаты: «Бдительность — наше оружие!» и портрет товарища в строгом костюме, смотрящий куда-то поверх голов.

Тут я увидел своих старых друзей — громил. Они стояли у стены, переминаясь с ноги на ногу, и о чём-то переговаривались. Походкой преувеличенно осторожной, будто улизнувший с допроса, я направился в их сторону. Они заметили меня — и их лица выразили такое же замешательство, как у детей, которым сказали, что Деда Мороза не существует. Брови поползли вверх, рты приоткрылись, а глаза расширились так, будто я только что прошел сквозь стену.

Ребята застыли, когда я подкрался к ним, стараясь сохранить максимально серьёзное выражение лица.

— Привет, — прошептал я, прикладывая палец к губам. — Мужики, а где у вас тут выход? Только тссс Никому ни слова!

Один из громил уже протягивал руку, наверное, в сторону выхода, показывая направление. Он даже успел открыть рот, чтобы что-то сказать, но второй ошарашенно задал вопрос:

— А вы чего тут делаете? Кто вас отпустил?

— Тише, — зашипел я, театрально озираясь по сторонам и пригибаясь ещё ниже. — Я сам себя отпустил, ибо задержался я тут у вас, товарищи. А дома у меня, между прочим, попугай, которого кормить надо. Он, бедный, уже, наверное, голодный и орёт на всю квартиру: «Свободу попугаям!»

Уже и второй медленно сообразил, что к чему.. Он резко схватил меня за пальто.

— А ну стоять! — прорычал он.

— Все дурачитесь? — раздался за моей спиной надоевший за сегодня мне голос. Яков Петрович стоял в двух шагах, скрестив руки на груди, и смотрел на нас с выражением усталого раздражения, будто поймал шкодливых мальчишек за кражей яблок в чужом саду. — Мне вот интересно — в будущем все такие, как вы? Или есть нормальные люди?

Громилы мгновенно вытянулись по стойке смирно, рука, державшая меня за пальто, убралась прочь так резко, будто обожглась. Я обернулся на голос.

— Нет, — грустно ответил я, опустив плечи для пушшего эффекта. — Я, Яков Петрович, один такой. Если бы все были как я — я сделал паузу, мечтательно закатив глаза, — какая же хорошая бы жизнь стала. Только представьте: все шутят, добряки, никаких тебе бед, разных контор, в которых тебе прикладываются по носу

Он снова взял меня за локоть в молчаливом «ну-ну, не заливай».

— Этот товарищ — очень ценный наш специалист, — он всё же потрудился объяснить громилам за мою персону, слегка подчёркивая каждое слово, будто вбивал гвозди. — Был доставлен сюда по недоразумению.

Громилы синхронно кивнули головами, словно заводные куклы. Один из них прогудел так, что у меня заложило уши от его громового баса:

— Извините, товарищ. И у нас бывают ошибки.

Я гордо выпрямился перед ними, расправил плечи и, стараясь говорить как можно солиднее, тоном наставника церковноприходской школы произнёс:

— А бить людей по морде во время допроса нельзя, — я выдержал паузу и добавил с назидательной интонацией. — Не каждое лицо имеет страховку! Ясно?

— Так точно! — отозвались ребята почти хором, и в их глазах мелькнуло что-то вроде уважения.

«В общем-то, они не плохие, — решил я, незаметно бросая взгляд на их крупные фигуры. — Просто начальство у них было не очень».

— Так, — нарочито сурово произнёс мой друг, уже подполковник, нахмутив брови и стараясь выглядеть грозно. Но уголок его рта чуть дрогнул, выдавая скрытую улыбку. — Вы меньше суток у нас, а уже пытаетесь сломать систему. Недопустимо! — и он слегка подтолкнул меня к выходу, не отпуская локоть.

По пути я успел подмигнуть громилам. Один из них едва заметно усмехнулся в ответ, а второй слегка кивнул — будто мы только что заключили негласный договор. Петрович, заметив это, тихо хмыкнул:

— Вижу, вы уже подружились.

Выйдя наружу, я наконец снова вздохнул свежего воздуха. И знаете — это был не тот свежий воздух современной Москвы. Трудно передать словами, но воздух прошлого был наслаждением. Особенно когда ты его вдыхаешь после Лубянки.

— Сейчас подъедет машина, — сказал Петрович, поглядывая на часы. — Сотрудники отвезут вас на квартиру. Отдыхайте и ждите известий.

Я повернулся к нему, вглядываясь в его лицо.

— Слушайте, я понимаю, что у вас коммунизм и что всё общее, — я понизил голос, но не смог сдержать нотку возмущения, — но мой смартфон и мой «Фольксваген» были куплены при капитализме. Попрошу их вернуть законному владельцу!

— Не орите так, — сейчас подполковник говорил уже действительно строго, даже слегка нахмурил брови. — А то и Василий Иосифович не поможет. Ваши вещи в лабораториях. Их изучают наши специалисты.

Он секунду помолчал, окинул меня взглядом, и добавил с кривой усмешкой:

— Потом вернут. Если что от этих вещей останется, — он хохотнул.

— Вот так вот, — произнёс я с наигранной горечью. — И езди в гости к предкам Обдерут как липку. Слушайте, а что насчёт тех парнишек? Я могу с ними как-нибудь встретиться?

— А зачем? — удивился Петрович, слегка приподняв бровь. — Есть какаято необходимость?

— Они мне тоже вроде как родственники, — промямлил я, чувствуя, как во мне просыпается странное чувство близости к этим ребятам. — Из одного же времени мы.

Служивый почесал затылок, задумчиво посмотрел вдаль, будто взвешивая все «за» и «против», и крякнул:

— Может быть. Как-нибудь устрою вам встречу.

В этот момент подъехала чёрная машина, словно из старого шпионского фильма. Из неё вышел человек в кожаной куртке, в руках он держал папку. Он вопросительно посмотрел на Петровича, слегка кивнув головой. Я сообразил, что этот тип и отвезёт меня на квартиру.

Но был ещё один вопрос, волновавший меня. Так как он был не для посторонних ушей, я отвёл Петровича чуть в сторону, подальше от машины и любопытных взглядов.

— Яков Петрович, скажите, пожалуйста, — я сделал шаг ближе, стараясь поймать его взгляд. — Вот вы выложили моему прадеду всё про меня. Он знает, кто я такой. Как он себя повёл?

— А вы не почувствовали его поведения, Виталий Алексеевич? Вы сейчас на свободе, так-то, — Петрович слегка приподнял бровь, будто удивляясь моей наивности, но глаза оставались серьёзными.

— Я не об этом э-э — я запнулся, подбирая слова, и посмотрел прямо в глаза Петровичу. — Он не изъявил желания меня увидеть?

Он не отвёл взгляда, выдержал паузу — долгую, многозначительную, — и медленно, словно нехотя, ответил:

— Этого я не могу сказать. Возможно, вас и пригласят к нему. А может и выше.

Я немного подумал о том, кто может быть «выше», и мне стало слегка не по себе.

— Езжайте, — отрезал подполковник, и в его голосе прозвучала сталь. — Машина вас ждёт. Привет передавайте Анне Степановне.

— Слушайте, — я с подозрением посмотрел на него, — а дворничиха часом к вам никакого отношения не имеет?

Он смерил меня взглядом превосходства, чуть склонил голову набок и хмыкнул в ответ:

— Ко мне — нет. Об остальном история молчит.

Петрович кивнул типу в кожаной куртке, пожал мне руку — крепко, по-дружески, но с намёком: «всё, разговор окончен» и тут же смылся.

Ничего не оставалось, как забраться на заднее сиденье и устроиться поудобнее. Автомобиль тронулся, унося меня подальше от этих стен. Я откинулся на спинку сиденья и глубоко вздохнул. Вопросы множились, а ответов пока не прибавлялось.

## Стучите в стенку

Чёрная машина, как из ночных кошмаров любителя ретро-шпионажа, доставила меня к дому, который я, признаться, не сразу узнал. Может, ракурс другой, может, воздух — не тот, что в подвалах Лубянки. Или просто я слишком устал, чтобы радоваться возвращению настолько, что даже мысль о тёплом душе казалась чем-то из области научной фантастики.

Сотрудник в кожаной куртке, выглядевший так, словно только что сошёл с афиши фильма про Джеймса Бонда (но без харизмы), молча проводил меня до двери, коротко кивнул и тут же исчез с такой скоростью, словно это был конец пятничного рабочего дня, он задерживался, а на телефоне уже истерили жена и тёща, которых нужно было везти на дачу. Причём желательно ещё вчера.

В квартире было всё по-прежнему. Только на столе свежая выпечка, от которой шёл такой аромат, что у меня заурчало в животе громче, чем двигатель той шпионской машины. На плите кастрюля, от которой пахло так аппетитно, что я забыл обо всём на свете. На столе записка. Я слегка насторожился, думая, что сейчас там будет написан свод инструкций на трёх страницах, который мне следовало соблюдать под страхом расстрела или, на худой конец, лишения пайка. Я прочёл и выдохнул с облегчением:

«Виталий Алексеевич, я буду заходить. Щи на плите, колбаса в холодильнике. Если что нужно — стучите в стенку, я услышу. Анна Степановна».

Я хмыкнул. «Стучите в стенку» — прямо инструкция для заключённого. Или для соседа, который задолжал за коммуналку. Но записка была написана аккуратным, почти каллиграфическим почерком, и в ней чувствовалась такая искренняя забота, что я невольно подумал: «Может, я зря подозреваю всех подряд? Хотя нет, лучше всё-таки подозревать». Это немного смягчило моё настроение.

Я набросился на щи.

Подкрепившись как следует, я разделся, прошёл в комнату, плюхнулся на диван — и только тут почувствовал, как меня начинает знобить. Сперва подумал, что от нервов, но через час стало ясно: это не нервы. Рожа горела, горло сушило так, будто я только что продекламировал «Войну и мир» без перерыва на воду.

«Ну вот, — подумал я, — только этого не хватало. Простудился где-то». Я вспомнил холодную камеру в подвале, где даже мыши, наверное, носили шарфы. «Или это стресс так на организм действует? А может, меня специально заразили — чтобы не рыпался?»

Фантазия тут же нарисовала картину: Петрович лично подсыпает мне в воду какой-нибудь вирус будущего, разработанный в секретной лаборатории, чтобы я три дня провалялся без сознания, а они тем временем изучают мой смартфон и «Фольксваген» на предмет инопланетных технологий. «Хотя, — мелькнуло в голове, — если бы у меня были инопланетные технологии, я бы уже давно телепортировался домой, а не лежал тут с температурой».

Я засмеялся, но смех получился хриплым и жалким. Видимо, болезнь брала своё.

Анна Степановна появилась утром — зашла так бесшумно, что я чуть не подпрыгнул от неожиданности. Увидев моё состояние, она что-то невразумительно пробурчала, положила свою руку мне на лоб (ладонь была тёплой и удивительно успокаивающей), внимательно осмотрела моё лицо и удалилась. Чуть позже снова появилась с подносом в руках. На подносе дымилась тарелка с супом, лежал ломоть хлеба, а рядом стояла кружка с чем-то ароматным.

— Это липовый чай, — пояснила она, ставя поднос на столик. — С мёдом и малиной. Очень помогает при простуде.

Я попытался сесть, но голова закружилась, и я снова упал на подушки с такой грацией, будто тренировался падать всю жизнь.

— Лежите, лежите, — замахала руками Анна Степановна. — Я сама вас покормлю, если надо.

— Спасибо, — просипел я, — я сам. Просто немного не в форме.

Она покачала головой, поправила одеяло и села рядом.

— Вы, Виталий Алексеевич, не переживайте. Всё будет хорошо. Я за вами присмотрю. У меня трое внуков переболели этой зимой, так я их на ноги поставила в два счёта.

«Трое внуков, — подумал я. — Интересно, сколько ей лет? На вид — лет сорок пять, но в этом времени люди выглядят старше. Или это я просто не привык? Может, у них тут пенсионный возраст наступает в 25, а к 40 уже седые бороды и мудрость древних философов?»

Я попробовал суп. Он был вкусным — наваристый, с кусочками моркови и картошки, и пах так, что все мои подозрения на секунду отступили. Видимо, Анна Степановна не просто заботилась, а ещё и умела готовить. Что в условиях моего положения было почти равносильно чуду.

— Очень вкусно, — сказал я искренне. — Спасибо вам.

Она улыбнулась, встала и поправила подушку.

— Отдыхайте. Я завтра ещё зайду. Если что — стучите в стенку.

И вышла, оставив после себя запах липового чая и ощущение, что мир не так уж плох. По крайней мере, пока есть люди, которые умеют варить щи.

Ночью меня трясло. Озноб накатывал волнами, то бросало в жар, то морозило так, что зубы стучали в ритме, который мог бы стать хитом в клубе любителей экстремального холода. Я ворочался, сбивал одеяло, потом снова натягивал его до подбородка. Мысли путались, перекакивали с одного на другое:

«Как вернуться домой? Что задумал Петрович? Почему прадед не хочет меня видеть? А вдруг он считает меня угрозой? А если меня оставят тут навсегда? Что тогда? Посадят под замок, чтобы не болтал лишнего? Хотя с такой соседкой, как Анна Степановна, и в тюрьме можно жить припеваючи. Главное — вовремя стучать в стенку. И чтобы щи не кончались».

Я закрыл глаза, пытаюсь успокоиться. Но сон не шёл. Только озноб, мысли и тишина за окном.

Проснулся я от запаха варенья. Анна Степановна снова была здесь — стояла у плиты и помешивала что-то в кастрюльке, напевая себе под нос какую-то старинную мелодию, которую, казалось, знали все, кроме меня.

— Доброе утро, — сказала она, не оборачиваясь. — Ну как вы?

— Живой, — прохрипел я. — Но не совсем. Скорее, наполовину. Как живой мертвец из скандинавских саг. Или как сотрудник офиса в понедельник утром.

Она не поняла, что я имел в виду, но для виду рассмеялась — вежливо, как будто я сказал что-то очень остроумное.

— Ну, значит, будем доводить до полного выздоровления. Я сейчас доктора вызову, пусть посмотрит.

— Не надо, — попытался возразить я. — Само пройдёт.

— Надо, — отрезала она. — Вы нам нужны здоровым. Так сказал Гладышев.

«Это что ещё за тип?» — подумал я.

— Кто это?

Она подмигнула.

— Подполковник. Ваш друг Яков Петрович. Вы что, забыли? Поэтому никаких «не надо». К тому же, если вы умрёте от простуды, это будет просто нелепо. .

И ушла звонить доктору, оставив меня в полном одиночестве.

Доктор пришёл через час. Немолодой мужчина с седыми усами, которые, казалось, хранили секреты всех пациентов, и внимательным взглядом, способным разглядеть даже скрытую паранойю. Послушал меня, постучал по груди, пощупал лоб и кивнул.

— Ничего страшного, — сказал он. — Обычная простуда, осложнённая стрессом. Вы, молодой человек, похоже, много пережили.

«Мягко сказано, — подумал я. — Я пережил встречу с милицией, военными, Лубянку, двух громил с крысенышем и перспективу жить под конвоем. Это как минимум три сезона сериала про шпионов, и я даже не главный герой».

— Вот вам порошки, — продолжил доктор, выписывая рецепт с таким видом, будто подписывал указ о спасении мира. — Три раза в день, после еды. И постельный режим. Поспите как следует, попейте чаю с малиной, и через пару дней будете как новенький.

— А если не буду? — не удержался я.

Доктор на секунду замер, потом отложил ручку и посмотрел на меня с таким выражением, будто я только что спросил, можно ли дышать без воздуха.

— Будете, — улыбнулся он. — Я ещё ни разу не ошибался. Последний раз я так говорил пациенту с аппендицитом и он выздоровел. Правда, потом выяснилось, что у него был просто гастрит, но это уже детали. Главное — он поверил в моё лечение, а вера, молодой человек, это половина успеха. Вторая половина — малиновое варенье.

Я невольно усмехнулся. Весёлый доктор. Интересно, что о нём думают его пациенты: то ли он гений, то ли просто неисправимый оптимист, который лечит улыбкой и байками, вперемежку с порошками.

Анна Степановна проводила его до двери, потом вернулась и поставила передо мной чашку с горячим напитком. Пахло мёдом, малиной и чем-то ещё — может, надеждой на выздоровление.

— Пейте, — приказала она. — И спите. А я пока варенье сварю. У меня тут малина осталась, самая полезная при простуде. Говорят, она даже от тифа помогает, но я не проверяла. Не хочу рисковать репутацией целительницы.

Я послушно выпил, лёг и закрыл глаза. В голове крутились мысли: «Машина. Подростки. Как сбежать домой?» Но усталость взяла своё, и я уснул, убаюканный запахом малины и мыслью, что, может, всё не так плохо, если рядом есть люди, которые варят варенье и верят в чудодейственную силу чая.

Ночью озноб вернулся. Я метался, то сбрасывал одеяло, то натягивал его на себя, словно играл в какую-то безумную игру «Жар-холод». Снился мне Петрович — он стоял на Лубянке и махал мне рукой, а рядом с ним был прадед. Они что-то обсуждали, но я не мог разобрать слов — будто кто-то выкрутил громкость на минимум. Потом прадед повернулся ко мне и сказал: «Ты должен остаться. Так надо».

Я проснулся в поту, дрожа и задыхаясь. За окном было темно, в квартире тихо. Только где-то далеко слышался шум проезжающей машины.

«Остаться? — подумал я. — Нет, я не могу. У меня там жизнь, друзья, работа И будущее, которое я помню. Как я могу всё это бросить?»

Но ответа не было.

Проснулся я от солнечного луча, бившего прямо в глаза — нагло, бесцеремонно, будто солнце решило лично убедиться, что я наконец-то выздоравливаю. Пошевелился и понял, что озноба нет. Голова ясная, тело не ломит, даже голос звучит почти нормально, разве что чуть хриловато, как у ветерана рок-концертов.

«Выздоровливаю, — подумал я с облегчением. — Видимо, малиновое варенье Анны Степановны — это секретное оружие советской медицины. Или доктор всё-таки знал, что делал. А может, и то, и другое: магия варенья плюс докторский оптимизм дают стопроцентный эффект».

В дверях появилась Анна Степановна с тарелкой в руках. На тарелке дымилась каша, посыпанная малиновым вареньем — яркок-расная на бледно-жёлтом фоне, как флаг победы над простудой.

— О, смотрите-ка, живой! — улыбнулась она. — Как самочувствие?

— Лучше, — сказал я, садясь. — Кажется, я иду на поправку. Похоже, ваше варенье обладает магическими свойствами. Или это доктор такой талантливый, что лечит одним взглядом?

Анна Степановна рассмеялась — звук получился тёплым, как свежеспечённый хлеб.

— И то, и другое, — подмигнула она. — Каша с вареньем. Ешьте, набирайтесь сил.

Я взял ложку и принялся за еду. Каша была тёплой, сладкой, с кусочками малины. Варенье пахло летом, солнцем, домом. Я закрыл глаза на секунду, и мне показалось, что я снова там — в своём времени, за столом с друзьями, где нет никаких шпионов, подозрений и странных докторов с седыми усами.

«Дом, — подумал я. — Как же я хочу вернуться. Но как?»

— Анна Степановна, — спросил я, доедая кашу, — а вы никогда не хотели попасть в будущее?

Она замерла, потом села напротив. В её глазах мелькнуло что-то далёкое, почти забытое.

— Хотела, — призналась она. — Когда была молодой. Мечтала увидеть, что будет через сто лет. Но потом поняла: будущее — оно здесь, — она коснулась груди. — В детях, внуках, в том, что мы оставляем после себя. А не в машинах времени или космических кораблях.

Я кивнул. — Да, вы правы, наверное.

Она улыбнулась. — Сегодня к вам зайдёт доктор проверить ваше состояние. Подкрепляйтесь.

Она тихо упорхнула на кухню, оставив меня наедине с остатками каши и мыслями. Я навалился на них с энтузиазмом выздоравливающего человека.

Доктор действительно зашёл. Осмотрел меня внимательно, что-то бормоча себе под нос — то ли диагноз ставил, то ли стихи сочинял.

— Ну-с, молодой человек, — нараспев сказал он, — я вас искренне поздравляю. Болезнь отступила. Но денёк-другой — никакой физической нагрузки. Так-с. Гуляем на воздухе по часу два раза в день, не переохлаждаемся, но и не потеем. Одежду подбираем по погоде.

Он лукаво поглядел на мой едва заживший нос.

— Позвольте полюбопытствовать, — со смешком спросил доктор, — ваш нос в теперешнем состоянии — это следствие вашей сильной привязанности?

— К чему? — я с подозрением посмотрел на этого весельчака.

— Ну, скажем так, к одному веществу, которое характеризуется свойственным запахом, жидким состоянием и способностью привести человека в неподобающее состояние?

Я вылупился на доктора и только промычал в ответ: — Я не пью

— Конечно, конечно. Все мы не пьём, — он подмигнул мне и ушёл восвояси, оставив меня лежать с мыслями, что он принял меня за человека, любящего поддавать. «Или, — мелькнуло в голове, — это какой-то тест на стрессоустойчивость? Проверяет, не сошёл ли я с ума окончательно?»

Я вздохнул, откинулся на подушки и уставился в потолок. Выздоровливать, оказывается, тоже непросто — особенно когда вокруг столько загадочных людей и ещё более загадочных намёков. Но, по крайней мере, теперь я точно знал: если что, Анна Степановна накормит, а доктор поднимет настроение. Осталось только придумать, как вернуться домой.

## В поисках невидимого стража

Следующие два дня я следовал совету эскулапа. Я дважды в день выходил на улицу и торчал там примерно по часу, старательно изображая человека, который гуляет с пользой для здоровья, а не просто топчется на месте, как заведённый. Далеко от парадной я не отходил — по причине погоды. Она была такой, что непонятно: то ли тепло, то ли прохладно. Подобрать одежду под такую погоду из одного комплекта этой самой одежды было невыполнимой миссией. Поэтому я ходил взад-вперёд около дома, дыша свежим воздухом.

Там я и познакомился с соседским мужичком. Он тачал сапоги — то есть был сапожником. Звали его Арсений. Сидел он у своего верстака под навесом, постукивал молоточком, напевал что-то себе под нос и время от времени смачно отхлёбывал из жестяной кружки — то ли чай, то ли что покрепче. Вообще он был немного туповат, но весьма разговорчив. Из тех людей, кто рад любому слушателю, даже если тот молчит и кивает в ответ.

Из наших разговоров я узнал многое о Москве 50х и вообще о новостях: где открылся новый магазин, кто из соседей женился, а кто переехал, какие фильмы идут в кинотеатре «Ударник». Он, видя, что я ни бум-бум в этом, искренне удивился такому повороту событий. Пришлось рассказать ему, что я в Москве недавно, приехал из глухой уральской деревушки, где ещё слыхом не слыхивали о такой заурядной вещи, как колесо. Арсений так и замер с молотком в руке, уставившись на меня круглыми глазами.

— Как колесо? — переспросил он, не веря. — Совсем?

Пришлось рассказать ему байку, как я годы спустя вернулся в эту деревню на автомобиле, и жители приняли меня за бога. Арсений долго хохотал, выставляя напоказ все свои роскошные жёлтые зубы, и хлопал себя по колену так, что молоток подпрыгивал на верстаке.

— Ну ты даёшь! — выдохнул он наконец. — Прямо как в кино! А кто ты по профессии?

Тут я врать не стал и сказал, что я инженер на заслуженном отдыхе. Это произвело впечатление на Арсения. Он даже выпрямился, отложил молоток и посмотрел на меня с новым уважением.

— Инженер? — повторил он с благоговением. — Это ж какое дело! У нас тут один такой был — так он лампочку в подъезде сам починил. Все дивились: «Вот это голова!» А ты, выходит, ещё круче?

Я скромно пожал плечами, сдерживая улыбку.

В общем, мы весело проводили время на улице, болтая о всякой ерунде. Арсений рассказывал байки про своих клиентов, я кивал, иногда вставлял что-то своё. И всё это под аккомпанемент стука молотка, далёких гудков машин и криков мальчишек, гонявших мяч за углом.

Все время, пока я торчал на улице, то один, то с Арсением, я внимательно изучал прохожих, стараясь выяснить, кто из них мой конвоир. Кто следит или охраняет (по словам Петровича) меня.

Подозрительных личностей было немало. Вот мужчина в тёмном пальто слишком долго стоял у столба, будто кого-то ждал. Потом оказалось, что он почтальон.

Другой тип в кепке всё поглядывал в мою сторону. Сердце ёкнуло — вот он, мой конвоир! Но нет: он просто ждал своего собутыльника. Как только тот появился гремя бутылками с какой-то жидкостью, они быстро слиняли за угол.

Я даже хотел поинтересоваться у Арсения, не видел ли он тут постоянно трущегося типа какого-нибудь. Но, подумав, решил, что не стоит впутывать сапожника в мои делишки. Арсений и так уже косился на меня с любопытством:

— Ты чего всё оглядываешься? — спросил он вчера, постукивая молотком. — Бандиты, что ли, обидели?

— Да нет, — отмахнулся я. — Просто ветер в спину дует, всё время кажется, что кто-то подкрадывается.

Мне иногда даже казалось, что мой невидимый конвоир — это Анна Степановна. Всегда рядом, готовит мне еду, присматривает за мной. И ведь сам подполковник мне прямо не ответил, кем она, выполняя работу дворничихи, является для комитета.

Но все же раз за разом я отбрасывал эту мысль. Совсем Анна Степановна не походила на сотрудника с Лубянки. Слишком уж искренне она улыбалась, слишком тепло подавала чашку с чаем. Разве станут агенты заваривать липовый цвет с малиной для объекта наблюдения? Хотя кто их знает, этих агентов.

Всё остальное время я просиживал штаны в кресле в квартире или мял бока на диване. Механически листал страницы старых книг : то потрёпанного Чехова, то какого-то учебника по агрономии, но текст не откладывался в голове. Буквы расплывались перед глазами, словно я смотрел на них сквозь толстое стекло. Да и никогда я не был читателем: в школе за «Войну и мир» меня еле вытянули на тройку, а тут — агрономия! Мои мысли крутились всё время вокруг побега домой. В будущее.

Я пришёл к окончательному выводу: найти, познакомиться и убедить двух подростков в необходимости бежать. Я был уверен на все сто, что они не откажутся. Дальше — угнать автомобиль, доехать до места, где я попал в прошлое, и, набрав ту самую скорость, съезжать с дороги по той же траектории.

«Звучит просто, — подумал я. — Как инструкция к утюгу: включите, нагрейте, погладьте. Только вот утюг не стреляет в ответ».

Шансов мало, но их надо использовать. Я представил, как возвращаюсь домой: знакомый район, знакомые лица, интернет, кофе из кофейни на углу Сердце забилось чаще. Но тут же я опомнился: единственной на данный момент помехой я считал невидимого мною конвоира, который мог с лёгкостью видеть все мои передвижения и докладывать куда надо.

Значит, мне нужно что-то предпринять, чтобы вычислить его, увидеть его физиономию перед тем, как я приступлю к своему плану. Чтобы в нужный момент оторваться от этого конвоира.

С этими мыслями я упал на диван и уснул.

Утром после завтрака, когда Анна Степановна ушла в магазин, я решил действовать. Попробовать сегодня прогуляться по городу — неспеша, вальяжно, выманить своего конвоира, так сказать, на открытое место.

Одевшись, я вышел на улицу. Воздух был свежим, с лёгкой горчинкой осени, а под ногами шуршали опавшие листья. Сапожника нигде не было видно, поэтому, избавившись от обязательного приветствия и обмена фразами, я повернул направо и спокойно зашагал по улице.

Я шёл, стараясь не выглядеть подозрительно, но краем глаза отмечал прохожих.

Пройдя ещё один дом, я оказался на перекрёстке и решил свернуть за угол этого дома, где налетел на Арсения, идущего мне навстречу.

— Куды прешь? — незлобо окрикнул он, не признав меня.

Потом рассмотрел и спохватился:— А, это ты, Виталий? Не признал, извини. Куды собрался?

Я выдохнул.— Да круг хочу сделать по району. Ноги размять. После болезни ослабли, что ли. А ты-то откуда?

Он показал мне сумку:— Кожу забирал. Для починки. Своя-то кончилась. Ладно, пройдёшься — заходи, поболтаем, — и он чем-то звякнул в сумке.

«Ага, за кожей он ходил», — мысленно улыбнулся я. В ответ кивнул головой и продолжил своё нелёгкое дело в поиске своего конвоира.

Немногочисленные лица прохожих, идущих в моём направлении, всё время менялись. Кто-то улыбался, кто-то хмурился, кто-то спешил по делам. Я запоминал приметы: пальто в

клетку, шляпу с лентой, трость в руке. Но никто не повторял мой маршрут, никто не задерживал взгляд дольше обычного. Завершая свой круг по кварталу, я так и не смог вычислить этого товарища.

Я вернулся примерно час спустя, хотел поговорить с Арсением, но его не было. Анна Степановна мела улицу метлой и недовольным, возмущённым тоном доложила, что сапожник пьян как скотина и валяется у себя в прихожей.

Я чуть не рассмеялся, вспомнив звон чего-то у него в сумке, но в ответ на гневную тираду дворничихи сочувственно и с неодобрением поведения Арсения, закивал головой.

За ужином я решил, что мой план по выявлению загадочного конвоира не так уж и плох. Просто я слишком мало времени гулял и в основном по улицам, где преследователь мог в любой момент нырнуть в подъезд дома, если бы заподозрил, что я на него вышел.

Я помешал ложкой щи, вдохнул аромат укропа и задумался. В прошлый раз я расслабился, болтая с Арсением, вот и упустил момент. Нужно подольше бродить и желательно выйти на широкие проспекты, где скрыться будет уже проблематичнее. И почаще оглядываться, но не так, чтобы сразу бросалось в глаза. Скажем, будто я ищу газетный киоск или жду кого-то. А ещё нужно постоянно менять направление движения, петлять, как заяц, чтобы преследователь постоянно ощущал дискомфорт и вынужден был подстраиваться под меня.

«А если он всё равно ускользнёт? — мелькнуло в голове. — Может, взять с собой кого-то? Арсения, например. Арсений заметит подозрительного типа и подаст сигнал?» Я тут же отнёс эту мысль: впутывать сапожника опасно.

Анна Степановна вошла в комнату, поставила на стол чашку с чаем. — Не перетруждайтесь, Виталий Алексеевич, — сказала она, поправив салфетку. — Вы ещё слабы после болезни.

Я кивнул, но про себя усмехнулся: «Слаб, да не настолько».

Перед сном я отточил свой план до мелочей, разложив его по пунктам, как инженерную схему. Маршрут: от нашего дома до проспекта, три круга с разными интервалами. Остановки: каждые пять минут, с поворотом на 180 градусов. Поведение: непринуждённое, но внимательное.

«На этот раз конвоир не скроется от моего взгляда», — твёрдо решил я, гася лампу.

Утром я вышел из дома. Напротив Арсений бурно обсуждал что-то с человеком в длинном кожаном плаще и чёрной шляпе. Тот стоял боком, и лицо его было в тени, но осанка выдавала что-то знакомое. Сердце кольнуло. «Может, этот тип — конвоир?» — мелькнула мысль.

Сапожник увидел меня и поднял руку: — Приветствую, Виталий Алексеевич! Поговорить или на прогулку? Погоди десять минут, сейчас товарищ примерит свой ботинок и я освобожусь.

Я кивнул в ответ, машинально подняв руку, чтобы поправить шляпу. Чёрт. Забыл дома проклятую шляпу. В этот момент незнакомец чуть повернул голову — я успел заметить острый профиль и блеснувшее в тени стекла очков.

Я махнул Арсению в ответ рукой и вернулся в дом. Натянув шляпу, вышел на улицу. Ни Арсения, ни подозрительного типа. Дверь в парадную дома Арсения приоткрыта, из неё доносились приглушённые голоса. Наверное, ушли мерить башмак.

Я секунду постоял, размышляя: ждать или не ждать сапожника? Нет. Потом поговорим о пустяках.

Сейчас важное дело. И я зашагал быстрым шагом, не оборачиваясь, к ближайшему проспекту.

Я уже видел перекрёсток проспекта, как вдруг, вынырнув из какой-то подворотни, в меня на полном ходу влетел шкет. Ударился об меня, как о статую, и приземлился на пятую точку, изумлённо сверкая глазами. Я нахмурился для виду. Ничего не меняется. В будущем так на тебя на пешеходных тротуарах налетают самокатчики, в прошлом — вот такая мелочь.

— Не ушибся? — строгим голосом спросил я, рассматривая пацанёнка.

Грязное, местами в дырах короткое пальтишко, шапка на два размера больше. А ботинки новёхонькие, блестящие, с аккуратной строчкой по краю. Не удивлюсь, если стащил где-нибудь на рынке.

Пацанёнок встал, отряхнулся и оглядел меня с ног до головы. Видимо, я ему не очень понравился, и он презрительно сплюнул на брусчатку.

— Расшибусь, когда напьюсь, — отчебучил он, передразнивая меня.

Во мне начала пробуждаться небольшая ярость от слов и взгляда этого шкета.

Но пацан ещё раз зыркнул на моё пальто — на этот раз с завистью — и вдруг смягчился.

— Забудем, — важно сказал он. — Дядь, дай мне рубль, — потребовал он, протянув грязную ладонь.

Я хотел сунуть руку в карман, но вспомнил, что у меня там шаром покати. Ни копейки.

— Нету, — расстроено произнёс я.

Шкет ещё раз осмотрел меня.

— Ну ты и жмот! — крикнул он и дал стрекача, ловко лавируя между прохожими.

Я подавил желание догнать его и дать пару оплеух за его неподобающее поведение. Надо же. Никто в жизни меня жмотом не обзывал. Потом я подумал, что и «падлюкой» до Гаврилы меня тоже не обзывали. «Ну и времячко», — подумал я про себя и продолжил свой маршрут.

Когда я появился на проспекте, мне вдруг пришла в голову мысль, что мой, казалось, идеальный план был совсем не идеальным. Прохожих здесь было в стократ больше, чем на узких улочках и Арбате, так что выискивание своего загадочного конвоира могло смело приближаться к нулю. Хоть неделю броди — иголку в сене проще отыскать будет.

Донельзя расстроенный, я всё же попытался придерживаться своего плана. Резко оставившись у какого-нибудь киоска с газетами, делая вид, что рассматриваю витрину. Нагибался, якобы завязывая развязавшийся шнурок, хотя тот был намертво завязан ещё утром. Присаживался на скамейку. Менял не раз направление пути. Один раз даже выпросил у какого-то персонажа газету «Правда» и сел на лавку минут на десять, делая вид, что читаю передовицы о достижениях металлургов.

Всё это время я лихорадочно озирался, пытался запомнить приметы сотен прохожих. Но лица сливались в одно размытое пятно, а детали тут же стирались в памяти, будто кто-то стирал их ластиком.

Ещё два часа таких действий — и всё бестолку. Я на мгновение поддался панике. «Ничего не выйдет», — стучало в висках. Ноги гудели от усталости. Понуро топал уже куда глаза глядят и не мог найти выхода из данной ситуации, хотя мысли бешено ворочались у меня в голове, сталкиваясь, как вагоны на сортировочной станции.

Послышался резкий звук свистка. Я поднял голову. На перекрёстке стоял милиционер и регулировал движение, иногда свистком подгоняя «размазну за рулём». Он был в фуражке, с полосатым жезлом, и издали действительно напоминал дядю Стёпу из рассказа. Машины послушно останавливались и трогались по его знаку, пешеходы ждали, пока он махнет рукой.

Я стоял и смотрел на милиционера, на этот маленький островок порядка в хаосе проспекта. И тут созрел мой новый план.

## Задержан по собственному желанию

Я зашагал прямо к высоченному милиционеру, нарушая все правила движения, какие только были в СССР в 1950м году.

Дядя Стёпа, увидав меня, даже чуть не выронил свисток изо рта. Его глаза расширились, фуражка чуть сдвинулась набок. Но потом он резко свистнул и замахал мне жезлом, блестящим на солнце, чтобы я убрался с проезжей части.

Но я неуклонно надвигался на него, как Титаник на айсберг. Не скажу, что моё появление на проезжей части вызвало хаос, — так, пару незначительных ругательств от водителей, с уклоном на известный овощ, который куда-то прется, да гудок явно разгневанной «Победы». Но милиционер этого не оценил.

— Вы что делаете, гражданин? — довольно строгим голосом спросил он, вытирая рукавом пот со лба. — Вы разве не видите, что я вам свистел и махал, чтобы вы дождались своей очереди перехода дороги? Где ваша сознательность, товарищ? Стойте рядом со мной, и как разрешу, продолжите свой путь.

Я удивился и с раскрытым ртом смотрел на него. Этот тип не требовал денег, не орал, что я злостный нарушитель, не тянулся за наручниками. Он взывал к моей сознательности и собирался отпустить. Это не входило в мои планы. Мне нужно было, чтобы он меня задержал. Тогда и выйдет на свет мой таинственный конвоир, который не может допустить, чтобы я вляпался в какую-нибудь историю. Да ещё и с милицией.

Я соображал, как мне поступить. Ещё пара минут и он забудет обо мне. Даже мелькнула постыдная мысль слегка ударить его, но я её тут же пнул от себя. «Этот низкий поступок, Виталик, — сказал я сам себе. — Бить человека. Да и тогда могли начаться не мнимые проблемы, а настоящие. Да и понравился мне этот милиционер. Если они все такие в Советском Союзе, то мы в будущем многое потеряли. Но нужно что-то делать. Хрен с ним, рискну».

— Товарищ милиционер! — начал я, пытаюсь перекричать шум машин. — Разрешите обратиться!

Дядя Стёпа на секунду перевёл на меня взгляд, засвистел в свой свисток, поднял руку и, махнув жезлом, остановил поток машин. Пешеходы ринулись через проезжую часть.

— Говорите, гражданин, только не задерживайте, — произнёс он, смотря на меня с лёгким недоумением.

— Я хочу признаться в преступлении, — я внимательно смотрел на спешивших пешеходов, выискивая того, кто не спешит и приближается к нам.

— Простите, что? — не понял дядя Стёпа, нахмутив брови.

— Я час назад украл у бабушки деньги. Пятьсот рублей. Последние. Она сейчас, наверное, плачет, потому что я лишил её средств к существованию.

Милиционер потёр глаз, словно пытаюсь осмыслить сказанное.

— Вы украли деньги? — спросил он с таким видом, будто я сказал, что съел динозавра на завтрак. — Зачем? Это же плохой поступок. Идите немедленно и верните деньги.

«Ёлки-палки, — взмолился я про себя. — Да что тут происходит?»

— Но я не хочу их возвращать, — начал я. — Это такая болезнь. Клептомания называется. Но я хочу, чтобы всё было по закону. Задержите меня как злостного преступника.

Я смотрел на его изумлённую физиономию. Он явно обдумывал, как поступить. Наконец он сказал:

— Стойте рядом, никуда не уходите, — и, повернувшись к старинному зданию с колоннами, замахал рукой.

Одна из машин тут же попыталась рвануть с места, но свисток остановил не в меру спешившего автолюбителя. Только сейчас я заметил на противоположной части улицы ещё двух милиционеров. Они увидели, как дядя Стёпа машет им, подобрались и пошли к нам. Один, высокий и суровый, шёл широким шагом, другой, коренастый, чуть отставал, поглядывая по сторонам.

Когда они подошли, мой новый друг снова засвистел, и машины начали движение. К нам так никто и не подошёл, никто не захотел вырвать меня из лап милиции. Я немного заволновался. «Где этот чёртов конвоир?» — мысль ударила, как током.

Тем временем дядя Стёпа поведал двум милиционерам мою историю, и они уставились на меня.

— Это нарушение закона, — назидательно начал первый, поправляя фуражку.

Я лишь вздохнул, начиная уже мыслить, как мне выпутаться из истории, в которую я сам влип. Конвоир так и не появился. И у меня мелькнула запоздалая мысль: а может, и не было никакого конвоира? Может, Петрович просто в своей манере пошутил, а я поверил? Я озяб от этой мысли — не от холода, а от пустоты внутри. А что, если сейчас меня заберут в милицию? Сердце забилося чаще.

— Вы должны проследовать с нами, — тем временем проговорил второй.

Я решил, что настало время отмазываться.

— Простите меня, товарищи милиционеры, — начал я, стараясь говорить как можно убедительнее. — Я просто пошутил. Настроение у меня сегодня такое — разыгрывать всех. Никаких денег я ни у кого не крал. Я самый законопослушный гражданин Советского Союза.

Все трое уставились на меня, словно я ожившая восковая фигура из музея мадам Тюссо.

— То есть как, пошутили? — спросил один из них.

— Ну как? — начал я, стараясь говорить как можно убедительнее. — Шёл, смотрю, товарищ милиционер регулирует движение. Подумал, что работа у него тяжёлая, нервная. Думаю, подойду, пошучу, настроение ему подниму. Ведь на общее благое дело служит товарищ. Что делать, если мои шутки с детства никому не нравятся — я сделал унылое лицо для пущей убедительности, опустил плечи и вздохнул.

Ребята переглянулись, но никто из них не улыбнулся. Однако лица стали помягче, это да. Похоже, я их начал убеждать в своём легкомыслии и отсутствии чувства юмора.

— У меня и денег-то с собой нету, — попытался я для верности доказать свою версию. — Сейчас при вас карманы выверну, и сами убедитесь.

Милиционеры совсем расслабились, окончательно убедившись, что перед ними странная фигура, конечно, но не преступник. Один даже слегка улыбнулся, а другой кивнул, будто говоря: «Ну, ладно, шутник».

Я сунул руки в карманы пальто, зная, что там только пустота. Левая рука сразу же уткнулась в дно кармана, а вот правая Правая нащупала какойто предмет. Он был холодный, чуть шершавый, с жёсткими углами. Явно не носовой платок. Я застыл, глядя на милиционеров. Доставать или нет? Сердце провалилось куда-то в живот, дыхание перехватило. Но, пересилив себя, я достал руку из кармана.

Это был бумажник. Конечно же, не мой. У меня отродясь бумажника не было, тем более здесь, в 50е годы. И сегодня утром его в кармане не было. Я стоял и тупил, не зная, что делать дальше.

Милиционеры не проявили никакого удивления или настороженности при виде бумажника. Я чуть успокоился. Ну да, есть у человека бумажник и что теперь? Проблема моя была в том, что я сказал ранее, что у меня нет с собой денег. Если в этом клятом, непонятно откуда взявшемся в моём кармане бумажнике есть деньги, то получается, я соврал.

Пытаясь найти мысленно выход, я не спеша начал открывать бумажник. Так, если в бумажнике и есть энное количество денег, то можно выкрутиться, сказав, что я имел в виду,

что именно пятисот рублей нету, а не вообще. Плохо будет, если там есть деньги и их больше озвученной суммы. Тогда сложно будет выкрутиться. А если нет, то вообще и проблем нет.

Я открыл бумажник. Ну как же без проблем? Деньги были. Я стоял молча, боясь достать их и пересчитать. Ладони стали влажными, в горле пересохло.

Мне пришёл на помощь один из милиционеров. Он взял у меня из рук бумажник, увидел купюры и напрягся. Молча показал деньги двум другим, достал их и начал считать.

— Пятьсот рублей, — окончил он счёт.

Я словно провалился под землю. Что это? Шутка какая-то дикая? Моя выдуманная цифра из моей выдуманной истории перекечевала в бумажник, который каким-то образом перекечевал в карман моего пальто?

Не думая, я рванул в сторону, пытаюсь скрыться от милиции. Но судьба не благоволила мне. Меня тут же сшибла проезжающая мимо легковушка. Сшибла, конечно, это я сильно выразился, ибо скорость у неё была не выше скорости моего бега, но я всё равно кубарем покатился по проезжей части. Асфальт царапнул ладони, в нос ударил запах бензина.

Минута — и меня подняли, завернув руки за спину.

— Вы задержаны, гражданин, — произнёс один из милиционеров, резко дёргая меня за плечо.

Я понуро повесил голову. В моих мыслях ещё билась надежда, что сейчас появится мой конвоир и всё решит. Но никто не появился, и меня повели в неизвестном мне направлении.

Меня вели прямо по тротуару. Прохожие с интересом косились в нашу сторону, многие задавали вопросы.

— Спокойно, граждане, — неизменно отвечали бравые милиционеры. — Разберёмся.

— Шпиона, наверное, ведут, — проговорил какой-то тип в толпе, поправляя шляпу.

— Да какой это шпион? — возразила старушка, оглядывая меня с головы до ног. — Забудыга напился.

— Граждане, расступитесь, — вещал милиционер, слегка отталкивая любопытных. — Дайте дорогу.

Руки милиционеров сжимали мои локти жёстко, но без жестокости. В горле пересохло, а ладони стали влажными, несмотря на прохладный ветер. Я чувствовал, как капли пота стекают по спине под рубашкой.

Мне хотелось вырваться из их крепких рук и бежать, не оглядываясь — туда, откуда я совсем ещё недавно хотел бежать куда глаза глядят. На Лубянку. Мой друг подполковник точно бы меня в обиду не дал. Я проклинал себя за своё самомнение и свою легкомысленность, попутно всё же ругая Петровича с его конвоиром, которого я в глаза не видел.

И вот что сейчас делать? Сейчас с меня снимут показания, сложат мой рассказ и найденную сумму денег и отправят в камеру. Может, прямо им сказать, что я Сталин? Да нет, вряд ли поверят. Или решат, что я сумасшедший.

«Ну и натворил я дел, — подумал я. — Виталий Алексеевич, ты хотел привлечь внимание. Ты его привлёк!»

Что говорить на допросе? Всю правду рассказать? Или?.. Я крепко задумался над моей мыслью, чувствуя, как пальцы милиционеров сжимают мой локоть.

Нужно убедить их позвонить на Лубянку. Да, Петрович будет потом недоволен, будет потом подкалывать меня, но важнее всего сейчас — свобода. Без неё я не попаду домой.

Мне стало нехорошо от следующих мыслей: а будет ли свобода, если Петрович даже вызовет меня из милиции? Вдруг понаставит вокруг меня охрану, что я даже в душ под приглядом ходить буду? Он может. Нет, Виталий Алексеевич, нужно сначала попытаться самому выкарабкаться. Подполковник — мой козырь в рукаве. А козырём ходит сразу несподручно. Что у милиции на меня есть? Мой придурковатый рассказ о моём мнимом преступлении?

Никакой ведь бабки не существует, у которой я якобы стащил деньги. Пойду в отказ. Скажу, что всё придумал. Главное, чтоб нос не трогали.

Идя сквозь толпу, я вдруг заметил сорванца. Того самого, который меня жмотом обозвал. Он внимательно посмотрел на меня, вне всякого сомнения узнал и неожиданно пошёл вслед за нами. До самого отделения милиции он шёл, по пути спрашивая прохожих, за что меня взяли.

Краем уха я вдруг услышал реальную версию: что я стащил у какой-то старушки пятьсот рублей, и она сейчас лежит при смерти. Видимо, дядя Стёпа, оставшийся на своём посту, удовлетворил любопытство прохожих, и молва о грабителе бабулек разлетелась по Москве раньше, чем меня доставили до отделения милиции.

Когда меня поднимали по ступенькам крыльца в отделение я бросил взгляд на этого шкета. Он посмотрел на меня и неожиданно кивнул мне.

И вдруг я подумал - а может он и есть тот самый конвоир?

## Кошелёк или свобода?

Уже два битых часа я торчал в отделении, отвечая на одни и те же вопросы, от которых уже звенело в ушах. Стул под мной скрипел на каждый поворот, будто намекал: «Кончай этот цирк». Ребята настаивали, что я ограбил какую-то бабулю, а я неизменно отвечал, что бабуля, деньги и ограбление — это плод моей бурной фантазии и не более того.

В начале я боялся, что когда милиционеры откроют мой паспорт и прочитают фамилию, то будут ржать в голосину. Но они даже ухом не повели, увидев в паспорте «Скоморох». Или они были намного тактичнее ребят с Лубянки, или просто не знали, что означает сие слово.

Только один, с залысинами и усталыми глазами, поинтересовался:— Немец, что ль? Я спросил, почему он решил, что я сразу немец, и провёл ему краткий ликбез по немецким фамилиям — с примерами, ударениями и кратким экскурсом в историю. Милиционер слушал внимательно, чуть склонив голову, даже рот приоткрыл. Я даже подумал, что он сейчас достанет ручку и начнёт делать конспект. Но он в конце ответил, что всё равно моя фамилия похожа на фрицевскую. И только после этого ребята приступили к допросу.

Я уже чётко осознавал, что ничего у них на меня нет, и мысленно праздновал победу. За неимением улик им придётся меня отпустить. В этот момент дверь скрипнула, и вошёл майор представительного вида, отдалённо похожий на Будённого: усы, широкий нос, взгляд цепкий. Он спросил, как идут дела, на что милиционеры почти хором ответили, что всё на том же месте.

Я смотрел на майора и думал: «Почему в какое заведение я ни попаду, везде мною занимаются майоры? Если и этот майор — Петрович, — подумал я, — это будет хохма». — Я майор Савелий Петрович — начал майор. И я покатился со смеху. Громко, неудержимо, до слёз.

Все смотрели на меня как на балаганного шута. Майор побагровел, его усы чуть приподнялись от негодования. — Что здесь смешного, гражданин Скоморох? — спросил он жёстко. — Это оскорбление или как вас понимать? Я тут же взял себя в руки, вытер выступившие слёзы и заверил оскорбившегося майора, что никоим образом не хочу обидеть его ранимую натуру. Майор ничего не понял из моего объяснения, но уловил миролюбивый тон, каким оно было произнесено, и слегка расслабился.

— Ладно, ребята, — сказал он милиционерам, — надо взять с него подписку и сопроводить до дома. Опросить жильцов, соседей.

Я выдохнул. Выкарабкался сам. В груди разливалась лёгкая эйфория, будто я только что выиграл партию в шахматы у гроссмейстера. Но тут в дверь заглянул ещё один милиционер — молодой, с веснушками и виноватым взглядом — и сказал:— Товарищ майор, тут одна гражданка Вам следует её выслушать.

Майор кивнул в ответ и сказал милиционерам готовить для меня подписку. Потом он вышел вслед за посыльным, бросив на меня короткий взгляд.

Я уже подписывал бумагу в месте, которое мне услужливо показал милиционер. Но не успел я вывести последнюю завитушку подписи, как дверь с грохотом распахнулась, и вошёл майор. За ним виднелась какая-то старушка в модном (наверняка модном в то время) пальто, шапочке с вуалью и с крюкастой тростью, способной дотянуться до меня от двери. От неё пахло нафталином и старыми духами — терпко, душливо.

Я лишь мельком глянул на них и продолжил выводить размашистую подпись под документом свободы. Но следующие слова майора ударили мне под дых.

— Отставить, — произнёс он. — Заберите у него пока подписку.

Милиционер аккуратно, почти виновато вытащил бумагу из-под ручки, и я недоуменно обернулся к майору.

— Посмотрите, гражданка, — между тем произнёс майор, делая шаг в сторону, чтобы бабушка могла лучше разглядеть меня. — Вы узнаете этого человека?

Бабушка приподняла вуаль — медленно, театрально — и уставилась на меня хитрющим колющим взглядом, будто примериваясь, куда бы ужалить побольнее. Я молча таранился на неё, не вкупая, что происходит. Что-то было в её лице, в её наглom взгляде странное — какой-то холодный расчёт, будто она репетировала эту сцену. Это мне совсем не понравилось.

Наконец она хмыкнула, поправила вуаль дрожащей рукой и повернулась к майору:

— Ну что, гражданка Тимофеева, узнаете? — повторил он свой вопрос.

— Узнаю, а как же, — зашипела она голосом змеюки, и её глаза блеснули недобрым огнём. — Этот, этот подлец ограбил меня сегодня. Прямо на улице выхватил кошелёк. А там деньги. Пятьсот рублей.

Я потерял дар речи.

Майор кивнул одному из милиционеров, и тот положил на стол кошелёк, который был у меня в кармане.

— Ваш, бабушка? — спросил он.

— Мой, мой, внучек, — мерзко скрипя голосом, ответила она, прищурившись. — И ведь понимаете среди белого дня. Прямо на глазах у людей, а никто и не вступился.

Я наконец обрёл речь: — Вы лжётё! — выкрикнул я.

— Тише, — рявкнул майор, и его взгляд, тяжёлый и холодный, заставил меня осечься.

— Ах, ты скотина этакая! — взвизгнула бабка, и никто не успел остановить её, как она огрела меня своей тростью по спине.

— Грабитель, бесстыдник! — шипела она, размахивая тростью, будто собиралась ударить ещё раз.

Я понимал, что дело начинает принимать скверный для меня поворот.

— Это подстава какая-то, — начал я, признаюсь, дрожащим от волнения голосом. — Я никого не грабил. Никого!

Все смотрели на меня — милиционеры переглядывались, майор хмурился, а бабушка торжествующе улыбалась. И я видел, что мне теперь никто не верит. Её слова уже легли в их сознание, как готовая истина.

Бабка пыхнула глазами — в них сверкала какая-то злобная радость — и, повернувшись к майору, сказала:

— Я могу доказать, что кошелёк мой, — заявила наглым тоном она, и в голосе её звучала уверенность человека, который знает, что победа уже в руках.

— Как? — участливо поинтересовался тот.

— Там на внутреннем подкладе нитками прошито ТМИ. Тимофеева Мария Ивановна, — ответила она, победно вскинув подбородок.

Милиционер заглянул в кошелёк — его пальцы ловко отогнули подкладку, он присмотрелся и кивнул.

«Попадос», — подумал я, и эта мысль ударила в голову, как молот.

Меня сопроводили в камеру. Сложно было назвать это камерой — так, душная клетушка для бабуинов. Причём в ней могло поместиться не более одного этого вида. Холодный металл решётки царапал плечо, а на полу темнели пятна, будто кто-то недавно проливал здесь не воду.

Майор стоял по ту сторону решётки, его усы топорщились, когда он смотрел на меня, как бык на красную тряпку.

— Ну что, — торжествующим голосом победителя упорного чемпионата по шашкам в классе «Чапаев», спросил он, — сразу подпишешь чистосердечное или будешь с сыскарями объясняться? Кто твой подельник или один работаешь?

Мне уже до чёртиков всё это надоело постоянные допросы, побои, 1950й год, и я решил.

— Майор, — сказал я чётко и твёрдо, — позвони на Лубянку.

— Ну, уж сразу туда? — хохотнул псевдо-будённый. Смех его прозвучал слишком громко, слишком нарочито — будто он пытался скрыть секундное замешательство. — Давай лучше ещё выше позвоним, а?

— Майор, — устало повторил я — позвони на Лубянку. Попроси к телефону Якова Петровича

— Подельник твой? — улыбнулся он, но улыбка вышла натянутой, а взгляд на мгновение скользнул в сторону.

— Гладышева. Скажи: Скоморох у тебя в отделении. За мной приедут.

Тот лишь махнул рукой.

— Завтра за тобой сыскари приедут, — и зашагал прочь.

Я сидел на корточках, ноги уже начали затекать, но распрямить их было возможно только в одном случае — если тебе лет семь. Мне нужно было убедить кого-то набрать номер Лубянки. Но милиционеры игнорировали эту часть своего отделения, а я пока решил воздержаться от призывных воплей.

Я решил дожидаться, пока свалит домой майор, а потом уже запугать какого-нибудь служивого своими связями с Лубянкой. «Но что делать, если они не купятся на это?» — задал я себе запоздалый вопрос.

Хрен его знает, сколько прошло времени, но в коридоре зажглись лампы, а мне принесли кружку воды и чашку каши. Милиционер, который проверял кошелёк, поставил сей ужин на пол через решётку, посмотрел на меня и вдруг заговорщицки подмигнул мне.

— Скоро майор уйдёт, решим твой вопрос, — прошептал он и сгинул так быстро, что мне показалось, что его и не было тут. Но каша на полу говорила об обратном. Не скажу, кстати, что она была плохой. Во всяком случае, я её уплеп за пару минут, хотя от переживаний не страдал от голода.

Время тянулось, гул голосов постепенно затихал. Вот уже и тишина повисла в отделении.

К решётке подошёл тот самый милиционер и проговорил вполголоса:

— К вам посетитель.

Сердце у меня забилось чаще. Я почему-то решил, что это или Петрович, или он кого-то отправил за мной. В голове мелькнула слабая надежда: может, всё-таки выручат?

Милиционер отошёл в сторону, а к решётке подошёл неизвестный мне тип. Он мне с ходу не понравился. Тонкие усики, тощая борода, улыбка маньяка, будто спрашивающая вас с вежливостью: «Вам в первую очередь что отрезать? Мы идём на поводу желаний своих клиентов».

— Кто вы? — буркнул я.

Этот тип имел такое же отношение к Лубянке, как я к полётам в космос. В его облике не было ни намёка на связь с теми кругами, на которые я рассчитывал.

Он хихикнул. Этот звук резанул по ушам, как если бы он ногтем провёл по чистому стеклу.

— Я тот, кто может тебя вытащить отсюда, — прошептал он. — Но

Тут меня словно обухом огрело. Я всё понял.

— Но? — усмехнулся я. — Это сколько?

Тип улыбнулся. Сейчас он был похож на козла, идущего пощипать траву, самодовольный, уверенный, будто уже положил деньги в карман.

— Четыре тысячи, — сказал он. — Это немного, поверь мне. Плюс — я не жмот. Просто не один.

«Милиционер в доле», — понял я, а вслух спросил:

— Ты что, думаешь, у меня при себе такие деньжищи? Да если бы они были, я бы их не в камере считал.

— Нет. Но через полчаса после того, как я уйду, тебя проведут к телефону. Ты позвонишь. Потом тебе продиктуют адрес, куда должны принести деньги. Я забираю деньги — ты свободен. Завтра утром приходит бабуля и заявляет, что ошиблась, что это не ты стащил кошель с деньгами.

- Да ладно? А ничего, что там на подкладе кошелька ее инициалы?

- Ее что? - изумился тип.

- Ее фамилия, имя, отчество...

- Кошелек подменим, - понял тип. - Там вместо "М" будет стоять "Н". Милиционер скажет, что мельком взглянул и ошибся. И - все. Свобода.

Я смотрел на него, качая головой. Что, на это реально кто-то покупается?

— Ну да, — у меня аж голос поменялся. — Хрена ты задвинул. Тебе принесут деньги, ты их берёшь, пропадаешь, кошелек никто не меняет, милиционер молчит, а я тут торчу дальше. Ну ты и ухарь. Иди гуляй. Ищи дураков!

Тип в изумлении замер, его улыбка дрогнула. Он явно не ожидал отказа — привык, что люди сдаются сразу. Секунду он молчал, пытаюсь сохранить самообладание, потом зло прошипел:

— Ты в тюрьму захотел?

Я пожал плечами.

— Нет. Но с чего мне верить тебе? Такой вариант не канает. Я не стану платить за воздух.

— Что? — не понял тип, его лицо покраснело от раздражения. Сейчас он напоминал мне синьора Помидора.

— Я говорю, что на таких условиях не видать тебе четырёх тысяч. Мне нужны гарантии, а у тебя их нет. И пока их не будет, можешь идти куда шёл.

Теперь он выглядел растерянным. Его план, который наверняка срабатывал не раз, дал трещину, и он не знал, как это исправить.

— Тогда — неуверенным тоном начал он, потирая подбородок и избегая моего взгляда.

— Только один вариант меня устроит, — я постарался, чтобы мой тон был непоколебимым. — Я звоню, вы при мне меняете кошелек, а старый отдаёте мне. Я при вас его сжигаю к чертям собачьим.

— Ага, — прохрипел понимающе типарь. — А в это время никто деньги не приносит. Ух, жулик, — выдал он мне.

— Тогда мой человек приходит прямо сюда, и в кабинете мы проворачиваем сделку, — отрезал я, глядя ему прямо в глаза. — Это моё последнее слово.

Тип глянул на меня со злобой, что-то прохрипел и исчез.

«У них тут развод неосторожных граждан налажен с размахом, — подумал я. — Интересно, майор в курсе или в доле? И если в доле, то насколько глубоко?»

Тип появился через пять минут. В глазах его читалась какая-то новая решимость.

— Договорились, — прошептал он, стараясь не встречаться со мной взглядом. — Скоро за тобой придут. Звонишь и говоришь везти деньги сюда. Историю мы уже придумали: якобы твой родственник приехал тебя повидать.

И он снова исчез, как призрак в тумане, оставив после себя лишь слабый запах дешёвого одеколona и ощущение, что игра только начинается.

## Советский Джеймс Бонд и прочие неприятности

Через час появился тот самый милиционер, открыл решётку и махнул головой следовать за ним. Всё это он проделал молча, словно он не милиционер, а советский Джеймс Бонд из 50-х. Я тоже прикинулся шпионом из дешёвого боевика: коротко, многозначительно кивнул, дескать, понял, брат, идём. Но он, похоже, тайного языка шпионов не знал, поэтому вытаращился на меня.

— Идёмте, — выдохнул я, стараясь скрыть усмешку.

Кабинет, куда он меня привёл, был тот самый, где меня допрашивали раньше. В кабинете уже торчал типарь с козлиной бородкой. При свете лампы он мне еще больше не понравился. Настоящий столичный мажорик, который палец о палец не ударит, чтобы самому заработать на краюху хлеба. Я не раз представлял себе телефонных мошенников из будущего и этот тип укладывался в мои представления о их рожах почти идеально.

Типарь скользнул по мне взглядом и я понял, что тоже не пришёлся ему по душе. Скорее всего, его тонкая натура не выдержала моего упрямства и торга за свободу. Его глаза полыхнули, когда он оглядывал меня, но не яростью, а досадой, будто ему подсунули гнилой товар вместо свежего.

Милиционер молча указал на стул у стола. Я плюхнулся на него с видом босса. На столе стоял телефон словно приглашая к игре, где ставка — моя свобода.

Минуты две мы все занимались одним делом — молча переглядывались друг с другом. Наконец игра в шпионов надоела милиционеру, и он подтолкнул мне телефон и приказал мне позвонить.

Пришлось рассказать ему часть моей биографии, делая упор на то, что я посредственно окончил институт и, несмотря на неплохие достижения в узкопрофильной инженерии, я не настолько гениален, чтобы запоминать номера телефонов наизусть. Они оба смотрели на меня таким видом, будто я собирался прямо на их глазах выпить чашку яда.

— Какого хрена ты несёшь? — зашипел сбоку типарь.

— Довожу до вашего сведения, что я не знаю номера телефона, — пояснил я.

— Так какого чёрта ты сюда припёрся? — не понял козлородый. — Дурачиться вздумал?

Я спросил сам себя, почему он настолько туп, и объяснил сим достопочтенным гражданам, что телефоны записаны у меня в записной книжке. И пояснил для пущей верности, что именно поэтому она и называется записной, чтоб туда записывать полезную информацию. В том числе и телефоны.

Милиционер устало махнул на меня рукой, поднялся и вышел из кабинета.

Я остался один на один с козлородым.

Он стоял, облокотившись на стену. Я мысленно отметил, что здесь явно пренебрегали влажной уборкой, и типарь, возможно, подрабатывает уборщиком. Во всяком случае, он очень хорошо полировал грязную стену своим пиджаком.

Милиционер, вне всякого сомнения, пошёл за моей записной книжкой. Это я понимал.

И тут мысль понеслась в другом направлении. Я ещё раз внимательно оглядел козлородого. Субтильный тип, явно не боксёр. Карате или другая полезная штука «один на один» ещё не появилась в Союзе. Что, если я сейчас вскочу со стула, врежу ему с правой по физиономии и выскочу в коридор? Успею ли добежать до входа? А выскочив на улицу, мне нужно будет только держать один путь — к моему другу Гладышеву. «План неплох», — одобрил мой внутренний голос. Но я всё не решался его привести в действие, ибо надеялся и без боевиков выбраться отсюда. Был, конечно, риск, что Петровича не окажется на месте.

Всё же я решил действовать. Но, как назло, именно в тот момент, когда я уже весь подобрался к прыжку, дверь растворилась, вошёл милиционер и бросил записную книжку на стол прямо передо мной.

— Звони, — на этот раз фраза принадлежала милиционеру.

Я начал листать страницы и остановился.— Минуточку! — начал я, придавая своему лицу озабоченность. — Я свою часть сделки почти выполнил. Сейчас позвоню и деньги привезут. А как же ваша часть?

— Это какая ещё? — уже с явной угрозой спросил тип.

— Я хочу убедиться, что кошелек с инициалами действительно у вас.

Они переглянулись. Милиционер пожал плечами, вытащил из кармана кошелек и продемонстрировал его мне. Я попросил показать подкладку. Тот выполнил мою просьбу, и я действительно увидел «ТМИ» на подкладке.

— Всё? — пробубнил козлотородый. — Звони.

— Нет, не всё, — упорствовал я. — А где второй кошелек?

— Утром привезут, — отрезал тип.

— Не, ребят, — я усмехнулся, стараясь. — Так не пойдёт. Утром деньги — вечером стулья. — И, видя их непонимающие физиономии, внёс пояснение: — Вам сейчас привезут деньги, а утром окажется, что второго кошелька нет. И что мне тогда делать?

Козлотородого вдруг прорвало. Он покраснел от ярости, оттолкнулся от стены и подлетел ко мне.

— Ты что, играть с нами вздумал? — заорал он и вскинул руку, чтоб ударить меня.

— Назад! — вдруг рявкнул милиционер, резко выпрямившись. — Нельзя его морду портить!

Его сообщник покраснел ещё больше, но руку всётаки опустил и отошёл обратно к стене. Достал папироску. Закурил, глубоко затянулся, начал успокаиваться.

— Утром, — повторил, пристально глядя на меня, милиционер. — Вы что, не верите нам?

Смешной человек. А с чего мне было верить им, явным мошенникам? Я сидел молча и к телефону не притрагивался, нарочито спокойно разглядывая свои ногти. Милиционер раздражённо выдохнул, бросил короткий взгляд на сообщника и требовательно кивнул ему.

Типарь неохотно сунул руку в карман, вытащил оттуда кошелек — один в один похожий на тот, что был у меня, — и небрежно бросил на стол. Кошелек скользнул по поверхности, остановился у самой моей руки. Я осторожно взял его, взвесил на ладони, осмотрел со всех сторон, заглянул в подкладку. Не соврали, черти — в инициалах одна буква была другой.

— А вот и кошелек привезли, — пробормотал я, чтобы позлить их. — Видимо, утро уже наступило.

Они оба яростно пыхнули. Но я уже принялся перелистывать страницы записной книжки в поисках номера, подтянув телефон к себе поближе. Пальцы чуть подрагивали, переворачивая шершавые страницы. Вот он — заветный номер. Теперь главное, чтобы Петрович был на месте.

Скажу честно — рука, набирающая номер, у меня дрожала. Телефон казался непривычно тяжёлым, диск крутился туго, будто сопротивляясь. Я был близок к тому, чтобы весь этот кошмар с подставой закончился или к тому, что он ещё продолжится, если моего друга не окажется на противоположной линии. В ушах стучало: «Только бы был. Только бы взял трубку».

— Да, — услышал я голос в трубке и чуть не сорвался в танец. — Гладышев. Слушаю.

— Яков Петрович, здравствуйте, мой друг, — мой голос был готов сорваться на крик, но я всё же сдержался. — Это вам дозвонился ваш искренний друг.

— А-а — удивлённо буркнуло в трубке. — Виталий Алексеевич, это вы?

— Он самый, — обрадованно сказал я, ибо Петрович узнал мой голос. В груди чуть отпустило — хоть что-то шло правильно. — Послушайте меня, Яков Петрович, я тут попал в одну неприятную историю

— Неужели? — тон собеседника был настолько пропитан сарказмом, что я поморщился. — Вы? Ни в жизнь не поверю

— Да, я, — он сбил меня с мысли, и я запнулся. — Ну и в общем, тут нашлись люди, которые могут мне помочь

— Замечательно, — по слогам ответил мне подполковник. Я почти видел, как он приподнимает бровь, усмехаясь. — Видите, как вы быстро находите хороших людей. Я рад за вас, что вам помогут в вашей неприятной истории. Теперь, когда вы поделились этим со мной, я могу положить трубку?

— Нет! — крикнул я, покрываясь липким потом. — Подождите.

— У меня дела, знаете ли, — в трубке явно усмехнулись, и этот звук резанул по нервам.

— Яков Петрович, — взмолился я. — Надо четыре тысячи рублей, чтобы выпутаться из этой истории. Срочно.

Пауза. Я клянусь, что мне показалось, как он расхохотался, прижав трубку рукой, — и вместе с ним рассмеялся кто-то ещё, далёкий, но отчётливый.

— Куда нужно везти деньги? — но голос в трубке вдруг стал серьёзным, жёстким.

Я поднял глаза на милиционера и повторил ему вопрос Петровича. Тот развёл руками и сказал: «сюда».

— Сюда, — машинально повторил я в трубку и, чертыхнувшись, зло глянул на милиционера. — Вы с умом?

Милиционер на удивление виновато качнул головой и продиктовал мне адрес. Я повторил адрес в трубку, стараясь чётко выговаривать каждое слово, хотя язык вдруг стал неповоротливым.

— Хорошо. Привезём, — обнадежил меня Петрович.

— Привезут, — с облегчением, но всё ещё настороженно, порадовал я сообщников.

— Когда? — козлотородый аж потёр руки от предвкушения, его глаза блестели, как у ребёнка перед новогодней ёлкой.

— Когда? — это уже мой вопрос в трубку.

— Ну, — начал Петрович, явно специально растягивая слова. Его голос был полон издевательства, но теперь в нём проскальзывала и какая-то деловая нотка. — Такую сумму Думаю, в течение месяца соберём

— Ну будьте серьёзным! — не выдержал я.

Короткий смешок.

— Ждите! — как команда из трубки. — В течение двух часов, — и дал отбой.

Я медленно положил трубку телефона.

Я опустил руки на колени. Вроде разговор длился минуты три, но было чувство, что я день разгружал вагоны. Вымотал меня этот разговор, будто из меня выкачали все силы.

К тому же мне показалось странным, что мой друг Петрович как-то неестественно себя вёл. То есть У тебя теряется правнук вождя, потом неожиданно он появляется, приносит тебе весть, что он в неприятной ситуации, и чтобы выпутаться из неё, нужны деньги. А ты такой смеёшься, поддразниваешь. Вместо того чтобы всю Москву на уши поставить! Что-то тут не так

Ко мне пришло вдруг подозрение: а не сам ли мой друг всё это подстроил — кошелёк, бабку, обвинение? Ну, для того чтобы я не самостоятельничал, а жил по инструкции. Мысль ударила в голову, как ледяной душой.

Но что-то тут не складывалось. Петрович не мог предположить, что я сам начну спрашиваться у милиции на задержание Или мог? Может, он всё просчитал наперёд?

— Ну что? — меня вернул в кабинет резкий голос козлотородого. — Когда привезут деньги?

Я поднял глаза. Эта скотина стояла, скрестив руки на груди, и нетерпеливо постукивал носком ботинка. В его взгляде читалось алчное предвкушение, смешанное с долей раздражения, будто ему дали понюхать бутер с черной икрой, а потом сказали, что он стоит четыре тысячи.

— В течение двух часов.

Они переглянулись коротко, многозначительно, будто обмениваясь беззвучным сообщением.

— Кошелёк верни, — требовательно бросил тип.

— Зачем? — невинно полюбопытствовал я. — Пусть у меня останется.

— Не дурите, — вставил милиционер, подавшись вперёд. — Нам нужно будет подменить его утром. Завтра придёт бабка и откажется от своего заявления, — и он посмотрел на меня взглядом лохотронщика, в котором читалась дешёвая уверенность в собственной безнаказанности.

Я понял. Эти ребята явно ничего делать не будут. Оставит всё как есть: ни кошелёк не поменяют, ни бабка не придёт. А если я, допустим, утром скажу, что здесь происходило вечером, мне, естественно, никто не поверит. Просто развод на деньги. Но у меня был козырь в рукаве поэтому я кинул кошелёк козлотородому.

— Не забудь в него четыре тысячи положить, — сказал я ему с напускной небрежностью.

Тот лишь криво усмехнулся, сверкнув жёлтым зубом, и сунул кошелёк в карман, нарочито медленно, будто дразня.

— Здесь опасно держать его два часа, — проговорил типу милиционер, нервно оглянувшись на дверь. — Вдруг майор решит заявиться и проверить, как тут дела обстоят.

Козлотородый кивнул, затушил папиросу о край пепельницы и потёр руки.

— Ну так кинь его в камеру. Пусть сидит там. А я пока на улице побуду, чтобы на глаза сильно никому не попадаться, — с этими словами он снова достал папироску, прикурил, выпустил струю едкого дыма и вышел, хлопнув дверью.

Я посмотрел на милиционера и хотел прямо его спросить — давно они этим промышляют? Слова уже вертелись на языке, но я решил подождать Петровича. Про себя я твёрдо уверился: с этим бардаком в милиции нужно заканчивать. Всё ему разложу по полкам — каждую деталь, каждый взгляд, каждое слово.

— Идём, — сказа<sup>л</sup> мне милиционер, махнув рукой в сторону коридора. — Подождёшь пока в камере.

## Охота на живца

По моим подсчётам прошло более двух часов, прежде чем я услышал какой-то небольшой шум в отделении. Я наострил уши. Минута невнятных приглушённых голосов. Вот вроде козломордый чтот-о проговорил. Но дальше стукнула дверь и снова тишина.

Я сидел, подтянув коленки к груди, и злился на Петровича с его нерасторопностью. За это время я внутренне убедил себя, что он уже в курсе, что со мной происходит, и теперь просто воспитывает меня. Мне решительно не нравилось это воспитание, но поделаться я ничего не мог. Меня интересовало отдельно: а что же предпримет мой воспитатель против ребят, которые меня явно хотят развести на деньги?

Вопросов было больше, чем ответов. Я просто решил набраться терпения, хотя внутри всё кипело.

Наконец в коридоре послышались шаги. Я вскочил. Это оказался тот самый милиционер. Он выпустил меня наружу и сказал следовать за ним. На мои вопросы он приложил палец к губам и махнул рукой. Шпион, хренов.

Мы подошли к двери того же самого кабинета. Милиционер открыл её перед мной. Первым, что я увидел, войдя внутрь, был типарь — с хищным, но недовольным оскалом, словно ему подсунули вместо стейка капустный лист. Рядом стоял мой давний знакомый громила, который бил мне в нос на допросе у Гаврилы. Но теперь я был настолько рад его видеть, что чуть не бросился обнимать его и рассказывать, какой он замечательный человек.

Громила посмотрел на меня и протрубил басом от которого козлобородого передёрнуло, как беса от святой воды.

— Виталий Алексеевич, друг мой! Как только ты мне позвонил, я сразу собрал деньги и к тебе. Очень рад, что ты в полном здравии, — и он хитро посмотрел на меня.

Я сообразил: он приглашает меня присоединиться к игре.

— Здравствуй, Яков Петрович, — ответил я, улыбаясь так широко, что заболели щёки. — Друзья всегда познаются в беде. И никакой нос не станет перед ними препятствием.

Лицо громилы на мгновение вытянулось. Но быстро переработал сказанное и расплылся в ответной улыбке, обнажив крупные зубы.

— Эти люди настаивали, чтобы я им сразу отдал деньги, — прогудел он, — но я решил убедиться, что с тобою всё хорошо.

Милиционер уже уселся за стол. Его лицо было унылым, губы поджаты, а взгляд избегал встречаться с кемлибо. Может, типарь и не понимал этого, а милиционер уже догадался: ему придётся всётаки при нынешнем раскладе менять бумажник и брать с бабки отказ от заявления. Мне стало смешно с его вида — он напоминал школьника, которого поймали на списывании.

— Деньги! — прошипел типарь. Его бородка дрожала от напряжения.

Громила повернулся к нему всем корпусом, и типарь стал похож на кролика. На кролика с козлиной бородкой, который вдруг осознал, что попал в клетку к волку.

— Да, конечно, — тихо отметил громила, глядя прямо в лицо типарю. Я ясно видел, как козлиная бородка зашевелилась, словно попала под мощную струю воздуха.

Громила неторопливо достал из внутреннего кармана своего плаща пухленький конверт. И тут я понял, что должно произойти дальше. И я, к своему стыду, чуть всё не испортил.

— Подожди, друг мой, — сказал я громиле. — У нас был договор. Они отдают мне старый кошелек, я его тут же сжигаю. А новый подкладывают в дело.

Все застыли на какоето мгновение. А я, не понимая, что случилось, продолжал настаивать:

— Успокойся, Виталий, — проговорил громила. — Я доверяю этим людям. Всё будет хорошо. — И он незаметно подмигнул мне.

Я хотел спорить, уже открыл рот, но осекся и махнул рукой.

— Хорошо, — буркнул я.

Громила подошёл к столу, положил конверт и прогудел:— Здесь четыре тысячи. Пересчитайте, пожалуйста, что всё в порядке.

Я смотрел на милиционера вместе с громилой, и тут моё сердце застонало. Милиционер, уже тянувший руку к конверту, явно что-то заподозрил и отдёргнул её с такой скоростью, словно это был не конверт, а ядовитая змея. Он сощурил глаза, взгляд стал острым, цепким, и внимательно осматривал моего друга будто видел его впервые.

Вот тут я и понял, что сплоховал. Не надо было лезть со своими словами в разговор. До этого всё складывалось неплохо и, видимо, по плану. Я всё испортил. Сейчас милиционер поднимется, скажет громиле: «Вы кто такой? Это что, взятка?» — и всё!

Но вмешался козлорородый. Он подскочил к столу, схватил конверт и стал жадно пересчитывать деньги. Все это он проделал с такой скоростью, что милиционер не успел ничего произнести. Пальцы типаря мелькали, шуршали купюры, он бормотал под нос: «Раз два пять-сот тысяча» — и глаза его блестели, как у ребёнка, дорвавшегося до сладкого.

Громила кашлянул. Неестественно. Резко. Казалось, рядом выстрелила гаубица. По крайней мере, у меня заложило уши. Милиционер вздрогнул, оторвался от своих подозрений и перевёл взгляд на громилу. Тот стоял спокойно, чуть расставив ноги, руки в карманах плаща, лицо невозмутимое, будто и не он только что нарушил тишину взрывом кашля.

Тут же послышался топот. Мне показалось, что несётся стадо буйволов. Дверь едва не слетела с петель. Но вместо спецназа в кабинет ввалились: майор-буденный, два милиционера, две морды в штатском и ещё один мой друг — второй громила.

Увидев их, козлорородый пискнул и рванул к окну, чуть не споткнувшись о ножку стула. Но первый громила схватил его за шиворот с такой лёгкостью, будто тот весил не больше мешка с перьями. Было смешно от того, как типарь бежит, болтаясь на весу в руке товарища с Лубянки.

Майор резким шагом подошёл к столу, к посеревавшему милиционеру, и рубанул с плеча, глядя ему прямо в глаза:— Вы арестованы, Мордасов. Вы позор советской милиции и позор всего советского народа. Ух, негодяй.

Милиционера взяли под руки две морды в штатском и увели. Тот не сопротивлялся и не орал. Ушёл молча. В закат.

— А этого мы давно ловим, — довольный майор посмотрел на уже спокойно висящего козлорородого. — Ну, что, Борода, попался? Теперь не отвертишься, — майор радостно похлопал типаря по щеке, легонько, почти по-дружески. — Я говорил всем, что поймаю тебя. Три рубля выиграл в споре, — и он весело рассмеялся, хлопнув в ладоши. — Передайте этого элемента нашим сотрудникам, пожалуйста.

Первый громила опустил Бороду на пол, и его тут же увели, подталкивая в спину. Я стоял и только хлопал глазами.

Майор подошёл ко мне, выпрямился во весь рост и, глядя прямо в глаза, произнёс:— Спасибо вам, гражданин Скоморох, — он пожал мою вялую руку, крепко, по-деловому. — За помощь в поимке целой банды, уже год промышляющей в нашей столице!

Я, наверное, в этот момент выглядел глупо, ибо громилы, взглянув на меня, покатались в беззвучном смехе. Страшно себе представить, что было бы с нашими с майором ушами, если бы они заржали вслух.

— То есть я свободен? — я почесал голову.

— Ну конечно, дорогой товарищ, — майор был весел, его глаза блестели. — Считайте, что вы никогда и не были задержаны.

— Ну-ну, — недовольно пробурчал я, скрещивая руки на груди. — Всегда у вас так: сначала задерживаете, потом говорите — «не было у нас такого». Слушайте, а что за банда-то эта?

Майор пригласил нас присесть. А сам уселся на место задержанного милиционера — откинулся на спинку стула, положил ногу на ногу. Я сел на своё место, ощутив холод продавленного сиденья. Громилы, окинув взглядом ветхие стулья, предпочли остаться на ногах .

— Банда вымогателей и мошенников, — начал майор, постукивая пальцами по столу. — Год или даже больше промышляют. Схема проста. На улице подкидывают прохожим кошелёк с деньгами и инициалами. Потом появляется бабулька или мужчина, говорит прохожему, что тот украл у него кошелёк. Прохожий, конечно, начинает возмущаться, находит у себя в кармане «украденный» кошелёк, пугается или оправдывается. Но тут появляется милиционер и грозит арестом. Естественно, большинство граждан пугается. Ну и «жертва ограбления» предлагает всё уладить деньгами. Милиционер говорит, что если заявления от «жертвы» не поступит, то он тоже отпустит «вора». Так и промышляли.

Он сделал паузу, провёл рукой по усам и поднял палец вверх:

— Но до сегодняшнего дня мы даже не думали, что тем милиционером окажется настоящий сотрудник. Мы думали, это переодетый бандит!

Я мысленно представил описанную картину — бабулька с корзинкой, растерянный прохожий, угрожающий милиционер — и вынужден был согласиться: большинство людей, даже зная, что это подстава, не захотят долгих разбирательств ни с кем. Проще деньги отдать и не трястись от страха. В груди кольнуло: а если бы я не дозвонился Петровичу?

— А как же та бабулька? — спросил я, почти физически ощущая, как она залепила мне по спине тростью .

— Не переживайте. Задержана час назад.

— Вы спланировали операцию. Это понятно, но как вам удалось столь быстро всё привести в исполнение после моего звонка?

Майор посмотрел на меня непонимающе.

— А куда вы звонили?

— На Лубянку, — я смешался, потёр затылок. — Ну, часа за два до вот этого вашего ареста банды.

— Мне ничего не известно про ваш звонок, — серьёзно ответил майор, постукивая пальцами по столу. — Сейчас только от вас услышал.

— Но — я замаялся, ничего не понимая. — А как вы тогда вышли на банду и почему решили, что я не виновен?

Лже-Буденный шмыгнул своим мясистым носом, почесал переносицу и усмехнулся.

— Ну, вообще, вы настаивали на звонке на Лубянку ещё днём, помните? — спросил он меня. — А я убеждён: если гражданин просит позвонить на Лубянку, при этом называя должность и инициалы того, кому нужно дозвониться, то лучше позвонить. Если гражданин выдумщик, то ничего серьёзного не случится от звонка. А если не выдумщик — то серьёзное случится от незвонка. — И майор гордо откинулся на спинку стула, явно довольный своим каламбуром. Его глаза блестели, будто он только что разгадал сложную головоломку.

— Вот я и позвонил. Подполковник Гладышев приехал сюда через полчаса после моего звонка

— Как?! — вскричал я, не веря своим ушам. — Петрович был здесь и не проведал меня? Майор слегка улыбнулся.

— Когда я ему всё рассказал и поделился с ним своими мыслями, мы решили брать банду на живца. То есть на вас. Поэтому надо было, чтобы вы вели себя естественно. Понятное дело, если бы к вам никто не пришёл, мы бы выпустили вас завтра с утра.

Я простонал, уронив голову на руки. Опять я игрушка в чьих-то руках. Надоело. Я прямо так и сказал майору. Он не обиделся, лишь чуть приподнял бровь.

— Вы только что исполнили свой гражданский долг, — спокойно ответил он.

«Интересно, сколько раз мне его ещё исполнять придётся?» — подумал я, но промолчал.

— Хорошо, — промямлил я, потирая виски. Голова гудела от всего произошедшего. — А как вы вообще узнали о банде, если все молчали и на месте решали вопрос?

— Ну, не все, — майор откинулся на спинку стула. — Некоторые наотрез отказывались и прямо просили милиционера идти разбираться в участок. Как они потом заявляли, в этом случае бандиты просто убегали. Иногда даже оставляя деньги.

— А кто из них подбрасывал кошелёк? — спросил я, всматриваясь в лицо майора.

— Точно не могу сказать, — майор задумался, нахмурил брови. — Следствие установит. Но два свидетеля утверждают, что это был какой-то мальчишка

И тут я вспомнил налетевшего на меня шкета — того самого, который меня жмотом обозвал. Я поделился этой новостью с майором. Тот согласился, что это может быть он, и сделал пометку в блокноте.

— Простите, Виталий Алексеевич, — прогудело сбоку, заставив меня вздрогнуть. — Но пора ехать

Я повернул голову на звук.

— Домой? — с надеждой спросил я, чувствуя, как внутри просыпается слабый огонёк облегчения.

Один из громил отрицательно покачал головой.

— К Якову Петровичу, — объяснил второй. — Он дал нам приказ доставить вас мёртвым или живым.

Я вздохнул, провёл рукой по лицу, пытаясь собраться с силами. В висках стучало, а ноги вдруг стали ватными.

— Давайте, мужики, лучше живым доставьте, — пробормотал я и, попрощавшись с майором за руку, потопал к выходу.

## Пингвины подождут, а полимеры — нет

Путь до Лубянки мы проделали молча, словно играли в молчанку на ящик коньяка. Я жутко хотел спать и всё время зевал, хмуро уставившись в окно. Предстояла встреча с Гладышевым, и я уже недовольно представлял себе его подколы.

Первым нарушил молчание громила, сидевший справа. Как только мы остановились у парадного входа, он с ловкостью тигра (ну, или, скорее, медведя, решившего, что он тигр) вынырнул из машины и пробасил:

— Идёмте, Виталий Алексеевич.

Ничего не оставалось, как переться за ним на второй этаж. В голове крутилось: «Ну вот, сейчас начнётся»

Петрович сидел за столом с видом человека, выигравшего миллион долларов. Причём не облагаемых налогом. Его пальцы небрежно перебирали скрепки на столе, а глаза блестели, как у кота, нашедшего сметану — и ещё одну сметану, и, возможно, даже торт со сметаной.

Я устало доплёлся до стула, бухнулся на него и, чтобы сбить спесь с его морды, специально уронил голову на стол и нарочито громко захрапел.

— И вам добрый вечер, товарищ Скоморох, — услышал я его голос. — Знаете, мы явно не прогадали тут, давая вам такую фамилию.

Зацепил-таки я его. Я поднял голову, провёл рукой по лицу, будто стирая следы своего театрального выступления. — А вам известно, — спросил я, — что над фамилией Сталин шутить нельзя?

Петрович с любопытством, с каким соседи прислушиваются к крикам из-за стенки (и при этом делают вид, что ничего не слышат), оглядел меня. — Очень странно, — произнёс он медленно. — Мы сейчас говорим о вашей фамилии, а не о вождах.

Я отмахнулся, чувствуя, как внутри закипает раздражение. — Вот я здесь, — сказал я громче, — и разрешите мне полюбопытствовать: зачем вы, товарищ подполковник, достойного гражданина, только что исполнившего свой гражданский долг, рискуя свободой, соизволили к себе вызвать?

Гладышев постучал пальцем по столу. Его взгляд вдруг потерял весёлые огоньки, стал жёстким, почти холодным, как у продавца мороженого, который вдруг понял, что у вас в кармане нет ни копейки. — А теперь серьёзно, Виталий Алексеевич, — проговорил он тихо, явно сдерживая раздражение. — Мы с вами договаривались, что вы будете избегать неприятностей? Так?

Я нахмурился. Этот тип начинал меня уже доставать. ? Да я их нахожу, как грибок — мухоморы. Но это сугубо мое дело. — Послушайте и вы, Яков Петрович, — в тон ему ответил я. — Я, блин, взрослый человек. И могу распоряжаться своей жизнью сам как захочу. Разве нет?

Петрович аж поперхнулся, будто я предложил ему выпить стакан рассола с перцем. — Если это так, то чего вы не распорядились своей жизнью в милиции? — усмехнулся он. — А молили Подгорного, чтобы он позвонил мне? — Кого? — я уставился на него. — Майора, — отрезал Петрович. — Я вам, по-моему, уже говорил, что из-за вас я получил подполковника. И терять это звание, опять-таки из-за вас, я не хочу. Я вас вытащил от военных, я вас вытащил из рук Грызункова. Теперь вырвал из милиции. Откуда мне вас, ответьте, ещё нужно будет вытаскивать?

И он впился в меня таким взглядом, что мне вдруг реально стало стыдно. Ведь он говорил правду. В голове пронеслось: «Да, Виталий, ты как магнит для неприятностей. Может, тебе табличку повесить: Осторожно, притягивает проблемы?»

Я что-то буркнул в ответ извиняющимся тоном, а потом начал оправдываться, рассказывая, как мне тут тяжело — в не-своё время, без друзей, без привычной жизни и тому подобное. Завершил я своё излияние всё же новым обвинением в адрес Петровича.— И в милицию я попал только благодаря вам, — закончил я своё душещипательное десятиминутное повествование.

Петрович откинулся на спинку стула. Сейчас он походил на человека, которому сказали, что вся его зарплата уходит в фонд мира. Или на фонд спасения пингвинов. Или на фонд покупки скрепок для всего здания.— Очень интересно, — проговорил он. — И каким таким образом я виноват, что вы оказались в милиции с чужим кошельком и деньгами в этом кошельке? — поинтересовался он.

Я наклонился к столу, чувствуя, как нарастает раздражение.— А нечего мне было говорить, что вы ко мне конвоира приставили!

Петрович чуть приподнял бровь, как философ, услышавший особенно наивный вопрос от ученика.— Продолжайте, мне интересен ход ваших мыслей.

Сейчас он снова меня раздражал. Не подколами и шуточками-прибауточками, а снисходительным тоном и серьёзностью.

— Просто поймите. Мне не нужен тот, кто будет контролировать каждый мой шаг. Я понимаю, — перебил я хотевшего что-то вставить подполковника, — что я важная персона, коль являюсь родственником самого Но никто этого не знает, как вы сами говорили. И когда вы мне сказали о конвоире, я поверил вам. И решил спровоцировать конфликт с милицией, чтобы увидеть рожу конвоира. Он ведь должен был пресечь этот конфликт, да? А я хотел увидеть его лицо, чтобы в будущем меня не нервировало то, что когда я гуляю по Москве, за мной следует какая-то незнакомая мне фигура. Невидимая для меня. Я ж не знал, что вы пошутили в своей манере, и никакого конвоира и близко не было

Петрович молча слушал, слегка покачивая головой, будто оценивая каждое слово. Когда я закончил, он откинулся на спинку кресла, сложил пальцы домиком и посмотрел на меня с лёгкой усмешкой.— А почему вы решили, что конвоира не было? — спросил он.

— Потому что он не ввязался в конфликтную ситуацию с милицией, и обо мне вы узнали только после звонка от майора, — похвастался я своим дедуктивным методом.

Петрович улыбнулся и потёр рукой лицо. В его глазах мелькнуло что-то вроде восхищения чужой наивностью.— Просто этот охломон вас упустил, — ответил он, и в его голосе прозвучала нотка снисходительной теплоты.

Я уставился на него, как бык на красную тряпку, чувствуя, как внутри всё напряглось.— Не понял. То есть конвоир всё-таки был?

Петрович лишь слегка кивнул головой, подтащил к себе исписанный лист бумаги, вчитался в строчки. Его пальцы медленно скользили по строкам, будто проверяя каждое слово, словно он был ювелиром, оценивающий бриллиант.— Из рапорта, — начал он мне цитировать, — «объект появился на улице в начале десятого, поздоровался. На предложение подождать десять минут махнул рукой и ушёл обратно в дом. Мы прошли в парадную, там удобнее было примерять ботинок»

Я резко выпрямился, вспомнив подозрительного персонажа утром у Арсения.— Тип в длинном плаще, шляпе и очках! — торжествуя перебил я Петровича. — Я сразу раскусил его!

Петрович бросил на меня короткий взгляд, чуть приподняв бровь, и продолжил:— Мы пробыли там ровно пять минут. Когда вышли, объекта на улице не было. Я решил ждать. Но через полчаса ожидания объект так и не вышел. Я принял решение подняться на квартиру к объекту, где и выяснилось, что он исчез. Опросил жильцов, которые были дома, дворничиху, но никто ничего не видел. Я прошёл к телефонной будке и позвонил вам. Считаю, что объект вышел в промежутке, когда мы заходили примерять обувь. Не снимая с себя вины, всё же

вынужден отметить, что операция была плохо подготовлена. Играть роль настоящего сапожника не следовало, ибо невозможно предугадать все действия в этом случае

Он положил бумагу на стол и посмотрел на меня.

До меня дошло внезапно, будто ледяной водой окатили. Сапожник! А я с ним мило разговаривал, почти друзьями стали— Арсений! — воскликнул я. — Вот двуличная скотина. А я ему верил

Подполковник глянул на меня исподлобья — так, будто я только что съел его любимый бутерброд с красной икрой и не оставил даже крошки.— Виталий Алексеевич, — строго сказал он, — вы, вообще-то, говорите о нашем сотруднике, который выполнял задание. Выбирайте выражения. Этот человек ночами и днями не спал, а был начеку.

Я снова почувствовал раздражение от того, что был неправ, но тут же подавил его, представив, как этот самоотверженный сотрудник, не спавший ночами, сейчас, возможно, дремлет за углом, прикрывшись газетой «Правда» и поставив рядом стакан с чаем.

Петрович снова взял рапорт и, найдя нужное место, молча прочитал. Его пальцы при этом так торжественно держали бумагу, будто это был не рапорт, а грамота о присвоении звания Героя Советского Союза.— Между прочим, — продолжил он, — наш сотрудник отзывается о вас в положительном тоне. Сделал даже приписку, что если бы не задание, то вы были бы настоящими друзьями, — он усмехнулся, и усмешка эта была такой широкой, что я почти услышал, как где-то вдалеке заиграла торжественная музыка.

— Извините, — пробормотал я, вконец добитый. — Плохой день, плохое настроение, в сон клонит.— Вот и славно, — ответил Петрович. — Зарубите себе на носу. Конвоир у вас будет. Правда, теперь вы будете знать его в лицо. Обещаю.

Мне надоели его игры, и я кивнул головой, лишь бы он от меня отвязался и я мог ехать домой и завалиться спать. В этот момент я представил, как завтра увижу своего нового конвоира — наверняка это будет какой-нибудь монументальный тип с лицом, высеченным из гранита, и взглядом, способным остановить танк. И мы будем ходить по Москве, как два старых приятеля: я — зевая, он — бдительно оглядываясь по сторонам.

— Ну а теперь давайте перейдём к делу, ради которого, я, в общем-то, вас и вызвал, — загнал меня в угол подполковник.

Я про себя застонал, но так тихо, что даже мышь под столом не услышала бы. Мой сон откладывался на хрен пойми какое время — а я уже мысленно расстелил постель, натянул одеяло до подбородка и погрузился в блаженное забытие. Теперь же приходилось возвращаться в реальность, где меня ждали новые загадки, тайны и, возможно, ещё один рапорт.

— Что за дело? — буркнул я. — Надо спасти пингвинов или накормить пигмеев в Африке?

Петрович едва заметно усмехнулся.— Пигмеев оставим на потом, — ответил он. — Пока они сами о себе могут позаботиться. Нам же надо сейчас позаботиться о себе.

Я недоверчиво уставился на него.— Надо же! — притворно воскликнул я. — А как же революция за угнетённых? Вста-ва-ай, про-о-кля-ать-е-ем, заклейте-е-енный весь ми-и-ир голодных и рабов

— Хватит паясничать, — сказал Петрович, но в глазах его мелькнуло что-то вроде одобрения. Я почти услышал, как он мысленно подпевает последней строчке.

— Речь о наших с вами полимерах, — добавил он уже серьёзно, слегка наклонившись вперёд и понизив голос.

Я сразу осёкся и наострил уши.

Я молчал и следил за подполковником. Тот нетерпеливо постукивал пальцами по столу, пока искал записку, затем схватил её и развернул с таким видом, будто это был лотерейный билет с главным выигрышем.

— Пока вы выкидывали свои выкрутасы сегодня утром, — начал он, — пришла записка оттуда, — сказал он многозначительно, приподняв бровь. — Ровно через четырнадцать дней комиссия заслушает ваш доклад о производстве полимеров. Вам, Виталий Алексеевич, за это время нужно будет сделать подробнейший — он вздохнул так тяжело, будто его лишили премии, — повторяю, подробнейший доклад и приготовиться ответить на любые вопросы по этой теме.

— Я не понял, — я действительно ни черта не понял. — Доклад о чём?

Петрович недовольно посмотрел на меня и на мгновение прикрыл глаза, словно молился о терпении. Затем он резко выпрямился и скрестил руки на груди. — Доклад о запуске производства, — отчеканил он. — Что нужно, как нужно, сколько времени это займёт и так далее. Что такое полимеры, с чем их едят и для чего они нужны. Вам понятно так?

Я кивнул, машинально потирая глаза.

— Но мне понадобится— А вот что вам для этого доклада понадобится, — перебил меня подполковник, — вы мне завтра доложите. В 14:00 я жду вас здесь, у себя. С конкретными требованиями. Машину за вами пошлют. Всё ясно?

«В два часа дня Прощай, мой сон», — мысленно застонал я.

— Вот и славно, — проговорил Петрович. — Спускайтесь вниз. Машина отвезёт вас домой. Отдохните часок-другой и за работу.

Я встал, едва сдерживая зевок. Наивный подполковник. Он думает, что ради какого-то доклада я буду невысыпаться? "Ага, щас," — усмехнулся я про себя, направляясь к двери.

## Цена доклада

Ну и, как вы, наверное, догадались, уснуть я не смог. Я ворочался на диване, будто пытался улечься в телефонной будке, но думал не столько о производстве и докладе, сколько о сроке в 14 дней и о попытках смыться в 2024 год. Домой. Туда, где вместо «товарищей» говорят «чувак», а вместо «выполнения задания» — «я на это не подписывался».

Всё же срок до комиссии был достаточным, чтобы теперь чётко проработать мой план и получить всё, что ему требуется для выполнения. Быстрою по нынешним меркам машину. Ну, чтобы она хотя бы заводилась с третьего раза, а не с десятого. Двух зумеров Возможно, деньги. Хотя бы столько, чтобы хватило на бутерброд с колбасой и проездной. Петрович, конечно, не Рокфеллер, но и не совсем уж скупердяй.

Всё это нужно выбить из Петровича под предлогом работы над докладом. Главное не попросить случайно личного повара и дворецкого. А то он сразу заподозрит неладное.

Заснул я только утром, предварительно выверев свой разговор с подполковником. В голове он уже прошёл в трёх версиях: в первой я его убедил, во второй он меня, что я идиот, в третьей мы вместе решили, что полимеры — это заговор инопланетян, и пошли пить чай.

Мне снились не добрые сны о Винни-Пухе, Чебурашке и отдыхе на Гавайях, а хрень какая-то. Я стоял и смотрел на квадрат Малевича, который вдруг превратился в круг, а потом начал разрастаться до размеров большой чёрной дыры. В дыре что-то шевелилось и у меня, наверное, даже спящего, от этого зрелища шевелились волосы.

Оттуда начало что-то проступать. Что-то мерзкое, страшное и подозрительно похожее на Грызункова, только с лишними лапами и хвостом, который он явно считал стильным аксессуаром. Его глазки сверкали злобно, он что-то шептал, но я не слышал. Я сделал шаг поближе, и тут из дыры рванула крысиная лапа.

Я, уворачиваясь, упал, но лапа вцепилась мне в плечо и начала трясти меня, как нашкодившего котёнка. Ультразвук заполонил всё пространство. Это кричал Гаврило.

— Вставайте, Скоморох, вставайте Вы проспали уже три будильника. Время мало для побега. Вы не успеете.

Я отбивался и в ужасе вопил:— Мне хватит времени! Хватит!

Но крысеныш смеялся и орал:— Времени не хватит, если не встанешь. Останешься здесь навсегда. В лабиринте без сыра.

И он кошмарно засмеялся.

Я со стоном открыл глаза. Надо мной стояла Анна Степановна и тихонько трясла меня за плечо.

— Виталий Алексеевич, вставайте, — говорила она. — Времени уже мало. Я рывком сел, соображая, что это был только сон. Но, чёрт возьми, всё было как наяву. Будто Грызунков и правда где-то рядом затаился — может, под кроватью, может, в шкафу, а может, и вовсе в чайнике.— Уже одиннадцать часов, — произнесла Анна Степановна. — Яков Петрович звонил, просил навестить вас и посмотреть, чтобы вы не проспали. Сказал, что машина будет у парадной в час тридцать. Я встал. Одиннадцать часов. Значит, проспал я менее четырёх часов. Чёртовы полимеры, чёртов доклад, и чёртово попадание во времени.— Сейчас завтрак принесу, — проговорила дворничиха.— Не стоит, Анна Степановна, — возразил я. — Достаточно будет вашего чудесного чая и бутерброда с маслом. Она остановилась, оглядела меня с ног до головы. — Ну какой бутерброд? — воскликнула она. — Вы молодой мужчина. Вам питаться хорошо нужно. А то вон какой худенький. Эх, нет у вас жены, чтоб подкормить вас. У меня, кстати, у подруги есть дочка. Хорошая, хозяйка. Вас надо познакомить с ней. Глядишь, и женитесь. А то куда мужчине без жены?«О нет, только не это», — мысленно застонал я. У меня тут и

так проблем выше крыши, ещё и знакомиться меня тащат. Я вдруг подозрительно посмотрел на дворничиху. Мелькнула мысль, что эти разговоры о знакомствах и женитьбе это не её рук дело, а ей приказал озвучить это подполковник. Может, он женитьбой решил меня заставить остаться в этом времени? «Ну уж нет, — подумал я. — Я не настолько устал от жизни, чтобы жениться только ради того, чтобы Петрович был спокоен». Но в ответ я только улыбнулся и ответил:— Где ж мне с молодой женой жить-то? Не на съёмной же квартире. Вот как только получу свой шикарный и просторный угол, тогда и поговорим, Анна Степановна. Она покачала головой и ушла за завтраком. Я же пустился в размышления, ещё раз выстраивая свой разговор с Петровичем.

\*\*\*

Машина действительно подъехала ровно в час тридцать. Я уже изнывал, торча на улице десять минут. Погода явно подпортилась, накрапывал мелкий колючий дождик. Такой, что, казалось, его напустили специально, чтобы напомнить: ты не на Гавайях, а в Москве. Я прятался под небольшим козырьком парадной, матеря на чём свет стоит свою глупость.

Дело в том, что я вышел пораньше, чтобы увидеть Арсения и поговорить с ним за жизнь. А ещё высказать ему всё за то, что он обвёл меня вокруг пальца, разыгрывая передо мной добродушного мужичка, когда сам просто следил за мной. В мою умную голову почему-то не пришло, что он, провалив задание, видимо, отстранён и больше здесь не появится. Его сапожная мастерская была закрыта, и я остался под дождём, убеждая себя, что это не ошибка, а «тактика выжидания».

Из машины выскочил шнырь, буркнул что-то вроде «здравствуйте», открыл передо мною дверь, будто я был птицей высокого полёта. Потом закрыл, обежал машину и уселся рядом с водителем. Того я сразу узнал. Это был тот самый Кинг-Конг. Теперь при дневном свете я мог его разглядеть чуть лучше. Николая Валуева знаете? Ну так он выглядел бы среднестатистическим человеком по сравнению с водителем. Эта пара — Кинг-Конг и шнырь, сидя рядом, напоминали мне пролёт великой Китайской стены и одиноко стоящий столбик ворот. В плане ширины плеч, я имею в виду.

Мне захотелось познакомиться с Кинг-Конгом, но то ли он получил приказ, то ли он был глухонемым, то ли у него чрезвычайно было раздуто чувство собственного достоинства, но он на все мои вопросы реагировал молча. Встрял шнырь и высокопарно объяснил мне, что я сейчас должен сосредоточиться на служении Отечеству, а не травить байки.

Без десяти два мы подкатали к главному входу на Лубянке. Я вежливо попрощался с ребятами, но машина уже рванула с места. Перед дверью я на секунду замер, выдохнул и мысленно повторил ключевые пункты разговора с Петровичем: «Главное не просить личного дирижабля».

Через десять минут я здоровался с Петровичем.

Сам он был в приподнятом настроении. Сразу видно — человека не потревожила бессонная ночь. Мундир был выглажен, пуговицы блестящие, как начищенные пятаки, аж слепили глаза.

— Виталий Алексеевич, — пожал он мне руку, — вижу, вижу. Выспались, отдохнули. Присаживайтесь.

Я решил, что он глумится надо мною. Во-первых, я ни хрена не выспался, во-вторых, озяб под дождём и не отогрелся в машине, где печка, видимо, была секретной опцией, доступной только генералам. Хоть бы чаю предложил

Прежде чем моя мысль о чае закончилась, Петрович спросил:

— Может, чайку?

Я сам не понял зачем, но я отказался. Может, чтобы позлить его, может, чтобы казаться бодрячком.

— Ну что ж, — не стал настаивать он. — Тогда сразу к делу. Итак, всё обдумали? Не упустили каких-либо деталей?

Я сказал, что как вернулся от него и до самого приезда машины корпел над черновиками. Он попросил меня ознакомиться с этими черновиками.

Я ответил, что черновики — умственные. И находятся в мозгах.

Петрович крикнул и постучал пальцами по столу, будто считал до десяти, чтобы не сказать лишнего. Я наслаждался этим моментом.

— Значит, будем работать по памяти, — наконец произнёс он.

Я начал приводить свой план в действие.

— Яков Петрович, — я хитро посмотрел на него, — сначала обрисую ситуацию в целом. Нам требуется, чтобы доклад был полным, чтобы ребята из комиссии сразу всё уразумели и не бегали потом по пятам с требованием объяснить непонятные вещи. Так?

Петрович вздрогнул при слове "ребята", будто я выстрелил в воздух. Его рука непроизвольно дёрнулась, словно он хотел прикрыть мне рот. Он резко обернулся к двери, потом к окну, потом снова на меня.

— Значит, — продолжил я, стараясь говорить ровнее, — я должен описать весь путь от А до Я, начиная с азов, чтобы заинтересовать их. А это невозможно сделать за 14 дней.

Если бы я сказал, что за 14 дней невозможно дойти пешком до Луны, то и тогда бы Петрович не выглядел так разочарованно. Он слегка побледнел, губы превратились в линию Маннергейма, глаза спрятались за веками, а ладони сжались в кулаки. Он шумно вздохнул.

— И что вы предлагаете? — спросил он внезапно охрипшим голосом.

— Я предлагаю дать мне всё то, о чём я вас попрошу, чтобы уложиться в срок, — ухмыльнулся я, глядя на его изумлённо вытянувшееся лицо.

Он замахал руками и почти заорал:

— Виталий Алексеевич, что за шутки у вас дурацкие? Я вам и сказал вчера: просите что нужно для полного доклада!

Он пыхтел от негодования, чем доставил мне удовольствие. Не ему одному подсмеиваться надо мною.

— Яков Петрович, — спокойно сказал я. — Я это сказал, чтобы вы ясно понимали: под словами «то, что мне нужно будет» нужно понимать именно «то, что мне нужно будет», а не «посмотрим, надо согласовать» и тому подобное. Иначе — я сделал паузу, — иначе я не успею подготовить доклад. И тогда всем вашим надеждам на производство полимеров какук, понимаете?

Петрович посмотрел на меня серьёзно и тихо рубанул в ответ:

— Тогда, боюсь, вместе с какуком для полимеров настанет какук и — он не договорил фразу.

Я похолодел. В голове пронеслось: «Какук Он не про доклад. Он про меня».

— Кому? — спросил я, но Петрович проигнорировал мой вопрос.

— Итак, выкладывайте, что нужно, — потребовал он.

— Первое, — начал я, загибая палец на руке, — отдельное помещение. И такое, чтобы спокойно можно было работать. Без плесени, крыс, забеганий посторонних. На квартире работать — такое себе. Да там у меня сосед дядя Ваня каждую ночь репетирует оперные арии. Вчера дошёл до «Кармен», боюсь, сегодня возьмёт «Аиду» — я не выдержу.

Петрович кивнул, записывая у себя на листке.

— Это я предвидел, — пробормотал он.

— Второе, — второй палец пошёл на загиб, — полное оборудование в это помещение. Столы, кульманы, ватманы, карандаши, трафареты и так далее. Список я вам предоставлю. И желательно, чтобы карандаши были заточены. А то знаю я эти советские поставки — пришлют коробку тупых карандашей с запиской «Заточите сами, товарищи».

Петрович только кивнул.

— Третье. Два, а лучше три инженера-конструктора мне в помощь. Работы будет много, и я один не справлюсь, бегая от письменного доклада до чертежей.

— Разумно! — похвалил меня мой друг. — Я об этом даже не думал. — Но вы ведь не инженер, — поддразнил я его. — Вы же подполковник, а не инженер. У вас в дипломе наверняка написано «Искусство грозно стучать кулаком по столу», а не «Теория сопротивления материалов». Петрович хмыкнул, но не обиделся. — Четвёртое. Мне нужен мой смартфон. — Зачем? Он сейчас в нашей лаборатории. Над ним работают. Я простонал, представив, что сейчас с моим гаджетом. Наверняка како-нибудь усердный лаборант уже разобрал его до винтика и пытается понять, почему эта штукавина не стреляет и не передаёт шифровки в Вашингтон. — В нём хранятся материалы и документация, очень важная для нашего дела, — в отчаянии сказал я. — Я ж как раз ехал по работе, когда случайно забрёл к вам. Надеюсь, его ещё не разобрали. Петровича передёрнуло. Он схватил телефон. — Зайди, — рявкнул он в трубку. Не успел он опустить её, дверь открылась, на пороге появился шнырь, который сопровождал меня сюда. — Немедленно звони в лабораторию. Объект БМТ2. Срочно прекратить все разработки и привезти его сюда. Шнырь поднял бровь, и подполковник мотнул головой. — За orderом зайдешь к Капитонову. Живее! — снова схватил трубку. — Евгений Павлович, Гладышев. Срочно нужен order на изъятие — он пару минут бормотал в трубку. — Привезут, — сказал он мне. — Сегодня. Надеюсь, всё в порядке. А если? — он поднял на меня глаза. — Если сломали, то задница, — хмуро ответил я. — Но что-нибудь придумаем, — добавил я для уверенности. — Может, у них там в лаборатории ещё один завалился? Ну, знаете, как с карандашами — один заточенный на десять тупых. Петрович на секунду задумался, будто прикидывал, сколько смартфонов может храниться на советских складах, и покачал головой: — Боюсь, таких «завалившихся» у нас нет.

## От Мерседеса с блондинкой до суточных в 176 рублей

Подполковник сделал пометку в блокноте.

— Пятое, — я показал ему кулак, — мне нужен автомобиль. Не старый, не развалюха. Желательно быстрый

Петрович уставился на меня непонимающим взглядом двоечника.

— Для чего? Сбежать от нас надумали? — улыбнулся он, не подозревая, как он близко подобрался к моей цели.

Мне с трудом удалось сохранить обычное выражение на лице.

— Вы угадали, Яков Петрович, — я приложил максимум усилий, чтобы голос не дрогнул, — хочу сбежать за границу, как в шпионском фильме. На белом «Мерседесе», с блондинкой за рулём и чемоданом долларов. Жаль, что у вас тут ни первого, ни второго, ни третьего не водится.

Он что-то чиркнул на листке.

— Ну а серьёзно, зачем вам автомобиль? Вас будут отвозить/привозить на работу и с работы

Надо убедить его, или план провалится. Я собрал всю волю в кулак.

— Слушайте, Яков Петрович, мне нужна полная свобода действий. Вдруг чтото понадобится срочно, а я без машины стою и машу рукой, как пионер на перекрёстке.

— Там телефон будет, — возразил он. — Один звонок и

— Это хорошо, я понимаю, но иногда проще, когда ты мобилен.

— Когда кто?

— Мобилен, способен быстро передвигаться, — пояснил я. — К тому же, как я говорил, доклад должен быть полным. Мне предстоит поколесить по окрестностям Москвы, выбрать несколько подходящих мест для производственных цехов. А то вдруг комиссия решит, что идеальный цех это подвал в моём доме?

Петрович отрицательно покачал головой.

— Если решение примут положительное, то тогда и начнём работать в этом направлении, — сказал он.

— И будем терять драгоценное время, — хмыкнул я. — Давайте, знаем мы ваши бюрократические штучки. Год, а то и два искать будут, сверять. А тут в докладе уже три-четыре варианта можно им сразу предложить — с адресами, схемами и даже меню столовой при цехе. Но дело ваше. Мне торопиться некуда — я умолк и сделал вид, что мне всё равно.

Петрович почесал затылок, сравнивая два варианта.

— Ладно, — пробубнил он, — машину, видимо, придётся выделить.

Я мысленно поставил себе пятёрку в графе «Убеждение».

— Это всё? — подполковник уже начал тянуть руку к телефону.

— Нет, — ответил я. — Ещё нужен кинооператор.

Этим я его добил. Рука безжизненно рухнула на стол. Он уставился на меня, будто я попросил прислать ему на обед живого мамонта.

— Опять ваши шуточки? — спросил он.

Я улыбнулся самой дружелюбной улыбкой — той самой, с которой обычно просят денег в долг у тех, кому уже должны.

— Никак нет. Скажите мне, мой друг, как вы представляете себе доклад?

Петрович минут пять бубнил что-то в духе монотонно-усыпляющего унылого отчёта, который никто и никогда в здравом уме слушать не будет. Нет, для вида послушают, конечно.

Но вникать точно никто не будет. Честно говоря, и я бы уснул сейчас, но меня волновала другая мысль.

— Можно тогда ничего не начинать, — ответил я, когда мой собеседник дотарахтел последнее слово. — Это провал изначально

Я откинулся на спинку стула с видом человека, которому стало всё неинтересно вокруг.

— Почему же провал? — возразил Петрович. — Официальный доклад. Официальным языком.

— Да никто ничего не поймёт, если я буду гундеть так, как вы сейчас предлагаете, — я подался вперёд. — Но вы заметили правильно — это доклад. Просто доклад. А нам нужно продать идею. Понимаете? Заинтересовать. Чтобы её купили. Нужна презентация. Яркая, образная, чтобы зацепила тех старых пней, кто будет её слушать. С видеорядом — вот, мол, цех будущего: станки сверкают, рабочие улыбаются, даже уборщица в халате с иголки. Графики! Чтобы они увидели, как кривая роста улетает в космос, как ракета. Макеты! Чтобы можно было потрогать, покрутить, а если кто-то особенно любопытный — даже постучать пальцем и сказать: «А вот тут я бы сделал иначе».

Подполковник снова напрягся.

— Виталий Алексеевич, давайте без таких вот «старых» чревато это

Я лишь отмахнулся:

— Если не сделать так, как я говорю, — значит, не сделать ничего.

Петрович сидел с таким видом, будто ему насыпали толчёного стекла на стул. Я ясно видел, как в нём борются два противоположных чувства. Ему явно понравилась моя идея, а с другой стороны, она была новшеством, за которое его могли и покарать. Но он всё же согласился. Я ликовал. Теперь последнее моё требование будет произнести легче, ибо оно будет логичным продолжением.

— И ещё, — я сделал паузу, но решился. — В помощь мне понадобятся те двое подростков, которые тоже сюда попали из будущего.

Я подметил, что взгляд у подполковника стал подозрительным — таким, каким обычно смотрят на подозрительный гриб в лесу: вроде и съедобный, а вдруг отравишься. Как бы не раскусил меня сейчас

— Не понимаю, — протянул он, внимательно, словно прожекторами обшаривая моё лицо своими глазами. — Для чего они вам? Технически непригодны, толку от них нет. Зачем?

Я шёл до конца.

— Смотрите, — объяснил я, — мы устроим шоу-презентацию. Скажите мне, Яков Петрович, у самых лучших ваших кинооператоров есть опыт в рекламе?

Он смешался, развёл руками.

— Именно! — с напором продолжил я. — Нет. Хотите сделать лучшую рекламу? закажите её тик-токерам. Скажите, что хотите видеть, — они вам наснимают это с горкой. За пару бутербродов с колбасой и ещё спасибо скажут. Вот для чего они мне. Свежие идеи видеорекламы. Свежий взгляд. Они будут показывать вашему оператору, что, как и в каком ракурсе снимать, чтобы контент вышел на ура. Научат делать не «просто цех», а «цех мечты»: с замедленной съёмкой, эффектами, может, даже с летающей камерой, чтобы комиссия ахнула и сразу подписала все бумаги. Ну, соображаете, товарищ подполковник?

Петрович нахмурился, почесал затылок.

— Летающая камера? — переспросил он. — Это как?

— Ну, это когда камера летает, — я сделал жест рукой, изображая полёт. — Не буквально, конечно, но почти. Или привяжем к воздушному шарiku — дёшево и сердито. Зато какой эффект!

— Воздушный шарик? — он посмотрел на меня так, будто я предложил запустить в зал живого медведя.

— Символизм, Яков Петрович! — подмигнул я. — Воздушный шарик — это наше светлое будущее. Комиссия увидит — и сразу поверит.

К сожалению, я заметил, что его подозрительный взгляд хоть и убавился, но не пропал совсем. Чёрт, а если откажет? Одному пробовать бежать?

— Да вы не волнуйтесь, — добавил я уже тише, но с нажимом. — Мы всё сделаем строго по плану. Просто чуть ярче. Чтобы они не просто слушали, а запомнили. И чтобы потом говорили: «Вот это доклад! Вот это подход!»

Гладышев погрузился в размышление, и это играло мне на нервы. Я сидел как на иголках, будто я не в кабинете подполковника, а на допросе у инквизиции.

— Так, — произнёс он. — С последним пунктом я не уверен, что смогу помочь. Подростки не в моей разработке. Я подумаю.

Он снова что-то написал на бумаге, будто фиксировал: «*Пункт 7: не доверяйте Скомороху зумеров*». Потом ещё помолчал, постукивая ручкой по столу — ритм напоминал отсчёт до взрыва.

— Да и вся эта идея с кинематографом мне не совсем нравится, — продолжил он. — За такую самостоятельность могут и отправить куда подальше.

Он опять обшарил моё лицо своим взглядом. Я внутренне поежился, казалось, он видит меня насквозь и читает все мои мысли. Особенно ту, где я планирую удрать в 2024 год.

— Ещё есть какие-нибудь требования? — уточнил он сухим голосом.

— Да, последнее, — я постарался снизить напряжение, выдавив улыбку. — Дом в Майами на три спальни, Ferrari и шестизначную сумму на счёте. Желательно в долларах.

Но Петрович словно не услышал её — или сделал вид, что не услышал. Его лицо осталось каменным, как памятник на площади.

— Ну раз нет, — официальным тоном произнёс он, — значит, нет. Пока всё. Ступайте, Виталий Алексеевич. Машина довезёт вас до дома. Я отдам распоряжение.

Лицо у меня, надо полагать, вытянулось.

.— А по моим требованиям? — уточнил я.

— Я их все рассмотрю и ответ дам вечером, — отрезал он. — Ступайте. Ни шутки, ни прибаутки. Видимо, с зумерами я перестарался. Чтото заподозрил он.

Я уже почти дошёл до двери, когда он меня окликнул:

— Виталий Алексеевич! На первом этаже справа по коридору увидите надпись «Секретарь». Зайдите туда и предъявите свой паспорт.

— Хотите меня сюда устроить? — сделал последнюю попытку снизить его подозрительность я.

— Получите там суточные. На две недели, — и он протянул руку к телефону, давая понять, что разговор закончен.

До вечера я проторчал дома, боясь пропустить известие от Гладышева. Когда я вошёл в квартиру, первое, что бросилось мне в глаза, — телефон. Установили, когда я беседовал с подполковником. Ну конечно. Как же без него. Теперь я официально «на связи», а на деле — под колпаком.

Каждые пять минут я подходил к телефону, проверял, работает ли он, и вздрагивал от любого шороха за стеной — вдруг это уже бегут с ответом от Петровича. В какой-то момент мне даже показалось, что аппарат подмигнул мне красной лампочкой.

В голове крутились тревожные сценарии. «А если Петрович всё-таки не даст машину? — думал я. — Без колёс я как без ног: хрен сбежишь. А если и даст, то вдруг пришлёт развалюху, которая заведётся только после третьего круга хоровода вокруг неё с бубном? Да и ехать будет почтенных 60 км-ч»

Но ещё страшнее было представить отказ насчёт подростков. Без них план рассыпался, как карточный домик от дуновения ветра. Нельзя их тут бросать. Это не их время.

«А вдруг Петрович уже всё понял? — холодело внутри. — Вдруг он сейчас не ответ готовит, а отряд для моего круглосуточного наблюдения?»

Я пытался отвлечься: полистал газету, но вместо статей видел только схемы побега; заварил чай — и чуть не опустил туда телефон вместо ложки; сел у окна — а сам всё косился на проклятую трубку, как кот на птичью клетку.

Тут мой взгляд упал на конверт, который я машинально сунул в карман, получив его в секретариате, а придя бросил на диван. Почти забыв о нём, я разорвал бумагу. Внутри лежали суточные: ровно 176 рублей. Я хмыкнул, разглядывая купюры. «Великолепие! — мысленно фыркнул я. — Интересно, что тут можно купить на эти деньги. Видимо, Петрович считает, что для реализации революционной презентации большего и не надо».

Звонок раздался почти в десять вечера. Я вздрогнул от неожиданности, несмотря на то, что всё время ждал этого чёртового звонка, как ведьма ожидает помилования на костре. Рука сама метнулась к трубке.

— Виталий Алексеевич, — услышал я незнакомый голос, — завтра в девять тридцать за вами заедет машина. Отвезёт в комитет. Там на второй этаж, дверь с надписью «Капитонов». Получите инструкции.

— Подождите! — я занервничал, вцепившись в телефон так, будто он мог улететь. — А где подполковник Гладышев?

Минута молчания в трубке показалась мне часом.

— Подполковник Гладышев на задании. В командировке. Всего доброго. В девять тридцать, — и гудки.

Ребята, клянусь, сердце ушло в пятки. Мой мозг лихорадочно строил версии, что случилось. Вопросы сыпались, как из прорвавшейся дамбы: кто такой Капитонов? Какие инструкции? Где Гладышев? Может, это вообще не комитет, а перевалочный пункт перед этапом? Или Петрович решил меня подставить, перекинув на какого-то Капитонова, чтобы потом сказать: «Я тут ни при чём»

Я уставился на трубку, будто она могла дать ответы. *«Инструкции, — мысленно фыркнул я. — Звучит так, будто мне сейчас выдадут брошюру Как не попасть в историю за 24 часа. Или, наоборот, как в неё попасть».*

Естественно, до утра я не сомкнул глаз

## Не согласовано

Без двадцати десять я уже обивал порог Лубянки. К моему удивлению, в машине, которая за мной приехала, был только водитель. Ни конвоиров, никого больше. Он лихо донёсся до конторы, даже не соизволил мне открыть дверь — видимо, считал, что это понизит его водительский статус до уровня обычного вежливого человека. Едва я покинул салон авто, он тут же унёсся, словно опаздывал на последнюю предновогоднюю распродажу. Наверное, там скидки на мандарины: рубль — кучка.

Однако мне пришлось ещё с полчаса обтирать стены в коридоре, ибо Капитонов был занят чем-то важным, и мне велено было ожидать его товарищества. Благо молодой капитан притащил откуда-то табурет. Не иначе как из запасников музея ведомственной мебели. Скорее всего на нём в 1937-м сидел кто-то очень похожий на меня.

Недолго думая, я поставил его прямо посередине коридора и уселся с видом Роденского мыслителя. Только вместо размышлений о бытии я думал, как бы поскорее свалить из 50-х в будущее.

Ребята из конторы, снующие по коридору, молча обходили меня, задумчиво разглядывая, словно я был древним экспонатом в музее. Я не удивился бы, если бы кто-нибудь из них организовал экскурсию и водил толпы смотреть на меня.

Наконец дверь приоткрылась, оттуда высунулась усатая рожа и вежливо пригласила меня зайти. Усатый, которого я несколько раз видел с Петровичем, и оказался тем самым Капитоновым. У меня несколько отлегло от сердца, ибо за время, проведённое на табурете, я напридумывал себе множество ужасных вещей, которые вот-вот должны были со мной случиться. Например, что меня отправят проверять, правда ли в подвалах Лубянки живут привидения, и если да — составить на них учётные карточки.

— Прошу прощения, товарищ Ста.. Скоморох, — произнёс Капитонов, жестом руки предложив мне сесть за стол. — Очень важный звонок был

— Да перестаньте, — благородно принял извинения я. — Мне спешить некуда. Какая разница — полчаса я сиднем сидел в коридоре или неделю? Каждый сверчок — знай свой шесток, говорили древние мудрецы. А я, выходит, сверчок с повышенным терпением — прошёл спецподготовку на ожидание.

Усатый уставился на меня с выражением белого медведя, которого привезли в Африку и сказали, что теперь он будет жить тут. И ещё учить местных крокодилов правилам хорошего тона.

— Яков Петрович предупредил меня, — ответил он, — чтобы я не сильно обращал внимания на ваши слова. Но сейчас у нас серьёзное дело, поэтому прошу без иронии.

— Я всегда знал, что в комитете только серьёзные дела, — подбодрил я его, не желая связываться. На кону были мои личные планы, и я хотел претворить их в жизнь. Поэтому приходилось помалкивать — точнее, маскировать иронию под образцовую покорность, как у школьника, который только что разбил окно, но старается выглядеть ангелом.

Капитонов кивнул, уселся прямо напротив меня, взял в руки кипу документов, которые смахивали на двухтомник какой-нибудь нудятины. В смысле — по объёму этих бумаг. Только бы он не сказал мне: «Возьмите, ознакомьтесь и подпишите». Иначе все планы сдвинутся на неделю, пока я буду читать это всё

— Возьмите, — сказал усатый. — Ознакомьтесь и подпишите.

Серьёзно? Я смотрел на него как на психически нездорового человека. Он реально думает, что эту кучу бумаг я осилю за несколько минут? В уме я уже прикинул: если читать

со скоростью одна страница в минуту, а их тут штук двести. Значит, к утру, может, и закончу. Если не усну на 147-й странице.

— Я ознакомился за два часа, — он нахмурил свои усы — так грозно, будто они были отдельным органом управления. — Но вам всё читать не обязательно. Только параграфы с инструкциями.

Я не верил своим ушам. И глазам. Мне на секунду показалось, что напротив меня сидит менеджер банка и пытается втюхать мне кредит под 150 %, говоря, что мелкий шрифт на договоре читать не нужно — «это просто формальность, вы что — не доверяете нам?». Я встряхнул головой, изгоняя наваждение.

— А можно, как бы это сказать, вкратце услышать, что в этой энциклопедии написано? — полюбопытствовал я.

Тут я попал в яблочко — видимо, Капитонов любил выступать перед публикой. Он поднялся из-за стола и начал медленно мерить шагами кабинет, торжественно объясняя мне, что решили «наверху» и как мне требуется поступать. Я сидел почти час, каждую минуту поворачивая голову то влево, то вправо, чтоб не упускать Капитонова из виду. Это напоминало просмотр теннисного матча, только вместо мяча летали фразы вроде «в соответствии с директивой 47/б» и «согласно пункту 3-д приложения 2-а». Ему бы в стендап — говорит много, двигается хорошо и совсем не умеет шутить. Зато очень серьёзно относится к каждой запятой, будто она несёт особую идеологическую нагрузку.

В общем, за час с копейками я ни хрена не понял, что он мне говорил. Меня интересовало только одно — согласились ли на мои требования. Мне пришлось перебить усатого и уточнить по интересующей меня теме. Тот осекся, секунду грозно смотрел на меня, как падре, которого в самый ответственный момент литургии перебили вопросом: «А где тут купить шаурму?». Но, видимо, решив не связываться со мной, Капитонов начал сверяться с ворохом бумаг.

— Машина согласована, — пропыхтел он, — но с условием

Я подозрительно посмотрел на его морду. Не нравилось мне, когда ребята из конторы выставляют условия. За этими условиями всегда было только одно: ты должен — и баста!

— Интересно, это какое? — поинтересовался я.

— У вас будет личный водитель, — отрезал усатый, — чтобы оградить вас от неприятностей, которые вы так любите.

Чёрт возьми, это совсем не то, на что я рассчитывал. Я попробовал возражать, но Капитонов стоял как стена, спрятавшись за слоганом: «Наверху так решили». Я лишь махнул рукой, чтоб не вызвать подозрений. Мой мозг уже усиленно прорабатывал план устранения конвоира. Не в том, конечно, смысле устранения. А в том, как угнать машину из-под носа у него, пока он будет «ограждать» меня от очередной неприятности — например, от мысли сбежать.

— Что по другим пунктам? — приходилось подгонять неторопливого служаку.

— После нашей встречи, — начал тот, тянуть свою проповедь, — подписав все бумаги, вы отправитесь в один НИИ. Там вас познакомят с тремя молодыми, но подающими надежды инженерами

Я внутренне застонал. «Молодые и подающие надежды» — обычно так называют тех, кого с нуля обучать всему надо. С азов. Да ещё и за поведением следить, чтоб не пили, не курили. И, конечно, потом всё самому переделывать за ними. Но я быстро успокоился. Цель у меня была иная, противоположная. Учить я никого не собирался.

— Надеемся, вы найдёте с ними общий язык, — продолжал гундосить Капитонов, — и после НИИ отправитесь осмотреть три помещения, которые вам предлагаются для вашей научной лаборатории.

Поездка по Москве с водителем-конвоиром мало меня прельщала, но я подумал, что, может, оно и к лучшему. По крайней мере, скрытого хвоста за мной не будет. А так я присмот-

рюсь к своему стражнику, оценю его, чтобы понять его слабые стороны. Пока я обдумывал это, Капитонов продолжал бубнить:

— Все оборудование для работы будет готово сегодня к вечеру, и как только вы определитесь с помещением — утром всё доставят.

«Оперативно», — подумал я. — Вот что значит советская хватка, когда нужно. Я вспомнил, как у нас на работе проклятый стол везли месяца три, с постоянными оговорками, мол, денег нет, и мысленно поставил плюстик 50-му году.

— С кинооператором встретитесь завтра утром. Он приедет к вам на рабочее место, — усатый говорил так, будто я начинающая рок-звезда и у меня будут брать интервью телевизионщики. Хотя в 1950-м инженер из будущего тоже по-своему рок-звезда.

Я решил рассказать товарищу байку про одного певца из будущего и журналистку. Вроде там ещё кофта какая-то была. Но Капитонов не был Гладышевым. С чувством юмора у него были явные проблемы. Он мне сказал, что это просто позор какой-то, и вернулся к своим записям.

Еще минут десять он втолковывал мне какие-то инструкции, как вести себя с инженерами и оператором. Я машинально кивал в ответ, не особо вслушиваясь в его инструктаж, настолько это всё мне было не интересно. Потом я спросил его, где мой смартфон. Он поморщился усами, полез в сейф, который был несуразных размеров, и его можно было сравнить с гробницей фараона, открыл чуть ли не амбарным ключом дверь, через которую можно было десантироваться целому отряду секунд за тридцать, пошелестел бумагами и положил на стол мой родненький смартфон. Я сгрёб его быстрее, чем лягушка хватает муху. На вид — целехонький. Нажал боковую кнопку — экран вспыхнул. Усатый начал назидательно, как умудрённый жизнью старец, трындеть, что мне положено расписаться за полученную вещь. — Нет, вы слышали? — фыркнул я. — Я должен расписаться за право пользоваться своей же собственностью. В следующий раз, наверное, попросят расписаться за своё дыхание — мол, не воровать кислород из атмосферы союза.

Капитонов, видимо, почувствовал мой внутренний сарказм, потому что уставился на меня с подозрением, будто я уже успел взломать его сейф и переписать устав КГБ. Но решив, что перепалки ни к чему, чиркнул свою подпись. Капитонов поглядел, побелел, привстал. — Э-э, товарищ Скоморох, простите, но вы расписались не той подписью — С чего это? — я сначала не врубился — это моя личная подпись. Лет пятнадцать уже. — Да — замялся он — но тут явно начало «Стал-» и пара завитушек. — Ну так фамилия моя такая. Сталин — я уже понял свою ошибку, просто обрадовался смартфону и забыл обо всём на свете, но теперь хотел его вывести из равновесия — поэтому и подпись такая.

Видимо, я зацепил его. Служивый явно не знал, как себя вести со мной. С одной стороны, у него, я полагаю, были чёткие инструкции в отношении меня, с другой — он знал, чей я родственник. Но я хотел, чтобы время до побега летело быстро. А если я сейчас устрою скандал из-за подписи — меня посадят под домашний арест до выяснения. А мне ещё нужно увидеть подростков. И проверить, работает ли Wi-Fi в 1950-м.

Поэтому пошёл на попятную: — Давайте новую бумагу. Распишусь под новой фамилией.

Усатый быстро, словно искал разрешение на бессмертие, перебрал кипу бумаг, сунул мне листок. Я поставил размашистую подпись на полстраницы. Он осмотрел её с видом лингвиста, увидевшего доселе неизвестный египетский иероглиф. Но промолчал. Оставался последний мой вопрос. Почему-то я сейчас не был уверен, что его согласовали. Если уж с машиной они решили подстраховаться

— А подростки из будущего они уже прибыли? Или их задержали на таможне из-за джинсов?

Впервые за время нашей дружеской беседы усатый улыбнулся. У меня немного отлегло — так не мог улыбаться человек, который сейчас встанет и скажет: *«не согласовано»*. Капитонов встал и сказал:— Не согласовано!

Я точно говорю — моё лицо стало не моим при этих словах, хоть я его и не имел счастья лицезреть в этот момент. Как хорошо было планировать побег вместе с подростками и как хреново сейчас, после пары слов. Словно тебе под дых наподдал боксёр, которого ты уже отправил в нокаут, но он, падая, каким-то образом сумел тебе вмазать. Я минуту сидел как памятник имени самого себя и не мог очухаться от этого удара. И самое главное — нельзя было показывать, что я настолько сильно заинтересован в этих самых подростках. Но я уже выдал себя. Своим выражением лица.

Я спохватился и постарался взять себя в руки. Трудно, конечно, это сделать, чувствуя, как верёвка уже сдавила тебе шею, а палач, мило улыбаясь, заносит ногу, чтобы выбить табуретку из-под твоих ног. Но я не сдавался.

— Это шутка такая? — Мне даже не требовалось делать голос недовольным — я же всё чётко изложил Якову Петровичу. Без них весь доклад может полететь к чёртям собачьим.

Капитонов устало зевнул, словно я рассказал ему несмешной анекдот, и хрустнул пальцами.— Ничего конкретного я сказать вам сейчас не могу, Виталий Алексеевич. У меня написано: *«не согласовано»*.

Я привстал на стуле, словно пловец, собирающийся прыгать с десятиметровой вышки в воду. *Если прыгну — может, сломаю шею. Но если не прыгну — точно сломают мне шею другие.*— Кто должен согласовать? Звоните им.

Капитонов от удивления разинул рот. Сейчас он напоминал макаку, которой протянули банан, а потом выхватили его обратно.— Я не могу вам ни сказать, ни позвонить — начал он совсем неуверенно.

— Что значит не можете? — Я лихорадочно вытаскивал слова из головы. — Можете. Потому что иначе — крах доклада. Крах проекта. Кто будет ответственен за этот крах? Логично, что первым — я. Но и ваш дружок Гладышев тоже. И вы. И тот, кто не согласовал. Или он сам не согласовал?

Капитонов вдруг понял, кого я имел в виду под словами *«он сам»*. Растерянность отразилась на его усах.

— Звоните, — настаивал я, уже наплевав на то, что будут думать все эти порядком надоевшие мне в 50-м ребята. — Вам нужен успех. Не мне

— Вам тоже — начал было Капитонов.

— Нет, — отрезал я. — Не нужен. Я понимаю, что может со мной случиться, если ничего не выйдет. Так вот — и не выйдет без помощников. А мне, знаете ли, не очень охота, чтобы ничего не вышло.

— Звоните!

## Игра в поддавки

Я нависал над столом Капитонова, как Эмпайр-стейт-билдинг над павильоном.

— Звоните — повторил я. — Иначе я отказываюсь сотрудничать.

Мне казалось, эта угроза должна возыметь на усатого. Но он выглядел скорее расстроенным, чем испуганным.

— Я не имею права звонить по данному вопросу, — в его голосе снова скользнула усталость, будто он только что два часа комментировал самый скучный футбольный матч в истории. — Понимаете? Не имею. Нет у меня таких полномочий.

Я усмехнулся:

— Не полномочий у вас нет, а железных — Я вовремя притормозил. — У Якова Петровича тоже не было никаких полномочий. Но мужик решил и позвонил. Сами знаете кому.

Капитонову это не понравилось. Усы заходили ходуном, как антенны на крыше «Волги», поймавшей помехи от будущего. А я между тем продолжал ораторствовать:

— Жаль, нет Гладышева. Кстати, где он?

— Его не будет, — произнёс усатый обиженным тоном.

Я внимательно посмотрел на него. И вдруг мне поплохело. От подозрений.

— Что значит «не будет»? — Голос реально просел. — Что с ним? Куда его дели? Отстранили? Арестовали?

Мне не понравилась паника в собственном голосе. Гладышев был козырным королём в моей колоде. А теперь его вынули и, возможно, уже бьют краплёной колодой.

— Успокойтесь, — уже строго ответил Капитонов. — Яков Петрович — на специальном задании. Когда выполнит — вернётся.

Я ему, естественно, не поверил. Но допытываться дальше не имело смысла — этот жук всё равно бы соврал с достоинством.

— Итак, — продолжил я, — нет звонка — нет доклада. Нет доклада — нет проекта.

Капитонов подергал ус.

— А вот на этот случай у меня приказ есть, — произнёс он замогильным голосом, подтягивая к себе из вороха бумаг какой-то листок. — «В случае отказа — немедленный арест».

Он взглянул на меня:

— Знаете, кем подписано?

Я медленно откинулся на стул. Сделал всё, что мог. Подростков, видимо, не будет. Значит придется драпать одному.

— Кем? — спросил я, стараясь, чтобы голос не звучал, как у человека, которому только что предложили чай с цианистым калием.

— Лаврентием Павловичем Берией, — торжественно произнёс Капитонов, будто благословлял крестовый поход против весны.

Я разинул рот в изумлении. Сколько раз уже на мою участь сыпались самые неожиданные открытия. Вот и следующее — не кто иной, как Берия. Мне подумалось, а не Сам ли приложил к этому руку, проделав это через Палыча. Но тут же усомнился. Сам — сам бы и подписался. Ну, наверное. Дело принимало неприятный для меня поворот, но я, как ни старался, оказался загнанным в угол. Ну, да ладно. Поборемся ещё.

— Надо же, — это я произнёс исключительно для ушей усатого, — как все ценят скромного московского инженера под скромной фамилией. Капитонов напрягся, словно вратарь перед ударом пенальти.

— Виталий Алексеевич, — он почти умоляюще посмотрел на меня (я скумекал, что за моё артачество не только мне перепадёт, но и ему), — будьте же благоразумны. Родина для вас всё сделала, приготовила. Вам только нужно взять это и отблагодарить Родину.

Я аж скривился. Столько пафоса было в его речах. Но выхода на эту минуту не было. Я протянул руку, словно хотел взять не бумаги с ручкой, а полцарства, как минимум.

— Давайте, — буркнул, — подпишу.

Ещё примерно с полчаса я был вынужден лицезреть морду усатого, подписывать разные акты, инструкции, и вишенка на торте — подписку о неразглашении. Это реально утомляло. Утомлял меня и владелец этого кабинета. Нет, что ни говори, Петрович, какой бы хитрый жучара он ни был, был самым человечным, что ли, из всех, с кем я успел подружиться в Главной конторе страны. Не сказать, что Капитонов плох или неприятен. Просто он чисто бюрократ. Хотя иногда это и к лучшему, если вспомнить небюрократа-крысёныша.

Усатый упомянул, что внизу меня уже ожидает машина и моя работа. Пожелал успехов в труде и личной жизни таким тоном, что я едва не всплакнул.

Напоследок мы даже чуть не обнялись с усатым. Он впервые посмотрел на меня с какой-то хитрецей в глазах, когда я шёл с пропуском к двери кабинета. Я даже замедлился, пристально посмотрев на его хитрую рожу.

— Вас ждёт сюрприз, Виталий Алексеевич, — только и сказал он. — И не забудьте: всё нужно делать по инструкции.

— Конечно, конечно, — вслух сказал я, про себя думая: как бы не так.

Я осторожно приоткрыл дверь, не выходя из кабинета. Я бы не удивился, если сверху на меня пролилась вода из ведра. Знаю я эти лубяньские шутки. Но ведра с водой не было. Я махнул рукой Капитонову на прощанье и кубарем скатился вниз к главному входу.

Постовой взглянул на мой пропуск, козырнул и я потерял для него значение. Впрочем, я как-то особо и не расстроился по этому поводу. Я горел желанием увидеть автомобиль и решить, сможет ли он помочь в моём плане. Почему-то я думал, что ребятишки из конторы подгонят мне какую-нибудь развалюху, созданную ещё при царе горохе, и эта мысль прямо жгла меня изнутри. Было почти два часа дня, когда я вынырнул из здания на Лубянке под дневной свет.

Машин стояло порядочно, и я завис, прикидывая, какая моя.

— Виталий Алексеевич, — услышал я, сбоку, до боли знакомый голос, — машина ждёт вас. Я ваш водитель и охранник.

Я резко повернулся. Так и есть.

Лже-сапожник, лже-пьяница, лже-друг. Он же сотрудник с Лубянки. Арсений, чтоб его. Теперь он выглядел абсолютно иначе, чем тогда, когда играл свою роль сапожника и был моим таинственным конвоиром. Статный, подтянутый. От него чуть ли не исходил дух комитета. Я, честно говоря, даже невольно был восхищён им. Это было поистине великолепное перевоплощение. Суперигра. Мир лишился в лице Арсения великого артиста. Или клоуна. Но всё же я был раздосадован тем, что он меня провёл, как мальчишку, и моё восхищение испарилось, как кусочек льда под палящим солнцем Африки.

— А-а — протянул я, делая вид, что мне неприятно с ним находиться рядом. — Вы? А где же ваше сапожное оборудование?

Арсений понимающе улыбнулся. Его улыбка покорила бы Голливуд. Проблема была в том, что мы не в Голливуде и на меня она не подействовала.

— Сдал весь инвентарь под опись, как и положено, — отчеканил он. — Идёмте, Виталий Алексеевич. У нас сегодня много поездов.

Увидев новенькую чёрную «Победу», я, вероятно, впервые за сегодня почувствовал чувство удовлетворения. По крайней мере, скорость этой машины явно лежит не в пределах 60 км/ч.

Я уже представлял себя Шумахером, уходящего на бешеной скорости от погони более медленных гонщиков из команд «Лубянка» и «Милиция». Мне вдруг пришло в голову, что проект по полимерам имеет всё-таки огромное значение для страны, и главный инженер, в моём скромном лице, должен соответствовать статусу этого инженера. И эта «Победа» была одним из этих статусов. Наполированный кузов, хромированные колпаки, ручки, зеркала — словно это не машина комитета, а авто для мажорика.

По правде сказать, мне понравилась тачка. Во всяком случае, я бы с удовольствием забрал её в будущее и гордо катался бы на ней по современной Москве. Арсений предупредительно открыл мне заднюю дверцу. Пока я усаживался с видом арабского шейха, он стоял по струнке, словно это был не человек, а манекен. Потом, быстро словно телепортировавшись, он уселся за руль.

— Первая остановка — НИИ, — сказал он. — Через пятнадцать минут будем там, Виталий Алексеевич.

Я сказал, что пятнадцать минут — это вечность, а вечность не позволит нам запустить наш проект, и внимательно посмотрел на его выражение лица. Мне следовало понять: в курсе ли он проекта или просто исполнитель.

Перед тем как войти в здание, Арсений достал из папки документ и протянул его мне. Это оказался специальный пропуск на моё новое имя. Интересно, по этому пропуску можно пройти в будущее?

На входе в НИИ был пост милиции. Милиционер проверил наши пропуска, кивнул головой, пропуская нас. В холле нас уже ожидал бодрый старичок в белом халате. Он представился директором НИИ. Но на директора он мало походил. Больше на врача психушки для особо буйных. Я поделился с ним этими мыслями, и он тихо рассмеялся:

— Уверяю вас, молодой человек, вы не правы, — таким же тихим голосом, словно он на ночь читал внуку сказку, проговорил он. — Мы один из передовых исследовательских институтов Союза. Хотя, по правде, мне тоже иногда кажется, что я заведующий дурдома.

Мне этот старичок понравился сразу. Чувство юмора у него было, да и вообще он казался приличным человеком. Впрочем, Арсений тоже сначала казался мне человеком.

Арнольд Исаакович, так звали директора, провёл нас на третий этаж, по пути болтая как канарейка. Он рассказывал, какой у него замечательный подбор инженеров, конструкторов и так далее. Обещал мне всякую помощь в моём секретном проекте. Я удивился и спросил, с чего он взял, что мой проект секретный? Директор улыбнулся и ответил, что если три его инженера подписывают бумагу о неразглашении и съезжают со мной в какую-то секретную лабораторию, которая намного секретнее его секретного НИИ, то, значит, и проект сверхсекретный. Я подивился его дедуктивному методу и порекомендовал Арсению присмотреться к директору:

— Уверен, у вас в комитете он станет лучшим следователем, — закончил я. Арсений первый раз за нашу сегодняшнюю встречу усмехнулся, но продолжил молчать, как истукан.

Наконец мы дошли до нужной двери. И тут старичок-директор повёл себя немислимо. По крайней мере для меня. Он попросил моего сопровождающего подождать в коридоре. Арсений ответил отказом, но Арнольд Исаакович категорично заявил, что в его инструкции по представлению мне инженеров был указан только я. И поскольку все его инженеры — люди, работающие над секретными разработками, он не имеет права открывать их личности никому, кроме тех, кто имеет доступ.

Арсений стал настаивать, что он имеет доступ, но директор попросил ему показать этот допуск. Арсений молча, с видом товарища из Политбюро, протянул ему свой пропуск. Старичок мельком взглянул и заявил, что это пропуск только в здание НИИ и не более того. Арсений был ошарашен, и я довольно хлопнул его по плечу:

— Не переживайте, друг мой, но инструкция есть инструкция, — поддел я его и, повернувшись к директору, взял его под локоть. — Идёмте, Арнольд Исаакович. У нас, больших учёных, есть свои дела.

Мы миновали дверь, оставив моего охранника в полнейшей растерянности. Помещение было пустынно. Даже стол и стулья никак не занимали его, а словно были миниатюрными декорациями в большом концертном зале. В общем, тут можно было расставить стулья на двух противоположных стенах и сыграть в футбол с друзьями — пять на пять.

Пока мы топали до середины комнаты, я устал. Там, за столом, расположились три персонажа в таких же белых халатах, как у директора. Хотя, когда я присмотрелся, то отметил: у персонажей халаты были намного новее и белее, чем у старичка. Видимо, списание рабочей формы в НИИ явно затягивалось. Ну или директор тут работает больше всех вместе взятых.

Трое встали из-за стола, когда мы приблизились. Я рассмотрел их. Первый — среднего роста, седой, с бородкой, в очках, лет пятидесяти. Представили мне его как Марка Давидовича Рубенштейна. Второй — розоволицый крепыш с русыми волосами и мясистым носом. Моего возраста. Фёдор Михайлович Достовалов. Третий — совсем юный, видимо, только-только окончивший институт. По виду — явный ботан, очки он, видимо, отобрал у какой-нибудь бабульки. Саша Пытько. Все они поздоровались со мной с таким почтением, словно я был, как минимум, Рокфеллером, и от меня зависело финансирование их НИИ.

Директор представил меня пафосно. Эпитеты «великий ум современности» или «невероятное открытие этого гения» безусловно польстили мои уши. Хотя я и знал, что это неправда, но ничего не мог с собой поделать. Причём ещё и троица выразила мне своё восхищение. Я стоял, красный от удовольствия, как помидор. Но в голове всё равно отложилось: старичок-директор и троица явно не в курсе, кто я такой. Им, видимо, просто сказали, что я «гениальный инженер с перспективным проектом» — и всё. Что ж, буду знать.

После приветствий, знакомства и обобщений я принялся за дело (хотя понимал, что это для меня просто игра в поддавки и никакого дела не будет — будет побег). Я попросил троих рассказать о своём рабочем и научном опыте, о специализациях. Спрашивал о пластмассах, станках и прочем. Все трое, вообще-то, оказались серьёзными ребятами. Если бы я реально был настроен на создание проекта, то был бы даже рад с ними поработать. По крайней мере, обучать их с нуля не нужно было бы.

Рубенштейн был конструктором станков. Достовалов работал над пластмассами. Пытько был чертёжным гением. Мне рассказали, что он однажды начертил проект авиационной детали просто от руки, не используя ни одного инструмента, кроме простого карандаша. Понимание того, что нужно начертить, и скорость его работы были замечены, и его быстро перевели в секретный НИИ. К тому же он был прекрасным математиком.

Все эти разговоры можно было уложить в час, но я специально затягивал время. Пусть Арсений подождёт, побеспокоится. Да, я ж забыл! Я попросил минуту меня подождать, вышел в коридор. Мой сопровождающий стоял, прислонившись к стене.

— Арсений, — начал я, — извините, не знаю вашего отчества...

— Александр Юрьевич, — спокойно ответил тот.

Я поперхнулся. Значит, даже имя Арсений было рабочим псевдонимом. Ну чекисты. Но ладно, надо действовать.

— Александр Юрьевич, — сказал я, — дело в том, что Капитонов забыл мне отдать зарядное устройство. Именно так и называется. Для одной моей вещи. Он знает. Вам нужно срочно его привезти сюда. Да, это необходимо. Машину оставьте здесь — мы с коллегами сейчас поедem посмотреть их цех, примерно на полчаса. Потом вернёмся сюда и будем вас ждать.

— Неположено, — отрезал лже-Арсений. — Машину вам оставлять неположено. Не по инструкции.

Я пытался разными словами убедить его, что мне нужна и зарядка, и машина, но легче было сломать Колизей голыми руками, чем уговорить Александра. Что ж — первый раунд я проиграл. Надо ждать начала второго.

## Ты - Сталин

Вечером, после ужина, я валялся на диване и анализировал события сегодняшнего дня. Мне так и не удалось избавиться от Арсения — буду так его и звать — и получить доступ к машине.

Пока я мило беседовал с ребятами из НИИ, Арсений, как выяснилось, сделал один звонок — и зарядное привезли с извинениями от Капитонова. Следующим шагом, наверное, привезут тапочки и чай с баранками: «Примите, товарищ из будущего, вы ведь устали от спасения человечества».

Потом Арсений повёз меня по объектам выбирать место будущей лаборатории. Прямо как риэлтор: «Смотрите, здесь просторно, тихо, и, самое главное : выход только один. Для безопасности».

Первое место находилось на территории того самого НИИ, где директором был забавный старичок. Если бы в мои планы входило именно создание проекта, а не попытка побега, я бы выбрал его сразу. Там всё было под рукой: опытные производственные цеха, мощная по меркам 1950-го года база, работники, которые любую задумку начали бы превращать в действительность в мгновение.

Но это место было в Москве. А в случае чего дороги из города перекроют быстрее, чем я успею сказать «я свободен». Ага, и меня повезут обратно на Лубянку, как нерадивого школьника, опоздавшего на урок истории. Только учитель будет с фамилией Берия.

Второе место было за городом. Один неработающий цех и здание ещё от царских времён. Арсений разговорился и поведал, что эти постройки должны были снести и построить тракторный завод, но власть передумала.

Третье место было идеальным. Ещё одно НИИ, гораздо меньших масштабов, но рабочее. Там под мои нужды отводились три кабинета и один маленький цех. К тому же оно было километрах в десяти от Москвы и как раз в сторону Великого Новгорода.

Я сразу сказал, что выбираю его.

Позже нам пришлось всё равно заехать на Лубянку. Капитонов выслушал всё, что я ему говорил, куда-то позвонил и сообщил, что всё согласовано. Место получило кодовое название «Опытная лаборатория 101», а я был назначен ведущим инженером и ответственным за проект.

Он добавил, что завтра в течение дня туда будут направлены мои помощники и начнётся поставка оборудования. Я могу либо сам лично всё проконтролировать, либо взять себе один день выходного. Но послезавтра в 8 утра я должен быть там как штык.

Что ж. Время есть. Теперь осталось только набраться терпения и дожидаться момента, когда я смогу получить доступ к автомобилю. Как будто я не инженер, а буддийский монах, медитирующий на капоте «Победы».

С этими мыслями я решил, что пора бы пораньше завалиться спать, как вдруг в дверь кто-то настойчиво постучал.

Я решил не вставать, надеясь, что неизвестный уйдёт, но стук повторился. Потом ещё. И ещё. Это явно не с Лубянки. Они бы могли просто позвонить — ведь сами установили у меня телефон.

Мне надоело лежать и слушать, как в дверь настойчиво кто-то тарабанится. Внутри нарастало раздражение, и я резко поднялся с дивана, пошёл к двери с желанием дать по шее настырному гостю. Я резко рванул дверь на себя. Передо мной маячил тип с баулом в руке. В полутёмном мраке парадной я не мог его разглядеть как следует. Да и всё равно мне было плевать, кто это за фрукт. Меня задевало, какого хрена он меня тревожит. Я уже открыл рот,

чтобы сказать ему пару ласковых слов, но тип, к моему изумлению, ввалился мимо меня в квартиру, сразу прошёл в гостиную, бросил баул у стола и повернулся ко мне.

— Что встал-то? — спросил он. — Заходи, не стесняйся.

Мне совсем не понравилось его поведение. Я прикрыл дверь и решительно шагнул вслед за ним в свою гостиную. Что это за тип такой, врывается ко мне как к себе домой, ни здрасте, не представляясь. А он уже суетился у стола. Достал из баула две бутылки с мутноватой жидкостью, шмат сала, кружки колбасы, хлеб, помидоры. Я открыл рот, молча наблюдая за действиями типа. У меня просто пропал дар речи, но внутри снова начало закипать. Тип повернулся ко мне и снова произнёс:

— Давай-давай, подходи. Где у тебя стаканы, кстати?

Я только тут его внимательно разглядел — моего возраста, слегка рыжеватый. Он вдруг скинул плащ прямо на мой диван. На нём была какая-то военная форма. Кто это? — ударила меня мысль. — Военные решили обскакать комитет? Или они заодно?

Я приблизился к столу и хотел задать вопрос — кто он такой и что всё это значит. Но парень неожиданно быстро подошёл ко мне, схватил меня за плечи, развернул так, чтобы моё лицо было лучше видно, и жадно впился в меня глазами.

— Да — радостно произнёс он вдруг и рассмеялся, коротко, но радостно. — Есть что-то похож Ой, как похож

Это был уже явный перебор. Тип, которого я впервые вижу в глаза, тряс меня за плечи, смеялся и нес какую-то пургу. Я решил, что нужно поставить этого хама на место. Если не получится словами, то вмазать ему разок. Я резко дернулся, вырвался из его рук, отошёл на шаг. Но типа это не смутило. Он только шире заулыбался.

— Резкий. Дерзкий. Чувствуется горячая кровь, — просто сказал он.

Ну всё!

— Вы кто такой? — Я постарался зарядить свой голос порцией грома. — Что вы тут себе позволяете?

Он восхищённо посмотрел на меня и сделал шаг ко мне. Я снова отступил. Видимо, придётся всё же бить морду.

— Теперь точно не сомневаюсь, — воскликнул он. — Моя кровь.

При этих словах я замер, какое-то странное чувство словно парализовало меня, и я, наверное, уже начал догадываться, кто это. Эта мысль оглушила меня, как динамит рыбу на рыбалке.

— Не признал? — Парень не переставал улыбаться. — Не осуждаю. Я б тебя тоже бы не признал, коли б не знал. Я ж прадед твой. Василий.

У меня слегка полетели круги перед глазами. Этим жизнерадостным типом был мой предок. Мой прадед. Василий Иосифович Сталин.

Минут десять я был в каком-то тумане. Василий спрашивал меня о чём-то, я отвечал. Он сам нашёл стаканы, подтащил стулья к столу, уселся. Я плюхнулся напротив него, и он моментально наполнил тару жидкостью до краёв. И только когда моё горло обожгло — разум вернулся ко мне. Мой родственник рассматривал меня во все глаза, улыбался.

— И ведь я почему-то сразу поверил майору, — продолжал он. — Всё всё, что он мне принёс, казалось нелепостью, но я прочитал и поверил. Теперь сам вижу — правильно поверил. Это какая-то фантастика

— Вы правы, — это фантастика, — я не знал, как вести себя в присутствии прадеда, и слова как-то не лезли в горло.

— Зачем на «вы»? — удивился мой молодой прадед. — Ты своего деда знал? Ты с ним на «вы» был? Ну вот. На «ты». Только на «ты». Чай, не незнакомцы, а родня

Я кивнул, собираясь с мыслями. Василий тем временем наливал себе второй стакан. Увидев, что мой почти полон, он удивлённо поднял брови.

— Пей, Виталья, пей. Оно ж хороший продукт.

Я попытался выпить залпом. Получилось, но с трудом, и я быстро схватился за помидор. В нашем времени я водку всегда запиваю, но здесь, вроде, не принято.

— А как к вам тебе обращаться? — уточнил я. — Ну, чтобы не обидеть?

Он рассмеялся, протянул стакан над столом. Мы чокнулись, и он опустошил его. Взял нож, отрезал приличный кусок сала, положил на хлеб, закинул в рот.

— Василием, — наконец ответил он. — Чего нам с тобою фамильярничать? Одного, считай, возраста. Эх, не верится — Он снова упёрся в меня взглядом. — Сижу за столом со своим правнуком из далёкого будущего

Мы выпили ещё по одному разу. Василий не сильно налегал на закуску, а вот мне приходилось, чтобы раньше времени не скопытиться. К моему удивлению, мой прадед оказался довольно разговорчивым человеком. Некоторое время мы болтали обо всём подряд. Особенно он много говорил о футболе и хоккее. Мы уже захмелели, когда он грохнул кулаком о стол и спросил меня:

— Ну, расскажи мне, Виталий, как там в будущем? Хорошо али не очень?

Я в замешательстве сделал вид, что закусываю, в то время как моя мысль бешено работала. Что ему сказать? В курсе ли он, что СССР больше не существует? Что коммунизм пал под натиском капитализма? Василий посмотрел на меня и улыбнулся:

— Не прикидывайся, Виталий! Гладышев мне многое рассказал. Просто расскажи за жизнь. Что такого, чего нет сейчас? — и он долил первую бутылку по стаканам.

На протяжении получаса я ему рассказывал об интернете, машинах, бытовой технике. Он живо удивлялся почти всему. Разочаровался только, что на Луну и Марс не летаем.

— А ты? Как ты живёшь? Жена? Дети?

Пришлось его немного расстроить: ибо не женат и детей нет.

— А вот это худо! — он поднял стакан и залпом опрокинул его. — Не прекращай наш род, Виталий! Как вернёшься в своё время — сразу в загс!

Я чуть не подавился куском сала. Сам Василий Сталин говорит о том, что я вернусь! Он в это верит? Я осторожно у него уточнил, что он имел в виду. Тот лишь развёл руками:

— Понимаешь, Виталий, — ответил он, — я как думаю? Ты не знаешь, как сюда попал. Так? Ну, если не врёшь, — он усмехнулся, — я знаю: не врёшь. Значит, что-то такое случилось, что ты смог попасть и со мною поговорить. Может, судьба какая? Но это же тебя может вернуть назад. Это я так думаю. Все они, — он указал пальцем на дверь, — не отпустят тебя. Ты ценный это как его специалист, вот. Но то, что тебя сюда привело, может так же отсюда забрать. И я буду доволен, зная, что ты, уйдя в своё время, выполнишь мой наказ. Я и так уже счастлив, что мой род не угас, товарищ ты мой, Сталин.

Он открывал вторую бутылку, когда я положил перед ним свой новый паспорт. Он разлил жидкость, открыл паспорт и замер.

— Это что? — уже суровым голосом спросил он меня.

— Это та фамилия, которую мне тут дали, — пожаловался я.

Василий вскочил со стула и в ярости бросил стакан об стену. Я честно скажу — немного испугался. Мой прадед прошёл дважды по гостиной, потом подошёл к буфету, достал ещё один стакан, сел за стол, налил.

— Выпьем, — пригласил он меня и, не чокаясь, закончил процесс.

— Вот оно что, — зло проговорил он, — эти твари так боятся фамилии моего отца, моей фамилии, что даже моего потомка хотят её лишить. Вот им, — он показал фигу стене, — ничего, Виталий. Ты — Сталин. И ты останешься им. Это я беру на себя.

Он снова разлил по стаканам. Странная вещь происходила со мной в этот вечер: чем больше я с ним пил, тем больше начинал трезветь. В отличие от Василия. Он захмелел очень

сильно. Может, потому что не налегал на закуску, как я? Я осторожно поинтересовался, что у него с моей прабабкой. Он горько хмыкнул:

— Она мне ничего не сказала. Гордая. Но ничего. Я всё исправлю. Твой дед будет сразу носить ту фамилию, которая ему причитается. Я обещаю тебе, Виталий!

Когда он это произнёс, я почему-то вспомнил наш разговор с Гладышевым. Он мне тогда сказал, что, возможно, моя прабабка рассказала моему деду о настоящем отце, и он решил восстановить справедливость — сменил фамилию Маминов на Сталин. Но сейчас, слушая Василия, я подумал: а не случилось ли всё это уже? Может, раз за разом я попадал в прошлое, сидел за одним столом с Василием Сталиным и именно он становился инициатором смены фамилии деда на правильную? Чёрт, голова кругом — так всё запутано.

Мы просидели с прадедом ещё около часа. Но чем больше он напивался, тем менее жизнерадостным он становился. Меня, по правде говоря, это немного опечалило. Допив вторую бутылку, Василий засобиравшись домой. Он накинул плащ, подошёл ко мне, крепко обнял.

— Держись, внук. Мы их всех переживём. Мы — Сталины!

Надо же. Впервые он назвал меня внуком. Я, видя, как его слегка заносит на поворотах, предложил проводить его — и чуть всё не испортил.

Василий посмотрел на меня, пьяно усмехнулся и резко ответил:

— Я не барышня. В провожатом не нуждаюсь. Внизу машина — отвезёт. Да, вот ещё что: дай мне карандаш и бумагу.

Я удивлённо поискал и то, и другое.

— Мой номер телефона. Это рабочий, это — домашний. В любое время, если что понадобится. Ты понял?

Я уверил, что понял. Он ещё разок меня обнял, хотел что-то сказать, но махнул рукой и скрылся за дверью.

Я остался один с непонятным чувством в груди.

## Не тот день, чтобы быть главным инженером

К своему удивлению, всю ночь я проспал как убитый. Я сам ждал от себя ночного бодрствования, размышлений о визите прадеда, о своей судьбинушке, занесшей меня в прошлое, но как только моя тыква соприкоснулась с подушкой, я отключился, как отключается телефон в самый неподходящий момент. То ли меня успокоила атмосфера разговора с предком, то ли умиротворил натурпродукт, который мы с этим предком пили весь вечер. В любом случае утром Анна Степановна сказала недовольно, что я храпел аки рота солдат. Её очень удивил запах вчерашнего застолья, разбитый стакан и пятно над ним на стене. Охая, она убирала осколки, бормоча про себя, что я казался ей до этого момента интеллигентным человеком.

Я пропустил все её причитания. Повод был железный. Мой организм страдал с похмелья. Удивительно, правда, что голова не болела. Но запах куриного бульона вызывал у меня отвращение, словно я был заядлым вегетарианцем.

Дворничиха, выговорившись наконец, удалилась, а я продолжил маяться. С жалобным видом бродил от дивана до крана с водой и обратно. Пока не придумал вынуть цветок из кувшина (цветок я вынимал с почтением — как священник, освобождающий чашу от даров), ополоснул его и, набрав воды, возлег на диван с видом греческого философа. Правда, часа три мне было не до философских мыслей. Я пытался убедить свой организм, что вчера весь вечер я пил чай. С малиной.

Но обмануть организм мне так и не удалось. Он пошёл на поправку только тогда, когда позвал меня с собой в туалет исполнить оперную арию. Оперная ария прошла на ура. Публика в шоке. Критики молчат. Я — жив.

Вот и куриный бульон зашёл. Я наконец смог вполне себе сносно размышлять. Первой живой мыслью было: хорошо, что сегодня я мог никуда не ехать. А то интересно было бы на морду Арсения посмотреть, как я залажу в машину с перегаром, от которого мрут мухи.

Потом мои мысли вернулись к вчерашнему. Если б не моё жуткое состояние с утра и не разбитый стакан, можно было бы придти к выводу, что я болен. Расстройством и галлюцинациями. Василий Сталин. И я с ним выпиваю.

Но нет. Мой мозг живее всех живых и бодрее всех мёртвых. Сталин был. И я помнил до мельчайших подробностей наш с ним разговор. Наверное, так до мельчайших подробностей всё помнит человек, который занял тебе тыщу. И в какой день занял, и насколько.

Я вновь и вновь прокручивал в голове, что он мне говорил. Обещал помочь с чем угодно. Интересно, если я попрошу помочь смыться в будущее, поможет? Мол, здравствуй, прадед, это я, ваш правнук из будущего. Не подскажите, как удрать обратно? А то тут Берия, и он меня не любит. Сработает. Точно сработает.

Я корил себя, что вчера не догадался через него решить вопрос с зуммерами. Я достал из кармана сложенный вчетверо листок. Два номера. Может, позвонить? Чай, родственник, а не собутыльник.

Я ещё примерно с час маялся, но уже не с похмелья, а по поводу позвонить — не позвонить. Ситуация была похожа на ту, когда вы стоите выпивши на остановке: у вас ни гроша в кармане, поливает ливень, и вы думаете: сесть или не сесть в автобус. Есть вероятность и проехать зайцем, а есть — отхватить от тучной кондукторши.

Ладно, — решил я, — сыграем почестному. Ругаясь на чём свет стоит со своей совестью, я взял цветок, ранее вынутый из кувшина, и начал обдирать с него по листку. Позвоню и листок летит на пол. Не позвоню и ещё один. Правила были железные, как устав пионерлагеря. Последним, конечно же, оказался не звонить.

Ну и чёрт с ней, с этой игрой! — плюнул я на все предсказания природы и снял трубку, дрожащим пальцем крутя диск телефона .

— Приемная. — услышал я бас какого-то мужика. — Слушаю!

Я мельком бросил взгляд на телефон на бумажке. Звоню по рабочему. Почемуто я представлял себе, что Василий сам ответит или, на худой конец, на том конце пропоёт женский мелодичный голосок. А не вот это, способное одним басом осыпать грязь с днища автомобиля. Но да чёрт с ним. Мне нужен был прадед.

— Сталина, — пытаюсь подражать басу мужика на той стороне, прорычал я. — Немедленно! Правда, мой бас прозвучал, как писк комара рядом с реактивным двигателем.

— Представьте, — не смутился тот бас.

Я лихорадочно соображал, как мне себя назвать. «Скоморох»? Да он сразу решит, что я шутник и бросит трубку. «Сталин»? Ну да, конечно, прадед так и ждёт звонка от правнука из будущего. Колебался я не более секунды.

— Сталин, — тут я бахнул хорошо.

На том конце провода что-то глухо звякнуло, будто там уронили сейф. Я почти увидел, как мужик вздрогнул.

— Простите, не расслышал, — теперь это был другой голос. Таким у вас просят занять до полочки.

— Сталин, — я продолжал гнуть свою линию. — Передайте Василию Иосифовичу, что ему звонит его дальний родственник с Кавказа. По срочному делу.

Тишина. Длинная, как срок за анекдот про вождя. Я представлял себе морду собеседника в этот момент.

— Минуту! — на проводе что-то стукнуло. То ли собеседник бросил трубку на стол, то ли сам свалился со стула. Но я напряжённо ждал ответа. Как ждут результата на беременность.

— Виталий, — услышал я уже знакомый голос. — Что случилось?

Я мысленно отдал должное родственнику. Ни тебе вопросов про твоё здоровье или как жизнь — сразу к делу. Я невольно восхитился его хваткой. Оставив за бортом свои вопросы о его сегодняшних ощущениях от вчерашнего, я около пяти минут жалобно ему исповедался : о проекте, о том, как злые чекисты не дают мне моих современников для полноценной подготовки к этому проекту!

Где-то в глубине меня подкалывала совесть, говоря: «ты всё врешь, и ни о каком проекте и не мыслишь». Но я успокаивал себя тем, что раз меня пытаются использовать, то я чем хуже.

Только совесть пищала, что сам прадед меня как раз не использует. Я остался глух к этому, как один народ был глух к увещаниям Ноя. И продолжал вещать, как оратор на митинге без микрофона.

Василий дослушал мой монолог до конца, не перебивая. Мне иногда казалось, что я говорю в пустоту. Лишь когда я закончил, он сказал, что попробует что-то сделать, велел ждать, когда он со мной свяжется, и тут же отсоединился. Честно говоря, это меня немного удручило. Я-то думал, что уже через пять минут всё решится в мою пользу, но спокойный и осторожный голос моего предка дал знать: не стоит бежать впереди паровоза.

Пораскинув мозгами, я решил с ним согласиться. Не с паровозом, конечно, а с прадедом. Остаток дня я провёл, витая в фантастических грёзах по пути домой.

Следующий день не задался. Началось с того, что ни свет ни заря ко мне припёрся Арсений и вытащил меня из постели с таким видом, будто нам не в НИИ нужно ехать, а на утреннюю рыбалку. Я проспал, теперь мы не поспеваем к зорьке, и клёва не будет. Мой организм запротестовал, когда я взглянул на часы — 4:55. Но Арсений разродился тирадой, что мне нужно принять ванну, позавтракать, и дорога не близка. Пришлось рассказать ему, что невыспавшийся главный инженер хуже незваного татарина.

Я буркнул это, как древний оракул, предрекающий беду, если не дать главному инженеру досмотреть десятый сон.

Он ничего не ответил, но стоял над душой, как уличный маркетолог с пакетом всякой хрени у твоего порога, и требовал эту хрень у него купить. Чтобы не ранить его тонкую натуру, мне пришлось плестись в ванну, где, лёжа в едва тёплой воде, я дал волю своему голосу, напевая: «Наша служба и опасна и трудна». Судя по притихшему в комнате Арсению, он проникся. То ли моим голосом, то ли песней.

Потом оказалось, что вечером Анна Степановна не заходила и ужин не готовила. Видимо, решила, что я буду продолжать банкет. Соответственно, на столь раннее утро не было ничего, чем можно было утолить голод. Я открыл холодильник с видом археолога, который надеется найти в песках хотя бы обломок глиняного кувшина, но не нашёл даже мыши с верёвкой.

Честно говоря, я был не голоден, но во мне жгло желание проучить и насолить Арсению за столь ранний подъём такого благородного человека, как я. Я категорично заявил ему, что голодный инженер — это крах всего проекта, и я не сдвину с места, пока мой желудок не ошутит что-то вроде копчёного окорока. Или, на худой конец, пиццы.

Арсений стал меня уверять, что в НИИ с завтраком проблем не будет. С таким же видом банковский служащий утверждает, что это самая выгодная процентная ставка на кредит. Но я уселся за стол, словно окопался перед наступающим противником, и ничего не хотел слушать. Тогда Арсений сдался и сказал, что по дороге заскочим в закусочную. Мол, тут недалеко. И надо же — я купился. Как тогда купился на ипотеку. Естественно, никаких открытых закусочных в столь раннее утро в этой Москве не было.

В НИИ мы притащились в семь утра! Ни единой живой души, кроме солдатской охраны, не было. Я уже собирался высказать Арсению много лестного, но тут у меня заболела голова. Конечно же, никакой таблетки "пенталгина" в машине обнаружить не удалось. Я сидел на заднем сиденье с видом великомученика, закрыв глаза и тихо постанывая. Что за денёк-то такой! Плюс меня ещё жалила мысль о том, что, если мой прадед решит со мной связаться, то вряд ли он меня отыщет в этой забытой богом дыре за Москвой. Это ещё больше усилило головную боль.

Наконец к главному входу стали подъезжать автобусы и автомобили. Народ потянулся на работу. Как и положено — к восьми утра. А не как двое ненормальных — к семи. Я даже узнал двоих — Рубенштейна и Достовалова. Они вылезли из автобуса и, о чём-то споря и махая руками, скрылись за дверьми здания. Голова продолжала ныть, и я в этот момент очень хотел, чтобы Арсений был обычным таксистом, который отвезёт меня домой. Но тот уже выскочил из-за руля и открыл мне дверь. Статус — он такой!

На меня сразу уставилось несколько рыл, пытаюсь отгадать, что за важная такая птица прибыла в их скромный секретный НИИ Правда, говорю, в другой раз я бы нашёл, что им сказать, но сейчас у меня было только одно желание — дойти до своего кабинета и завалиться где-нибудь в углу, попросив меня не беспокоить до обеда.

Вдобавок ко всему я в коридоре натолкнулся на Арнольда Исааковича. Старичок осмотрел меня пытливым взглядом, улыбнулся, как заговорщик, и потащил меня куда-то в сторону от моего пути, по пути неся мне благую весть, что его тоже сюда перевели директором над всем этим НИИ.

— Вижу, вижу, — зашептал он, обдав меня запахом лёгкого, но дорогого перегара, — вам тоже следует принять микстуру от головной боли.

Я молча вознёс хвалу всем богам, надеясь получить болеутоляющее, прежде чем впасть в шок: старик-директор втолкнул меня в какое-то помещение, запер дверь на ключ, метнулся к сейфу и, вытащив оттуда бутылку коньяка, грохнул её на стол.

— Сейчас полечимся, — довольно проговорил он.

Я ещё не успел обрадоваться, как уже начал паниковать. Потому что микстура от головной боли у директора НИИ и у обычного человека это две микстуры. Я застонал. Он вдруг посмотрел на меня так, будто только сейчас заметил, что я не участвую в утреннем ритуале, а реально страдаю. Для него это, наверное, было как увидеть трезвого Деда Мороза в июле

— Так вы в самом деле заболели?

Я объяснил ему, в чём дело. Но прежде чем приступить к спасательной миссии, Арнольд Исаакович сделал приличный такой глоток прямо из горлышка бутылки. Шумно выдохнул и твёрдо сказал:

— Сейчас мы поставим вас на ноги, молодой человек.

Но беды на этом не закончились. Во-первых, никаких пилюль, таблеток или порошков в медкабинете найти не удалось. Были лишь уколы, которых я с детства не переносил. Серьёзно говорю: у меня от одного слова «укол» почти прошла голова, но на меня все накинулись, уговаривая поставить животворящую ампулу.

Так вот, животворящая ампула, может, где-то тут и была, но медсестричка явно её перепутала с другой и вкатила мне в зад болючий раствор. Правда, голова на пару минут прошла, ибо я взвыл от совершенно другой боли. Аж в глазах помутнело. Помню, что меня уложили обратно на кушетку, где вскоре благополучно вернулась головная боль, словно она просто выходила на перекур. Правда, ненадолго, ибо я закрыл глаза и куда-то провалился.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.